

Свобода и солидарность. Анархический взгляд на экономику

Йэн Маккей, Сэм Долгофф, Денис Хромый, Уэйн Прайс, Уоррен
Макгрегор, Solidarity Federation, Франческо Далессандро,
Авраам Гильен, Дэн Хэнкокс, Явор Тарински, Тодор Марков,
Серж Латуш, Мариус Е.

Оглавление

Предисловие к сборнику	7
Йэн Маккей. Анархономика	10
Введение	11
Необходимость в альтернативе	12
Что представляет собой анархономика?	13
Кулинарные рецепты для столовых будущего...	14
Марксизм как невозможное общество (в лучшем случае) или как государственный капитализм (в худшем случае)	15
Намечая будущее, анализируя настоящее	17
Строя будущее, сражаясь с настоящим	18
Закладывая кирпичики (либертарного) социализма	19
Вольный коммунизм	21
Заключение	23
Дальнейшее чтение	24
Сэм Долгофф. Анархо-коммунизм	25
I.	26
II.	29
III.	33

Денис Хромый. Комментарий к товарищеской лекции по анархической экономике	36
Ссылки	42
Йэн Маккей. Экономика анархии	43
Истоки анархизма	45
Разные школы анархизма	46
Критика собственности	48
Социализация	50
Самоуправление	51
Мютюэлизм	52
Коллективизм	54
Коммунизм	55
Фактические данные	57
Как этого достичь?	58
Примечания	59
Уэйн Прайс. Что такое анархо-коммунизм?	60
Часть I: Противоречивые значения понятия «коммунизм»	61
Часть II: Важен не ярлык, а содержание	65
Необходимость роста мирового производства	66
Стадии коммунизма	67
Стоит ли нам называть себя коммунистами?	68
Ссылки	70
Уоррен Макгрегор. Анархономика (краткое введение)	71
Введение	73

Глобальное перераспределение	74
Экономический рост «нового типа»	75
Вознаграждение	77
Заключение	78
Ссылки	79
Уэйн Прайс. Анархический метод. Экспериментальный подход к посткапиталистическим экономикам	80
Проблемы, возникающие в связи с различными моделями посткапитализма	85
Ссылки	91
Федерация «Солидарность». Экономика свободы. Анархосиндикалистская альтернатива капитализму	93
Предисловие	94
Вступление	95
1: Мифы «свободного» рынка	97
Логика рынка?	98
Сыр в мышеловке	99
Ложь и непристойности	100
Подачки от государства	101
Покупай сейчас, плати потом	103
2: Либертарный коммунизм	104
С чего начать?	105
Солидарность XXI века	107
Капитализм против солидарности	107
Потребительство против качества жизни	109
Жизнь сообщества	110
Частная собственность* против справедливого распределения	111
3. Демократия и планирование	113
Прямая демократия	113
Претворяя демократию в будущем	114
Основы планирования	115
Проблемы неэкономического характера	116

Проблемы экономического характера	117
Динамика планирования	118
Расчет издержек	119
Экономическая демократия	121
Заключение	122
Франческо Далессандро. Забытая анархическая коммуна в Маньчжурии	124
Авраам Гильен. Анархономика. Экономика испанских вольных коллективов 1936–39	128
Введение	129
Самоуправление в сельском хозяйстве, промышленности и коммунальных службах	132
Революционные цели НКТ	133
Структура занятости	136
Активное участие и членство	140
Равное распределение на коллективной основе	142
Самоуправление в сферах услуг и промышленности	144
Приложение 1	148
Кооперация и самоуправление	148
Приложение 2	150
Дэн Хэнкокк. Мариналеда: образцовая коммунистическая деревня Испании*	151
Явор Тарински. Введение в экономику солидарности	158
Явор Тарински. Экономика солидарности, творческое сопротивление и прямая демократия	161
Примечания	165

Тодор Марков. Экономика будущего должна быть человеческой	166
Явор Тарински. Размышления об отрицательном росте	175
Примечания	178
Серж Латуш. Экономика отрицательного роста	179
Примечания	184
Явор Тарински. Против доктрины роста	185
Уничтожение социальной структуры	187
Углубление неравенства	188
Общество против экономизма	189
Вопрос самоограничения	190
Примечания	191
Мариус Е. Degrowth как обратный билет в будущее	192
Библиография	198
Ссылки на оригиналы текстов	200

Предисловие к сборнику

Термин «анархономика» совсем не на слуху у большинства людей, и, хотя воображение подсказывает нам, что слово образовано от двух составляющих – «анархия» и «экономика» – мы все же имеем скудное представление о том, что включает в себя эта идея в сущностном выражении. Иначе говоря, какие актуальные экономические преобразования предлагают анархисты?

Несмотря на то, что на русском языке полно вводных текстов по анархизму, практически нет никакой актуальной литературы и прочих материалов по отдельным вопросам важнейшего характера. К примеру, экономический вопрос практически не отражен, если не рассматривать историческую составляющую или уже давно написанные тексты, потерявшие частично или полностью свою актуальность. Известно, что анархисты хотят экспроприировать собственность и обратить ее на благо общества, известно, что многие анархисты хотят распределять произведенные продукты в соответствии с потребностями, и оттого вступают в дискуссию со сторонниками ограничения распределения. Но мало ответов на вопрос, **как именно** это будет организовано. Какие социальные предпосылки для построения экономики нового типа и что нужно сделать, чтоб она была устойчивой? Во многом для ответа на эти вопросы мы составили этот сборник.

И, предвосхищая возмущения некоторых наших политических оппонентов, которые, прочитав представленные ниже тексты, заявят, словно в представленных работах нет ни слова про экономику только лишь потому, что там не описаны, как будут работать отдельно взятые предприятия, спешим сообщить, что сборник не об этом. Анархисты не занимаются тем, чем должны заниматься микроэкономисты, и, хотя некоторые микроэкономисты могут быть анархистами, обратное не всегда верно. Мы рассматриваем **социальные отношения** между людьми и организациями и отношения **внутри** организации. Иначе говоря, хотя в некоторых местах вы можете встретить нечто похожее на модель экономики отдельно взятой организации, маловероятно, что эти примеры зададут все аспекты функционирования взятой в рассмотрение отрасли. Мы хотели бы проанализировать, как могли бы работать отдельно взятые экономические модели в целом в обществе посткапиталистического мира, и на каких принципах они могли бы строиться.

Здесь мы сделали уклон на социальный анархизм, потому что считаем, что социальный анархизм в наибольшей степени популярное и динамическое учение, экономические модели которого должны постоянно подвергаться пересмотру. Хотя, безусловно, есть модели индивидуалистического плана, или экономические модели, которые ориентируются на эпоху раннего капитализма, но они не претерпели значительных изменений со временем и на вряд ли когда-либо будут изменяться. Публиковать тексты, которые бы просто резюмировали сказанное теоретиками в прошлом, нет никакого практического смысла, поэтому если вы ищете экономические предложения для общества индивидуалистического анархизма американского типа, их тут будет критически мало.

Касательно структуры этого сборника, то он негласно поделен на три блока. Первый блок – это основные предложения, вводные тексты по анархической экономике, которые несут программный характер. Второй блок составляют примеры обществ, которые практикуют или практиковали анархономику или модель, которая отражает либертарную тенденцию. Третий блок – это предложения через призму критики.

По большей части это тексты сторонников модели отрицательного роста. И хотя анархисты напрямую не пишут о том, что выступают за ограничение экономического роста или даже сокращение этого роста (опять же, за счет упразднения так называемых «бредовых работ» и отказа от навязанных потребителем образом жизни потребностей), вполне очевидно, что если мы хотим жить в мире, где царит гармония между природой и человеком как части природы, мы не можем обойти стороной вопрос, как влияет экономическая деятельность человека на экосистему и как снизить это влияние.

Любая революционная теория оставляет место для практики, поэтому мы всячески рассчитываем, что написанное не будет восприниматься как Библия, а станет отправной точкой к размышлению и формированию новых работоспособных моделей и, что немаловажно, к их дальнейшему воплощению.

Йэн Маккей. Анархономика

Введение

Экономика – это по праву объект большого презрения. Как выразился Малатеста: *«Священник держит вас в повиновении и подчинении, говоря вам, что на все есть воля Божья; экономист говорит, что таков закон природы»*. Таким образом, *«никто не несет ответственности за бедность, поэтому нет смысла против нее восставать»*. Прудон справедливо утверждал, что *«политическая экономия... есть просто экономика, ориентированная на собственников, и, если приложить ее к обществу, это неизбежно и закономерно породит бедность»*. Люди, страдающие от мер жесткой экономии по всему миру, были бы с ним согласны: *«Враги общества – экономисты»*.

Ничего не изменилось, кроме того, что привычная альтернатива оказалась еще хуже. Только тот, кто не имеет с рабочими ничего общего, мог разработать ленинскую следующую парадигму: *«Все граждане превратятся в наемных работников государства... Все общество превратится в единую организацию и единую фабрику»*. Бедность этой концепции социализма выражается в его заявлении о том, что мы должны *«организовать все хозяйство по образцу почтовых отделений»*. Очевидно, кто-то не знаком с выражением *«going postal»*, что в переводе на русский буквально означает *«впасть в ярость и открыть стрельбу по людям»*...

Как давно заметил Кропоткин, марксисты *«совершенно не утруждают себя тем, чтобы объяснить, что их идея социалистического государства отличается от системы государственного капитализма, при которой каждый был бы функционером государства»*.

Нам нужен более новый взгляд, нежели замена капиталистов на бюрократов.

Необходимость в альтернативе

Анархисты давно борются против такой ограниченной позиции (причем с обеих сторон). Эмма Гольдман, например, утверждала, что *«истинное богатство состоит из вещей полезных и красивых, из вещей, которые помогают культивировать сильные, красивые тела и окружение, вдохновляющее на жизнь»*. В учебниках по экономике такого не встретишь! Кропоткин хорошо сказал:

*«Под именами барыша, прибыли, ренты, и процента на капитал... экономисты усердно изучали до сих пор обогащение владельцев земли и капитала... путем недоплаты за труд наемных рабочих... Между тем, великий вопрос: — "Что следует производить — и как?" остается неразработанным... Главный предмет "Общественной экономики", т. е. **экономики сил, потребных для удовлетворения потребностей общества**, менее всего обсуждается, в конкретной форме, в трудах экономистов»*.

Из этого следует, что социализм означает конец **буржуазной** экономики, которая является не наукой, а идеологией, защищающей капитализм и богатых... На самом деле он означает рассвет экономики как **реальной** науки.

Что представляет собой анархономика?

И что же такое анархономика? Она означает, полагаю, две вещи. Во-первых, это анархический анализ и критика капитализма, во-вторых, это идеи относительно того, как могла бы функционировать экономика при анархизме. Оба эти аспекта взаимосвязаны. То, чему мы сопротивляемся при капитализме, будет отражено в наших взглядах на либертарную экономику в той же степени, как наши мечты и чаяния о свободном обществе будут дополнять наш анализ.

Прежде чем обсудить анархономику, я вынужден быстро пройти по нелибертарным инициативам. Исторически есть два способа рассмотрения проблем общественной экономики, оба из которых порочны. Первый из них предоставляет детальные описания будущего общества, второй ограничивает себя короткими комментариями о социализме.

Кулинарные рецепты для столовых будущего...

Первые социалисты, подобные Фурье и Сен-Симону, в самом деле представляли подобные программы, и быстро проясняются две вещи. Первая – это невозможность создания таких идеальных общин, вторая – это их элитарная сущность: они **в самом деле** считали, что знают лучше всех, и поэтому демократия и свобода не входили в их рассмотрение как важные составляющие «социалистического» общества (если вообще правильно называть такое общество «социалистическим»). Прудон справедливо нападал на такие системы как на тирании (которые он обозвал «коммунальностью», но их обычно переводят как «коммунизм»).

Несмотря на желательность или практичность таких воззрений, базовое представление, что мы способны подробно расписывать проект будущего общества, ложно. Адам Смит, к примеру, **не изобретал** точную схему того, как **должен** работать капитализм, он описывал **принцип** работы. Отвлеченные модели пришли позднее, с приходом неоклассической экономической школы, **оправдывающей** текущее положение дел. Этот феномен достиг своего апогея в послевоенных экономиках, когда экономистов рассматривали в качестве изобретателей иррациональных экономических моделей, основанных на невозможных допущениях. К сожалению, это «творчество» расцветает и поныне с целью пропихнуть в настоящую экономику кошмарные реформы и навязать, таким образом, их реальным людям.

Мы не хотим повторять подобное только ради того, чтобы произвести впечатление на некоторых убежденных сторонников неоклассической экономической школы.

Марксизм как невозможное общество (в лучшем случае) или как государственный капитализм (в худшем случае)

Другой ракурс рассмотрения экономики социализма ассоциируется с именем Маркса. Он написал весьма немного про социализм, несомненно, его убеждения отражены в реакции на утопических социалистов и их подробные программы. К сожалению, эти немногие разрозненные заметки по вопросу планирования оказались бичом социализма.

Эту проблему можно увидеть исходя из его альтернативы прудоновскому рыночному социализму в «**Нищете философии**», которая уместается только лишь в трех предложениях. Это классический пример ошибочного переноса свойств частного на целое, и она кажется осуществимой только тогда, когда вы обсуждаете экономические отношения между двумя людьми, как это делал Маркс (Петр и Павел). Она решительно невозможна в рамках экономики, где есть миллионы людей, общественный продукт и средства производства. В таких обстоятельствах это просто утопия, что стало бы очевидным, если бы Маркс попытался объяснить принцип работы его экономических построений!

Маркс быстро отбросил идею мгновенного (централизованного) коммунизма, изложенную в «**Нищете философии**», и в «**Манифесте Коммунистической партии**» выступил за переходный период в форме государственного капитализма. Этот переходный период стал бы основой для медленного построения «социализма», что зиждился бы на буржуазных структурах и характеризовался бы централизацией. Однако такая пропаганда централизованного планирования основывалась на заблуждении, на экстраполяции того, как капиталистические фирмы увеличиваются в размерах и замещают собой рынки посредством осознанного принятия решений в широком масштабе. Но при капитализме критерий «принятия решений» является ограниченным, и Маркс никогда не задавался вопросом, что планирование больших фирм возможно только благодаря одному фактору – прибыли. Это тот самый капиталистический редукционизм, который создает ошибочное представление о том, что централизованное планирование может работать.

Также кажется странным, что по какому-то счастливому стечению обстоятельств экономическая и промышленная структура, сформированная по критериям, необходимым для увеличения прибылей и усиления власти правящих, идеально подходит для социализма – **системы, которая должна удовлетворять потребности, которые капитализм отрицает!**

И как в случае с неоклассической экономикой, такие ошибочные убеждения имеют свои последствия. Во время революции в России они предоставляли идеологическое обоснование для большевистского расшатывания подлинно (хотя и неполных) социалистических практик фабричных заводских комитетов в пользу централизованных промышленных структур, доставшихся революции от капитализма («главки» в царской России) – с разрушительными последствиями, как для экономики, так и для социализма.

Намечая будущее, анализируя настоящее

Покуда марксистская перспектива порочна, несколько фраз недостаточно. Нам надлежит обрисовать будущее, основываясь на анализе современного общества и его тенденций.

Я должен подчеркнуть, что анархисты не сопоставляют абстрактно капитализм с каким-либо идеальным прообразом будущего. Как утверждал Прудон в 1846 (в его «Системе экономических противоречий»), «современная форма» организации труда «неадекватна и преходяща». Пока он соглашался с утопическими социалистами по этому вопросу, он, тем не менее, отринул их убеждения в пользу того, чтобы обосновать социализм анализом тенденций и противоречий внутри капитализма.

«Мы должны возобновить изучение экономических фактов и практики, раскрыть их смысл и сформулировать их философию... Ошибка социализма до сих пор состояла в том, что он увековечивал религиозные грезы, устремляясь вперед в фантастическое будущее, вместо того чтобы присвоить реальность, которая его сокрушает...»

Из этого анализа и критики капитализма рождаются позитивные перспективы.

Прудон, к примеру, утверждал, что работники эксплуатируются посредством производства, поскольку они «*продают себя и отчуждают свободу*» в пользу собственника, контролирующего их труд и присваивающего «*коллективную силу*», производимую ими. Однако «*в силу принципа коллективной силы, рабочие равноправны и вступают в ассоциацию со своими сподвижниками*». Однако, чтоб «*такая ассоциация была возможна, всякий, кто участвует в ней, должен вносить вклад*» как «*действующий фактор*», обладая «*совещательным голосом в совете*» на принципе «*равенства*». Это подразумевает свободный доступ и социализацию, и поэтому рабочие должны «*напрямую наслаждаться правами и прерогативами ассоциации и даже управленцев*», устраиваясь на рабочее место. Это означает необходимость создать «*решение, основанное на равноправии*» – другими словами, «*организацию труда, включающую отрицание политической экономии и частной собственности*».

Строя будущее, сражаясь с настоящим

Сегодня мы можем только анализировать капитализм, понимать его динамику и распознавать элементы внутри него, которые обрисовывают будущее. Эти две формы – объективные тенденции **внутри** капитализма (такие как крупномасштабное производство) и **противостоящие** тенденции (такие как профсоюзы, сопротивление, стачки).

Последнее есть ключ и является тем, что отделяет анархизм от марксизма, который в общем подчеркивает первые обозначенные тенденции. Поэтому мы находим у Прудона указание на кооперативные рабочие места и кооперативный кредит во время революции 1848 года, пока революционные анархисты, такие как Бакунин и Кропоткин, обращали внимание на рабочее движение. Кропоткин, к примеру утверждает, что *«рабочие, организованные в профсоюзы... [должны] присвоить все отрасли промышленности... [и] управлять этими отраслями на благо общества»*. И мы можем легко увидеть, как забастовочные собрания, комитеты и федерации, борющиеся с капиталистическим угнетением и эксплуатацией сегодня, могут стать рабочими собраниями, комитетами и федерациями свободной социалистической экономики завтра.

Такая перспектива дает необходимое понимание того, откуда придет социализм – он грядет снизу, путем самостоятельности угнетенных, борющихся за свою свободу. Это, в свою очередь, показывает, что основными структурами либертарного социализма станут институты, построенные рабочими в их борьбе против эксплуатации и угнетения.

И это займет время. Как подчеркивал Кропоткин, анархисты *«не верят, что революцию удастся осуществить сразу, в мгновение ока, как мечтают некоторые социалисты»*. Это особенно актуально на фоне тех экономических проблем, с которыми, по его справедливому прогнозу, столкнется социальная революция. Таким образом, он был прав, утверждая, что *«если бы мы ожидали, будто революция с первых же своих мятежных шагов проявит откровенно коммунистический или даже коллективистский характер, это было бы равносильно тому, чтобы раз и навсегда отказаться от революционной идеи»*. И это видно на примере любой революции – даже испанской революции 1936 года и коллективов, созданных членами НКТ, которые анархисты не планировали или желали, а скорее являлись продуктом конкретных обстоятельств того времени (не то, чтобы марксисты, надо отметить, знали об этом!).

Закладывая кирпичики (либертарного) социализма

Таким образом, анархономика будет развиваться по мере революционных преобразований, по мере развития самой анархономики в ее практическом применении. Однако основываясь на вышесказанном, мы **можем** обрисовать ее основы.

Есть много общего у всех анархических школ. Прудон замечательно изложил базовое представление, когда утверждал, что *«владение землей и инструментами труда – общественное владение»* и выступал за *«демократически организованные рабочие ассоциации»*, объединенные в *«широкую федерацию»*.

В такой экономике на смену частной и государственной собственности приходят права пользования, владения и социализации, а также самоуправление производством (как постоянно подчеркивал Кропоткин, рабочие *«должны быть настоящими руководителями промышленности»*). Возникает социально-экономический федерализм на промышленном, сельскохозяйственном и коммунальном уровнях с группами пользователей, потребителей, заинтересованных лиц.

Такой была бы децентрализованная экономика. Как правильно утверждал Кропоткин, *«экономические изменения, которые произойдут в результате социальной революции, будут настолько масштабны и глубоки... что выработка [новых] социальных форм будет невозможна посредством одного или даже нескольких индивидуумов... [Она] может стать только коллективной работой масс»*. Отсюда вытекает необходимость свободных соглашений (или договоров) между хозяйствующими субъектами, основанных на реальной автономии и горизонтальных связях.

Проще говоря, производство нуждается в децентрализации, а значит, и в соглашениях между сторонами. Централизованный орган не может знать потребности конкретных людей, которые по своей сути субъективны (по определению, должна быть субъективна и потребительная стоимость). Он не может знать, какие критерии применить, чтобы удовлетворить потребности (положительные потребительные стоимости), или какие затраты считаются приемлемыми для их удовлетворения (отрицательные потребительные стоимости). Он также не может знать, когда и где нужны товары. Если бы он попытался собрать такие знания, то просто бы погряз в информации, при условии, что он вообще смог бы их собрать (или даже знал бы, что именно ему нужно собрать!).

Это относится как к отдельным людям, так и к рабочим местам и сообществам. Как верно предсказывал Кропоткин, идея *«сверхцентрализованного правительства... повелевающего, чтобы установленное количество»* товаров *«отправлялось в такое-то место в такой-то день»* и *«принималось в такой-то день определенным чиновником и хранилось на определенных складах»*, одновременно *«нежелательна»* и *«крайне утопи-*

ческая». Реалистичный и привлекательный социализм нуждается в «*сотрудничестве, энтузиазме, местном знании*» людей.

Такая система будет основана на соответствующей технологии. Здесь необходимо подчеркнуть, что анархисты **не являются** противниками крупномасштабной промышленности и четко заявляют об этом, начиная с Прудона. Так, Кропоткин утверждал, что *«если мы проанализируем современные отрасли промышленности, то вскоре обнаружим, что для некоторых из них действительно необходимо сотрудничество сотен и даже тысяч рабочих, собранных в одном месте. К этой категории, несомненно, относятся громадные металлургические и горнодобывающие предприятия; пароходы невозможно построить в кустарных мастерских»*. В свободном обществе масштабы промышленности определяются объективными потребностями, в отличие от капитализма, где прибыль слишком часто способствует росту масштабов, не требуемых технологией.

Кроме того, производство будет основано на **интеграции**, а не на разделении. На смену разделению труда приходит объединение ручного и умственного труда, промышленного и сельскохозяйственного. Сельское хозяйство и промышленность будут сосуществовать в свободных сообществах, предоставляя людям широкий спектр труда и прекращая разделение на тех, кто отдает приказы, и тех, кто их выполняет, на меньшинство счастливых с интересной работой и большинство тех, кто трудится в нездоровой обстановке, делая скучные вещи.

Это, конечно, предполагает преобразование рабочих мест, их окружения **и самого труда**. Многие полагают, что либертарный социализм возьмет на вооружение и оставит в неизменном виде производственную структуру и методы работы, оставшиеся от капитализма – как будто **после** социальной революции рабочие будут делать все по-старому!

ВОЛЬНЫЙ КОММУНИЗМ

Опять же, все это в значительной степени характерно для всех школ анархизма. Ключевое различие заключается в распределении: в зависимости от того, на каком принципе основывать потребление – «по труду» или «по потребностям» – старый спор о трудовом вкладе и потребностях.

Справедливости ради следует сказать, что большинство анархистов – коммунисты, причем не в смысле «приспешники Советского Союза» (я видел, как, казалось бы, умные люди, продвигают миф о «советском коммунизме»!), а в смысле «от каждого по способностям, каждому по потребностям». С этической точки зрения большинство анархистов согласится со мной, что это наилучшая система, по причинам, которые так хорошо указал Кропоткин и которые я не буду пытаться здесь кратко изложить.

Вопрос о том, как быстро можно достичь такой системы, давно является спорным в анархистских кругах, равно как и представления о том, как именно она будет работать. Достаточно сказать, что либертарно-коммунистическое общество будет развиваться в зависимости от желаний и объективных обстоятельств, с которыми сталкиваются те, кто его создает. Однако уже сегодня можно и нужно обсуждать некоторые очевидные проблемы такой системы.

В отличие, скажем, от мюгюэлизма, цен нет. Хотя при капитализме потребность в прибыли порождает экономические кризисы и усиливает неопределенность, справедливости ради следует отметить, что даже на некапиталистических рынках существует множество проблем. Тем не менее, рыночные цены служат ориентиром при принятии экономических решений, поскольку они отражают реальные затраты труда, сырья, времени и т.д. (в худшем случае игнорируя, а в лучшем – скрывая многие другие), а также отражают изменение производственной ситуации (пусть и искаженное при капитализме монополией, прибылью и т.д.).

В связи с этим возникает очевидный вопрос: как лучше распределять ресурсы в отсутствие цен? Это не совсем очевидно. Например, золото и свинец имеют одинаковую потребительскую стоимость, так почему же нужно использовать одно, а не другое? Рынки (как бы плохо они ни работали) оценивают их (золото стоит 100 фунтов стерлингов за килограмм, а свинец – 10 фунтов стерлингов за килограмм, что упрощает выбор, хотя и чересчур). Поэтому либертарно-коммунистическая экономика должна информировать людей о реальных затратах и условиях производства, без искажающего влияния рынков. Как говорил Кропоткин, «разве мы еще не обязаны анализировать тот составной результат, который мы называем ценой, а не принимать его как верховного и слепого правителя наших действий?». Таким образом, «мы должны анализировать **цену**» и «различать ее элементы», чтобы обосновать принятие экономических и социальных решений.

Поэтому в рамках федеративных структур свободного общества необходимо согласовать принципы распределения ресурсов. Например, можно создать систему взве-

шенных баллов для различных факторов принятия решений, чтобы на каждом этапе создания продукта проводился **анализ затрат и результатов** (с учетом правильности предыдущих решений и информированности о затратах). Это отражало бы объективные затраты (время, энергия и ресурсы), но как быть с изменениями спроса и предложения? Это важный вопрос, поскольку либертарно-коммунистическое общество должно будет производить (предлагать) продукцию в ответ на запросы (спрос) на нее. Во-первых, по здравому смыслу, на каждом рабочем месте нужно сделать запасы на случай непредвиденных изменений в запросах, чтобы компенсировать кратковременные изменения в производстве или спросе. Кроме того, каждое рабочее место может иметь **индекс дефицита**, который показывает относительные изменения в запросах и/или производстве и используется другими рабочими местами для поиска альтернатив: так, если данный продукт нет возможности поставлять, то индекс дефицита возрастает, информируя других рабочих о том, что им следует обратиться на другие рабочие места или искать несколько иные материалы в качестве исходного сырья.

Федерации рабочих мест будут следить за изменениями в обеих сферах, чтобы организовывать крупные инвестиции/ликвидации и масштабные проекты, основываясь на диалоге с общественными, специализированными и потребительскими организациями и федерациями. Разумеется, инвестиции будут осуществляться на разных уровнях: отдельные рабочие места будут вкладывать средства в сокращение времени на производство продукции, чтобы получить больше свободного времени для членов рабочей ассоциации (и таким образом получить реальный стимул для инноваций в области процессов и производительности). Необходимость федерализма обусловлена именно тем, что на разных (соответствующих) уровнях должны приниматься разные решения.

Однако производство – это не просто клепание товаров. Вопрос о человеке перевешивает вопросы дешевизны или механической целесообразности. Поэтому мы должны отказаться от отдельных целей или критериев (таких как максимизация прибыли или сокращение времени) и смотреть на картину целиком. Таким образом, если капитализм основан на принципе «*дешево ли это?*», то свободная экономика будет основана на принципе «*правильно ли это?*».

Заключение

В конечном счете мы **заинтересованы** в экономической свободе. Я никогда не понимал, как наемное рабство может служить примером себялюбия, но буржуазная экономика именно так все и выставляет.

Как подчеркивал Кропоткин, *«производство, упустив из виду **потребности** человека, пошло совершенно не в ту сторону, и в этом виновата его организация... давайте... реорганизуем производство так, чтобы действительно удовлетворить все потребности»*. А это потребности **всего** человека, уникального индивида: как «потребителя» (пользователя) потребительных стоимостей, как производителя, как члена сообщества и как части экосистемы. Потребности, которые капитализм отрицает или частично удовлетворяет за счет других, не менее важных аспектов нашей жизни.

В отличие от марксистов, мы прекрасно понимаем, что нынешняя экономическая структура несет на себе отпечаток стремления к прибыли в рамках классовой иерархии. Поэтому, хотя наша краткосрочная цель – присвоить капитал и обратить его на удовлетворение человеческих потребностей, наша более долгосрочная цель – **преобразование** промышленности и промышленной структуры именно потому, что мы понимаем, что то, что «эффективно» при капитализме, не может, несмотря на слова Ленина, считаться хорошим для социализма.

Как я уже говорил, анархономика будет развиваться по мере развития революции, по мере развития самой анархономики. Мы не можем предсказать, каков будет конечный пункт, поскольку наше видение обеднено капитализмом. Все, что мы можем сделать сегодня, – это **набросать эскиз** либертарного общества, которое возникнет в результате упразднения классов и иерархии, эскиз, основанный на нашем анализе и критике капитализма, борьбе с ним, наших надеждах и мечтах.

Дальнейшее чтение

Это лишь краткое введение в анархономику. В разделе I «Анархизма в вопросах и ответах» этот вопрос рассматривается более подробно, затрагиваются такие темы, как самоуправление, социализм, что плохого в рынках и необходимость децентрализации. Несколько лет назад я также выступил с докладом «**Экономика анархии**» («**The Economics of Anarchy**»), в котором обобщил все основные школы анархической мысли. Мютюэлизм Прудона обсуждается во введении к «**Собственность – это кража!**» («**Property is Theft!**») и обобщается в статье «Закладывая основы: вклад Прудона в анархистскую экономику»¹. В разделе H An Anarchist FAQ обсуждаются проблемы марксистской экономической концепции: в частности, в разделе H.6 следует ознакомиться с большевистским наступлением на фабричные комитеты в пользу капиталистических институтов (как заметил Кропоткин в то время, мы «учимся в России понимать, как не надо строить коммунизм»). А для всех читающих это сторонников частной собственности, которые возражают против использования мною слова «либертарианский», достаточно сказать, что это слово придумали мы (т. е. либертарианские) социалисты (а «пропертарианцы» его сознательно присвоили)!

¹ С переводом на русский язык можно ознакомиться по ссылке: https://teletype.in/@editorial_egalite/vklad_prudona_v_anarchistskuyu_economiku – прим. переводчика.

Сэм Долгофф. Анархо-коммунизм

I.

Стремительно приближающийся крах капитализма, о котором свидетельствует мировая экономическая катастрофа, заставляет людей задуматься о новом общественном устройстве. То, что капитализм находится на последнем издыхании, признают даже консерваторы. В вопросе о том, что делать, царит величайшая неразбериха. Предлагается множество так называемых средств: от усердной молитвы, как рекомендует Папа Римский, до пятидесяти семи разновидностей диктатуры – как настаивают фашисты, коммунисты и социалисты.

Предложенные способы исправления ситуации, хотя и отличаются друг от друга по многим параметрам, обладают одним общим для всех качеством. Они основаны на твердой вере в то, что государство способно исправить все беды. Они расширяют функции государства. Государство будет контролировать и управлять всеми отраслями промышленности, регулировать распределение товаров, определять условия труда, монополизировать источники информации и просвещения – школы, газеты, радио и т. д. Проникнет в жизнь каждого человека. Никто не посмеет усомниться в его власти.

Передача власти в руки всемогущего государства не может решить проблемы, стоящие перед рабочим классом, – проблемы эксплуатации, монополии, неравенства, подавления личности. Государственная бюрократия сама по себе является классом. Этот привилегированный класс, не занятый производительным трудом, содержится за счет трудящихся. Огромные растраты, неэффективность и коррупция современного правительства хорошо известны. Насколько увеличится это бремя, насколько укоренится эта бюрократия, если полномочия государства будут помножены на тысячу?

Рост бюрократического класса, наделенного особыми привилегиями, неизбежно порождает неравенство. Интересы управляющих и управляемых невозможно согласовать. Народ, превратившийся в орудие в руках все расширяющейся государственной машины, будет вынужден сдерживать постоянно растущую власть бюрократии. Противоречия, присущие государственному социализму, отнюдь не разрешаемые метафизическим «отмиранием государства», должны привести к войне между привилегированной бюрократией и угнетенными массами. Это приведет к социальной революции. Государство не может вести экономическую жизнь общества в интересах всех. Государство не может утратить свой классовый характер. Упразднение капитализма – недостаточная мера при сохранении государства и его бюрократии. Новый общественный строй должен быть основан на совершенно иных принципах. Потребность в социальной философии, которая избежала бы ловушек государственной централизации, становится все более насущной перед лицом все более усиливающихся тенденций к диктатуре того или иного типа. Анархизм – единственная социальная теория, способная удовлетворить эту потребность. Анархизм ставит

своей целью создание общества, в котором экономическая деятельность будет осуществляться добровольными группами и федерациями. В качестве руководящего принципа человеческой жизни он ставит взаимное согласие вместо принуждения. Развитие личности должно быть единственной целью общественной жизни. Социальная система, не обеспечивающая развития личности, обречена на неудачу. Социальная система, основанная на эксплуатации и угнетении, не может обеспечить полноценного развития личности. Поэтому мы выступаем за упразднение не только капитализма, но и государства.

Общество – это органическое целое, причудливо связанное тысячей связей. Если один орган не функционирует, это сразу же отражается на других. Огромная сложность и взаимозависимость общественной жизни ведет к коммунизму. Коммунизм – это система, при которой промышленность работает на благо всего общества. Общество должно существовать на основе принципа: «От каждого по способностям и каждому по потребностям». Никто не имеет права монополизировать то, над чем трудились поколения людей. Для производства пропитания необходимы совместные усилия всех, следовательно, все имеют право на равную долю того, что произвели сами. В таком обществе нет места ни привилегиям, ни неравенству, ни диктатуре. Анархо-коммунизм сочетает в себе свободу и равенство. Одно другому не мешает.

Экономическая жизнь общества должна осуществляться теми, кто реально занят в производстве посредством кооперативов, производственных союзов, федераций и добровольных обществ всех видов и назначений. Потребности человечества настолько многообразны, специфические проблемы той или иной отрасли или местности настолько различны, что ни один орган, будь то бюрократическое государство или централизованное административное учреждение, не может точно и эффективно удовлетворить потребности общества, даже если бы правительство было беспристрастным и абсолютно незаинтересованным, а оно таковым не является и быть не может. Всевидящая и всемогущая правительственная бюрократия в Вашингтоне не может работать на шахтах в Пенсильвании, бурить нефтяные скважины в Оклахоме или выращивать фрукты в Калифорнии. Только люди, выполняющие работу, близко знакомые с потребностями той или иной отрасли или сообщества, могут успешно решать постоянно возникающие проблемы. Экономическая структура должна быть основана на максимально возможной автономии и самостоятельности местного населения. Экономическая основа общества должна соответствовать самой жизни, отражать ее многогранность и разнообразие интересов. Это возможно только тогда, когда каждая группа и каждый человек могут свободно вести свои дела в соответствии со своими потребностями. Децентрализация функций в руках тех, кого это непосредственно касается, обеспечит свободу производителям и предотвратит монополию, угнетение и неэффективность, которые являются отличительными чертами централизованных институтов.

Изучение современного общества покажет, насколько добровольность и взаимовыгодное сотрудничество определяют все конструктивное в современной жизни. Добровольные научные общества всех типов, без которых были бы невозможны чудеса современной жизни, добровольные образовательные общества, производственные и потребительские кооперативы, профсоюзы, общества взаимопомощи, общества всех типов, охватывающие все сферы человеческой деятельности, явля-

ются неотъемлемой частью общественной жизни. Социальная жизнь невозможна без взаимного согласия. Потребность в сотрудничестве настолько велика, что даже многовековой государственный гнет и канцелярщина не смогли ее подавить. Новейшая история полностью подтверждает тезис о том, что государство абсолютно беспомощно в любой чрезвычайной ситуации, что только творческий порыв масс способен отреагировать на такие ситуации. Упразднение государства и капитализма освободит массы от мертвого груза эксплуатации и угнетения. Добровольные объединения, расширенные и объединенные импульсом взаимной необходимости, смогут свободно развиваться. Созидательный гений человечества возродит социальный организм.

Вопрос об экономической структуре будущего общества будет более подробно рассмотрен в следующей части, где речь пойдет и о тактике воплощения нашего идеала.

II.

В предыдущей части я говорил о том, что колоссальная сложность и взаимозависимость общественной жизни ведет к коммунизму.

Например, производство стали зависит от производства железной руды, угля, машин, железнодорожного транспорта и т. д., а железная руда, уголь, машины или железнодорожный транспорт невозможны без производства стали. Сокращение или приостановка работы какой-либо отрасли немедленно сказывается на других. Гармоничная связь одной отрасли с другой необходима для жизни общества. Производство любого изделия – это уже не индивидуальная задача одного ремесленника, а задача всего общества. Эволюция промышленности демонстрирует отчетливую тенденцию к координации и интеграции человеческих усилий. Это изменение хорошо видно на примере развития сельского хозяйства.

Сельское хозяйство уже давно перестало зависеть от архаичных методов обработки земли. Внедрение трудосберегающей техники, огромный вклад химии в повышение почвенного плодородия, возможности хранения и транспортировки скоропортящихся продуктов позволили обрабатывать огромные площади при минимальных затратах человеческого труда. Гигантские фермы, занимающие тысячи гектаров, слишком хорошо известны, чтобы их описывать. Рационализация сельского хозяйства означает гибель индивидуального фермерства и ставит эту отрасль в один ряд с другими по технике и эффективности.

Рост арендаторского хозяйства, неспособность индивидуального фермера выплачивать непосильные поборы и залоги, налагаемые капиталистами и государством, приводит к тому, что земля переходит в руки банкиров, а лишенный собственности фермер оказывается в таком же положении, как и любой другой безработный. Банковские интересы создают огромные фермы, работающие по принципу массового производства. Если и существует конфликт интересов между мелким землевладельцем и промышленным рабочим, то этот антагонизм устраняется путем рационализации сельского хозяйства и экспроприации земли в руках того же класса, который контролирует другие основные отрасли промышленности.

Современное развитие общества обусловлено взаимозависимостью промышленности.

Естественные отношения между производителями и потребителями нарушены производством не ради использования, а ради прибыли. Противоречие между частной собственностью, а также монополией и общественным характером производства – один из основных факторов распада капитализма. У общества должен быть контроль и владение над промышленностью. Общество вынуждено принять коммунизм как экономическую форму нового общества.

Производство при анархо-коммунизме будет осуществляться самими трудящимися через их организации. Рабочие будут объединены в производственные профсоюзы.

Основной единицей производства будет заводской совет, который выберет заводской комитет, состоящий из представителей различных отделов, для выполнения задач управления и координации. Частые встречи между рабочими и заводским комитетом позволят использовать опыт всех рабочих для более эффективного выполнения работы. Ротация рабочих в заводском комитете развивает их способности к пониманию проблем производства и исключает возможность монополизации функций какой-либо группой.

Каждое подразделение будет обладать максимальной местной автономией. Отказ от централизованного института принуждения и неизбежного злоупотребления властью, отмена системы оплаты труда, ликвидация неравенства и привилегий уничтожают основные мотивы угнетения. Фабричные комитеты будут действовать только в качестве консультантов. Ни один орган не может быть лучше знаком с потребностями и методами производства, чем те, кто реально выполняет работу. Не опасаясь увольнения со стороны «начальника», будь то государство или частное лицо, и имея все возможности для эффективного управления, рабочие будут вынуждены сотрудничать друг с другом в силу своих общих интересов, если нет других причин.

Фабричные советы конкретной отрасли избирают представителей в региональную федерацию рабочих советов своей отрасли. Эти региональные советы координируют работу в данном регионе. Они, в свою очередь, выбирают делегатов в национальные и международные профсоюзы своей отрасли. В функции этих органов входит предложение путей и средств повышения качества и количества труда, создание технических школ, сбор и публикация статистических материалов, организация лабораторий и т. д. Съезд региональных или национальных промышленных союзов, как и фабрично-заводские комитеты, будет выполнять лишь консультативную функцию. Он не имеет права принуждать какую-либо группу к выполнению своих предложений так же, как научные ассоциации не могут принуждать кого-либо из своих членов принять свои выводы. Они лишь выносят их на обсуждение. Принятие их выводов зависит исключительно от обоснованности.

Современная система управления промышленностью содержит множество примеров реализации принципа совещательного органа. Ассоциация американских инженеров, Американская ассоциация управляющих железными дорогами, торговые ассоциации, охватывающие практически все отрасли промышленности, добровольно собираются и обсуждают проблемы управления и развития своих отраслей. Они издают отраслевые журналы, открывают исследовательские бюро и т. д. Их выводы не носят обязательного характера. Они выступают в качестве центра обмена информацией для взаимной выгоды.

Актуальные проблемы управления промышленностью следует отличать от вопросов эксплуатации промышленности. Управление требует добровольного объединения промышленных органов и групп с целью обмена предложениями и применения научных методов в производстве товаров. Эксплуататорская функция в промышленности требует жесткой централизации, основанной на принуждении. Для того чтобы эксплуатировать, необходимо держать рабочих в невежестве, содержать армию надсмотрщиков, которые должны следить за тем, чтобы выжимать из рабочих последние соки. Контроль и инициатива трудящихся не могут идти рука об руку с эксплуатацией.

Устранение эксплуататорских функций в промышленности автоматически увеличивает масштабы и творческий импульс деятельности профсоюзов. Энергия и изобретательность человечества направляется в созидательное русло. Они не будут растрачиваться на поиск лучших способов эксплуатации человечества. Отстаивая эти принципы, мы расширяем созидательные тенденции в современной промышленности и одновременно устраняем разрушительные черты, характерные для капиталистического производства.

Проблема распределения в анархо-коммунистическом обществе будет успешно решена с помощью разветвленной системы потребительских обществ, сети кооперативов всех типов, отражающих многочисленные потребности человечества. Потребительские кооперативы возьмут на себя работу по распределению. Сельскохозяйственные кооперативы будут заниматься поставками сельскохозяйственной и молочной продукции. Многочисленный класс ремесленников и кустарей, не вписывающийся в общий план социализированной промышленности, мог бы свободно объединяться в артели. Жилищные товарищества, медицинские и здравоохранительные ассоциации и т. д. – все эти кооперативы объединялись бы в национальные и международные организации, аналогичные по своей структуре промышленным союзам. Местные, национальные и международные конфедерации кооперативных обществ будут согласовывать работу различных кооперативов. Находясь в непосредственном контакте с потребностями населения, они смогут точно определять количество потребляемых товаров и тем самым предоставлять необходимую статистику для плановой экономики.

Тот факт, что в настоящее время в кооперативном движении участвует более пятидесяти миллионов человек и что оно достигло таких масштабов, несмотря на решительное противодействие государства и капиталистов, служит лишь иллюстрацией жизнеспособности принципа добровольного объединения. В действительности общество – это не что иное, как объединение людей для удовлетворения человеческих потребностей. Государство и эксплуататор – это паразитический нарост на теле общества. От них пользы не больше, чем от раковой опухоли.

В свободной коммуне встречаются различные органы производства и распределения. Коммуна – это единица, которая отражает интересы всех. Посредством коммуны осуществляется связь между различными объединениями. Коммуна через свои органы планирует производство для удовлетворения своих потребностей. Она использует все имеющиеся в ее распоряжении ресурсы. Она стремится минимизировать отходы. Она является обменным пунктом, где конкретные услуги каждого доступны всем. В коммуне «рука фабриканта», чья единственная функция в капиталистическом обществе – крутить болт № 29, станет **человеком**. Город и деревня объединяются, чтобы дать каждому человеку возможность достичь того равновесия и разнообразия занятий, которые способствуют здоровой психике. Сельское хозяйство и производство будут идти рука об руку. Фабрика будет двигаться к людям, а не люди к фабрике. Развитие электричества вместо пара, а также создание линий высокого напряжения, по которым электроэнергию можно передать в любой район страны, позволяет перенести завод в любой населенный пункт. Машины теперь могут быть доступны для децентрализованного производства.

Даже в современном капиталистическом обществе наблюдается тенденция к децентрализации производства путем создания полноценных заводов по всей стране. Доказано, что такой способ обеспечивает большую эффективность и экономичность.

В анархо-коммунистическом обществе наиболее полное распространение этого принципа позволит добиться наибольшей автономии на местах. Это неизмеримо повысит способность коммуны к самообеспечению. Это упростит и облегчит задачу координации.

Анархо-коммунизм – единственная всеобъемлющая социальная теория. Она обеспечивает наиболее полное развитие лучших качеств человека. Здесь он достигает своего полного расцвета. Он предстает как производитель на заводе или в мастерской, как потребитель в кооперативе, как и тот, и другой в своей коммуне и как счастливое творческое человеческое существо в свободе мысли и действия, которую может развить только свободное общество.

III.

Анархо-коммунизм, находясь в прямом противоречии с институтом государства, не может использовать парламентскую тактику в качестве средства своего воплощения. Он отбрасывает как бесполезную и опасную идею о том, что ряд постепенных и законных изменений может привести к падению капитализма или созданию нового общества.

Великая борьба в Первом Интернационале между Марксом и Бакуниным представляла собой две прямо противоположные точки зрения на задачи и тактику рабочего класса. В основном, если говорить о тактике, они расходились в следующих аспектах.

Марксистская фракция выступала за политические действия, т. е. за избрание рабочих представителей, которые поддерживали бы мелкие реформы. Они верили в централизацию дел рабочих органов в едином руководящем органе. Они выступали за объединение профсоюзов в политическую партию. Социалистическое государство рассматривалось ими как необходимое звено между капитализмом и свободным обществом.

Фракция бакунистов выступала за прямое экономическое действие рабочего класса – всеобщие забастовки, саботаж, вооруженное сопротивление – через организованную силу масс, таких как революционные промышленные союзы, крестьянские организации и т. д. Рабочее движение они представляли себе как федерацию рабочих и крестьянских органов, обладающих наибольшей местной автономией, а объединение этих децентрализованных единиц для совместных действий и солидарности – как наиболее желательную форму организации. Они считали, что любое государство по своей природе реакционно, и поэтому предлагали, чтобы массовые организации заменили государство в переходный период между старым и новым обществом.

История рабочего движения в каждой стране и в каждый период показывает, насколько хорошо бакунинцы понимали природу реформизма. Что же стало с реформистским рабочим движением? Почему эти движения не смогли выполнить свою «историческую миссию»? Несмотря на то, что британское рабочее движение было достаточно сильным, чтобы парализовать Англию во время всеобщей забастовки 1926 г., мы видим, как оно нищенствует, гоняется за подачками, находится под давлением политиков «рабочей» партии и оправдывает самую реакционную политику. Британское рабочее движение безучастно наблюдает за тем, как британский империализм громит своих братьев-рабочих в Индии, Ирландии и других колониях.

Великое рабочее движение Германии, несмотря на свою многочисленность, беспомощно перед лицом фашистской угрозы. Как и рабочее движение Англии, оно является игрушкой предательской социал-демократической партии. Будучи безынициативным и упадническим в отношении революционного духа, оно позволило политикам одурачить себя, и реакция взяла верх. Нет никаких сомнений в том,

что мировая война никогда бы не началась, если бы эти самые реформистские профсоюзы были революционными и освободились от омертвляющего влияния оппортунизма.

Куда бы мы ни обратились – в Италии, в Испании, в Германии, – везде мы видим, что реакция на коне, что революция в упадке. Самым большим препятствием на пути революции стали не столько консерваторы, сколько эти иуды, «социалисты», которые на самом деле являются последним оплотом капитализма.

Коммунистическая партия Германии в значительной степени ответственна за то, что фашизм поднял голову. Когда вопиющей необходимостью стал единый фронт всех классово сознательных рабочих независимо от партии, когда только объединенная борьба рабочего класса на экономическом поле имела значение, когда только вооруженное сопротивление рабочих было способно сокрушить реакцию, Коммунистическая партия Германии по приказу московских бюрократов отошла на реакционные позиции. Понимая, что без них единый фронт невозможен, они установили закон: либо господство, либо гибель. Они настаивали на собственном доминирующем влиянии во всем рабочем движении Германии. Когда рабочее движение отказалось принять так называемый «единый фронт», возникшее отсутствие единства среди рабочих дало фашистам возможность консолидировать свои силы. Ситуация была и остается критической. Либо единый фронт, либо фашизм. Коммунисты отказались от единого фронта. Интересы бюрократии перевесили интересы рабочего класса.

Даже революционное движение становится неэффективным, если в нем доминирует централизованная бюрократия. Когда в рабочем движении доминирует политическая партия, оно неизбежно превращается в политический аналог футбола. Всем, кроме «слепых», ясно, что упразднения капитализма и построения нового общества нельзя достичь при помощи такой тактики. Очевидно, что политические действия – одно из самых серьезных препятствий на пути грядущей социальной революции. Только коренное изменение политических, экономических и социальных отношений человека, только социальная революция может осуществить то, что не удалось сделать реформаторам. Но и социальная революция сама по себе не является гарантией воплощения анархо-коммунизма. Социальная революция может остановиться на пути к своим целям, может, как ручей, отклониться от своего русла. Непонимание цели революции и рабочее движение, воспитанное в авторитарной школе, приученное отдавать все в руки бюрократического и коррумпированного руководства, может настолько исказить характер революции, что она станет вредной для дальнейшего прогресса человечества.

Революция в России показывает, что, несмотря на героическую борьбу масс, революция не достигла своих целей – свободы и всеобщего благосостояния. Российские профсоюзы стали слепыми пешками в руках партийной диктатуры. Массы перемалываются в пыль паровым катком коммунистов. Революция не удалась потому, что рабочее движение оказалось неподготовленным. Они не понимали, что отдать власть в руки государства – это погубить революцию.

Нет ни одного свидетельства о великом изменении, о великой победе рабочего движения, достигнутой парламентаризмом. Восьмичасовой день, право на организацию, право на свободу слова – все это было триумфом прямого действия.

Ранняя история американского рабочего движения изобилует примерами боевого прямого действия. Борьба Рыцарей Труда, борьба Черного Интернационала, завершившаяся трагедией в Хеймаркете, борьба Западной федерации шахтеров, Индустриальных рабочих мира и т. д. в основном ответственны за тот прогресс, которого достигло это движение в Америке. С другой стороны, чего добилась реформистская Американская федерация труда? Деграция современного рабочего движения нигде так не очевидна, как на примере нынешних событий на угольных месторождениях Иллинойса. Официальная власть Объединенной шахтерской организации Америки вместе с капиталистами и государством подавила восстание боевого рядового состава против бюрократии АФТ. Какую в самом деле важную победу удалось одержать без прямого экономического давления рабочего класса? На этот вопрос история отвечает: ни одной.

В свете борьбы и завоеваний трудящихся всего мира позиция анархо-коммунистов является в принципе правильной и поэтому полностью оправданной.

Целью рабочего класса должна быть социальная революция. Рабочие должны быть готовы к свержению капитализма путем социальной революции, должны быть готовы к тому, чтобы в нужный момент возглавить экономическую жизнь страны. Для этого они должны объединиться в массовые движения, такие как промышленные союзы, артели, аграрные кооперативы и т. д. Солидарность рабочего класса достигается путем объединения автономных органов, а не путем нисходящей централизации. Тактика должна соответствовать поставленным целям. Массы, проникнутые революционным духом, должны использовать всеобщую забастовку, саботаж, вооруженное сопротивление, экспроприацию и т. д. Революционное рабочее движение должно стать боевым авангардом, который своими делами и умом покажет остальным массам, как помочь себе и как создать новое общество. Боевой авангард, состоящий из массовых организаций рабочих и крестьян, заменяет бюрократическую партию и делает государство ненужным в переходный период.

Революция будет успешной в той мере, в какой к ней будут готовы рабочие. Многие зависит от того, насколько анархические идеи проникли в общественное сознание. Для воздействия на массы необходим период интенсивной пропаганды и революционной борьбы. Вне рабочего движения как такового анархо-коммунизм должен распространяться среди интеллигентной молодежи через кружки, пропагандистские центры, распространение литературы. Сфера образования, кооперативное движение, антивоенные лиги – все массовые организации должны обрести революционный характер. Анархисты должны превратить их в органы успешной социальной революции.

В самом реальном смысле мы переживаем судьбоносный период в истории человечества. Неизбежная социальная революция определит пути, по которым человечество будет идти еще долгое время. Все зависит от правильного представления о характере наших задач, от того, как и с каким настроением мы к ним подойдем. «Анархо-коммунизм, – как метко сказал Кропоткин, – должен быть целью революции XX века».

**Денис Хромый. Комментарий к
товарищеской лекции по
анархической экономике**

Товарищи провели очень важную и познавательную лекцию [пр. 1], посвященную анархической экономике. Поскольку тема анархической экономики действительно является одной из тех, в которой ощущается нехватка теории, эта лекция действительно полезна и обязательна для ознакомления многим анархистам.

Однако, несмотря на то, что в целом лекция довольно подробно раскрывает классическую анархическую экономическую модель (децентрализованное планирование), хотелось бы сделать пару замечаний относительно содержания данной лекции.

В первую очередь хотелось бы изложить собственные соображения относительно идеи «рейтинга усилий», которую предлагают товарищи. Эту идею они заимствуют от экономиста Робина Ханнела, на книге по партисипативной экономике которого товарищи выстраивают основную часть своей лекции. Суть этой идеи заключается в следующем: Ханнел, написавший эту книгу для глубоко атомизированного американского общества, предлагает вознаграждать особо усердных работников дополнительными потребительскими правами. Если, мол, хочешь больше потреблять, то больше трудись. Это поощрение призвано служить мотивацией для людей работать.

Товарищи анархисты в своей лекции, безусловно, упоминают о том, что автор этой идеи не игнорирует важный для анархистов экономический принцип «каждому по потребностям». Однако вместе с этим товарищи анархисты предлагают ввести и рейтинг усилий, тем самым обеспечив для людей одновременно как базовые блага (вода, тепло, жилье, еда), но и предложив дополнительную систему мотивации людей к труду.

Как бы концепция рейтинга усилий ни казалась на первый взгляд «справедливой» (когда каждый получает заслуженно за свой труд), она потенциально опасна и противоречит базовым анархистским принципам – упразднение дискриминации и иерархий.

Идея иерархии зарплат или дополнительного вознаграждения проблематична тем, что она побуждает людей не к тому, чтобы любить труд ради самого труда и трудиться ради благосостояния всех, а к, во-первых, буржуазному накопительству (когда человек трудится просто ради того, чтобы иметь больше, чем другие) и, во-вторых, к «стахановщине» (когда человек сам себя вгоняет в переработки, чтобы побольше поработать и тем самым побольше получить). То и то неприемлемо, естественно. Не нужно поощрять рабочизм и побуждать людей ценить труд не как духовную ценность, а как средство конкуренции с другими ради больших потребительских прав.

Идея рейтинга усилий может привести к дискриминации людей, которые не желают трудиться по 8 или 10 часов, например, в то время как общей нормой является 3–4 или 5–6 часов. Если я, к примеру, желаю отработать норму в 3–4 или 5–6 часов и пойти затем использовать свой досуг для того, чтобы написать эссе, сделать перевод, сочинить художественное произведение или отправиться помогать в приют со щенками, то почему я должен терпеть лишения в потребительских правах из-за желания созидать или помогать в приюте? Наш принцип «каждому по потребности», однако идея рейтинга усилий может привести к тому, что потребности кого-то могут быть отвергнуты по причине того, что кто-то работал меньше на основной работе, чем кто-то другой. Однако это несправедливо и порождает иерархию меж-

ду людьми. Принцип «каждому по потребности» и заключается в эгалитаризме: каждый человек, если в чем-то нуждается по естественным причинам, должен это получить, если для этого есть объективные возможности, что тем самым реализует право каждого на довольствие и жизнь. Лишать кого-то чего-то, что он хочет, по причине того, что он «мало работал» – это нарушить принцип «каждому по потребностям». Эгалитаризм этого принципа не может существовать там, где есть «рейтинг усилий», поощряющий конкуренцию между рабочими за потребительские права и где есть вероятность уменьшения или расширения чьих-то потребительских прав из-за «низкого или высокого рейтинга». Даже если сначала рабочие договариваются, что будет лишь возможность дополнительного расширения, но не уменьшения уже наличных базовых прав, со временем существование конкуренции, а не солидарности, между людьми дойдет до того, что людям начнет казаться «справедливым измерять и базовые потребительские права в соответствии с логикой усердий». Это вероятно по той причине, что логика конкуренции, «стахановщины» и рабочизма станет неотъемлемой частью повседневного бытия рабочих, влияя на их восприятие общественных отношений на производстве и вытесняя все сильнее эгалитаризм принципа «каждому по потребности». Вытеснение это обусловлено тем, что принцип «каждому по потребности» и идея «рейтинга усилий» противоположны аксиологически: первый утверждает эгалитаризм и довольствие всех, другой по своей сути ведет к конкуренции, иерархии в вознаграждении, рабочизму (чрезмерное усердие, выливающееся в переработки) и делает упор в большее довольствие отдельных лиц («самых усердных»). Эти два принципа базируются на противоположных ценностях, а потому диалектически непримиримы. Как пронизательно отмечал Вадим Дамье: «Попытки установить новую общественную иерархию "по труду" приведут только к нарушению равенства и солидарности, к возникновению новой привилегированной элиты "работоспособных", *квалифицированных* и преуспевающих, к установлению власти новых "стахановцев" и ударников "социалистического труда". А для защиты их власти и привилегий снова потребует государство» [пр. 2]. Отмеченная Вадимом Дамье опасность вполне реальна, ибо идея «рейтинга усилий» является как раз концепцией вознаграждения «по труду», которая порождает конкуренцию и иерархию из-за системы дополнительного вознаграждения труда по усилиям. В дополнение к словам Дамье, можно процитировать и Корнелиуса Касториадиса: «Итак, как только появятся привилегии какой-либо разновидности, особенно экономические, немедленно возникнет конкуренция между индивидами и одновременно тенденция держаться за привилегии, которыми уже располагают, а для этого приобретать больше власти и выводить ее из-под контроля других людей. С этого времени вопроса о самоуправлении уже не существует» [пр. 3].

По моему скромному мнению, анархистская экономика должна твердо стоять на принципах довольствия всех и «каждому по потребностям». Если кто-то хочет работать больше, чем другие, то есть работать больше нормы (если, например, норма 3–4 или 5–6 часов, а человек хочет работать 8–10 часов), то он, безусловно, имеет на это право. Но ему за это никаких привилегий или дополнительных прав не будет дано, поскольку он работает сверх нормы по собственному желанию, его никто не заставлял и потому что ему нравится труд сам по себе – процесс труда без вознаграждений. Если я отработал 3–4 часа и пошел заниматься переводами, то я не стану требовать за

свои переводы дополнительные какие-то привилегии, поскольку я это сделал ради идеи, культуры и созидательного труда самого по себе. Так же само и здесь: если кому-то нравится печь хлеб или шить обувь, то он может заниматься этим больше, чем другие, но не претендуя на дополнительные привилегии. В этих обоих случаях мы занимаемся чем-то ради самого труда, культуры, идеи и созидания, а не ради вознаграждения и стремления к накопительству. Это более духовное отношение к труду. Так же, безусловно, стоит отметить, что человек, работающий лишние 4–6 часов, может забрать то, что он произвел. Однако он не может забрать все, поскольку средства производства и ресурсы принадлежат всем рабочим. Он может забрать лишь большую часть из того, что он произвел сам с помощью обобществленных средств производства. Не более. Это единственный допустимый вариант в таком случае. Я же настаивал бы на варианте, чтобы эта произведенная дополнительно продукция была не присвоена в личном порядке «стахановцем», а формировала продовольственный резерв общины на «черный день». Рабочие, выполняя норму, производят продукцию для удовлетворения настоящих запросов потребительских ассоциаций (жителей общины), выполняя актуальный план и производя продукцию на потребление в скором времени (в течение года, если план ежегодный). Но если кто-то желает работать больше, чем установлено за нормой (больше, чем 3–4 или 5–6 часов), то произведенная им дополнительная продукция может формировать продовольственные резервы общин на случаи экстренных и непредвиденных ситуаций (военное нападение, серьезная поломка средств производства, проблемы с ресурсами и т.д.).

Я считаю, что организация производства должна ориентироваться не на поощрение рабочизма (культы работы), а на расширение досуга людей и прививание любви к труду ради самого труда или духовного отношения к труду. Идея «рейтинга усилий» редуцирует труд лишь к результату, то есть отчуждает интерес работника от труда в пользу материального вознаграждения. Это приводит к тому, что работник не видит смысла в своем труде, кроме как в том, чтобы получить какие-то дополнительные продукты или привилегии. В таком случае люди много заняты в том, что им неинтересно, ради одной цели – потреблять. Естественно, подобное отношение к труду не может быть приемлемым в анархистском обществе, ибо порождает лишь консьюмеризм. В центре анархизма стоит этика. Именно через этику или духовность необходимо мыслить труд: труд должен обладать этическим измерением. Общественно полезные работы и производство должны сопровождаться у рабочих пониманием тем, что их труд освобождает других людей и их самих от бремени страданий от лишений, нищеты, холода, голода и болезней. Что их труд общественно значим с той точки зрения, что он позволяет каждому (в том числе и им самим) человеку обрести достойную жизнь и заняться развитием своей личности. Коллективные усилия рабочих, отсутствие бредовых работ (и занятость людей, когда-то работающих на бредовых работах, в производстве общественно значимых благ), отсутствие стремления к сверхприбыли (ведущего к сверхпроизводству), автоматизация, потребление по реальным, а не ложным потребностям – это реальные предпосылки расширения досуга людей. Мы желаем не превратить людей в существ, живущих лишь ради работы или потребления того, что чрезмерное вовлечение в рабочий процесс может принести. Мы желаем, чтобы человек не стремился перерабатывать,

а выбирал чем он хочет заниматься. По объективным причинам, работать 3–4 или 5–6 часов придется – это да. Но и эта вынужденная работа должна рассматриваться этически: общественно важный вклад в то, чтобы другие не умирали от голода, лишения, холода, болезней и прочих мучений, а также внесение вклада в общий уровень расширения досуга каждого, ибо если работают все поровну, то и досуг каждого поровну увеличивается, что, естественно, справедливо. Труд должен рассматриваться как возможность общего освобождения личностей от угнетающих лишений и создание экономической основы для развития каждого благодаря досугу, а не как средство увеличения потребительских прав ради потребления. Труд должен стать и самоцелью: трудиться не ради привилегий, а ради удовольствия от самого труда. И за труд должно быть уважение – это важная составляющая этического измерения. Ведь действительно есть за что уважать людей, которые трудятся на благо всех, не позволяя им умереть от голода или холода, и позволяя иметь досуг заниматься чем-то творческим. Именно про этическое отношение к труду писал вышеупомянутый Корнелиус Касториadis: «Но если в социальной системе нет подобной дифференциации, если желание заработать больше, чем другие считается столь же абсурдным, как сегодня нам представляется абсурдным (по крайней мере большинству из нас) желание любой ценой получить дворянскую фамилию, тогда могли бы возникнуть или скорее получить распространение другие мотивации, которые действительно ценны для общества: интерес к самому труду, удовольствие хорошо сделать то, чем сам решил заняться, изобретательность, творчество, уважение и благодарность других» [пр. 4]. Таким образом, труд – не предмет конкуренции «самых усердных» и не средство удовлетворения накопительских и консюмеристских желаний. Он – основа свободы общества (ибо производство, ориентированное на удовлетворение потребностей всех нуждающихся, порождает досуг каждого) и способ творческой самореализации человека не ради тривиального обладания вещами, а ради чего-то более высокого – культуры (если мы говорим про занятие на досуге переводами, литературой, искусством, например). Тот же, кто хочет трудиться на заводе, например, больше, чем другие, может делать это ради самого удовольствия от труда. Он может как забрать большую часть произведенного им в одиночку, так и пойти по лучшему варианту: вносить свой вклад в формирование ресурсных резервов общины, которые в будущем могут спасти жизни многих людям, в том числе и самому «стахановцу», ибо ресурсы резервные общины пойдут на выживание всех. Это благородно и дальновидно. Община реально будет благодарна ему за это. А рабочий поступит в интересах не только общины, но и в интересах своих: внесет вклад в сохранение жизни людей, с которыми он живет и которые своим трудом создавали и ему досуг. Мне представляется, что такой вариант применения дополнительно произведенной продукции «самыми усердными» намного более гуманен, разумен, дальновиден и практичен, чем «стахановщина» ради чисто узкого консюмеризма. Человек анархии – гуманистический эгоист, стремящийся достичь условий для развития каждого. В том числе и сохранения жизни каждого. И он не один такой. Другие так же стремятся к тому, чтобы помочь ему сохранить и его жизнь. Так, стремясь помочь друг другу, их общие интересы удовлетворяются через взаимную помощь. Ресурсный резерв и воплощает конкретный пример взаимной помощи, ибо он представляет совокупность их труда, который поможет выжить каждому.

Я, как анархо-индивидуалист, желаю того, чтобы каждая личность имела возможность жить и созидать, а потому был бы не против создания такого резерва, который позволил бы сохранить жизнь и возможность иметь досуг всем личностям, включая и меня.

Это что касается идеи «рейтинга усилий». Еще небольшое замечание о планировании. Точнее о том, как человеку посчитать то, сколько ему нужно заказать еды на ежегодный план. Товарищ-лектор приводит, что существует специально предложение, которое показывает сколько и что ты употребил за месяц или неделю. Думаю, к этому варианту можно добавить и другой способ: неделя все же действительно небольшой отрезок времени. Поэтому каждый человек может приблизительно посчитать что и сколько он потребляет за неделю. Затем умножить посчитанное на 3 или 4 (в зависимости от того сколько недель в месяце). Умножив, человек получит понимание того сколько он употребляет за месяц. Затем эти цифры за месяц нужно умножить на 11 (чтобы получить цифру о количестве продуктов, употребляемых за 12 месяцев – один год). Таким образом человек сможет понять сколько он потребляет за год и сможет сделать нужный заказ для рабочего комитета.

Больше никаких скромных предложений и замечаний во время просмотра лекции не появилось. В целом лекция очень хорошая и дает базовое представление о децентрализованном планировании в анархистском обществе.

ССЫЛКИ

1. Канал «Анархисты Беларуси». Лекция «Школа анархизма #11 – Модели анархической экономики». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S-e5Excw57k>
2. Вадим Дамье. «Экономика свободы». URL: <https://aitrus.info/node/204>
3. Корнелиус Касториадис. «Самоуправление и иерархия». URL: <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/kornelius-kastoriadis-samoupravlenie-i-ierarhiya>
4. Там же.

Йэн Маккей. Экономика анархии

Сара Пэйлин процитировала человека, который подводит итог интеллектуальному времени, в котором мы живем: «*Сейчас не время для социалистических экспериментов*». И это во время самого тяжелого кризиса с 1930-х годов!¹ Анархисты сказали бы, что время **как раз** такое, но только до тех пор, пока речь идет о **либертарном социализме!**

Капитализм в кризисе (снова!), и провал государственного социализма не может быть более очевидным. Социал-демократия превратилась в неолиберализм (новые лейбористы? новые тэтчеристы!), а в этом году также исполняется 20 лет со дня падения сталинского режима в Восточной Европе. Сталинизм с его государственным капитализмом и партийной диктатурой превратил болезнь (капитализм) в нечто более привлекательное, нежели лекарство от нее (социализм)! Анархистов в этом можно оправдать, покуда такие, как Бакунин, предсказали эти два возможных исхода за десятилетия до того, как они стали реальностью.

Таким образом, открывается возможность для **реальной** альтернативы. Ведь нельзя забывать, что капитализм – это всего лишь новейшая форма экономики. По словам Прудона: «*коренной порок политической экономии состоит в... утверждении в качестве окончательного нечто преходящее, в частности разделение общества на патрициев (богатую элиту) и пролетариев*». Итак, мы видим рабский труд, затем крепостное право, затем капитализм. Что же такое капитализм? По словам Прудона, «*период, через который мы сейчас проходим... отличается особой характеристикой: НАЕМНЫМ РАБСТВОМ*» («*la salariat*», по любимому выражению француза).

Итак, капитализм – это экономическая система, основанная на наемном труде, то есть на продаже своего труда (свободы) по частям начальнику. Для анархистов это лучше всего назвать «**наемным рабством**».

Анархизм стремится к **ассоциированному** труду, другими словами, к свободному труду, к ситуации, когда те, кто выполняет работу, управляют ею. В более отдаленной перспективе речь идет об **упразднении работы** (работа и игра становятся единым целым). Цитируя Кропоткина, «*жизнь в свободном труде, человек не принужденный продавать своего труда и свободы тем, кто накапливает богатства, пользуясь трудом рабов, – вот что должна дать будущая революция*».

¹ Статья написана 4 сентября 2009 года, в период финансового кризиса 2008 года – прим. переводчика.

Истоки анархизма

Анархизм не изобрели ученые в библиотеке. Его истоки, как подчеркивал Кропоткин в своей классической работе *«Современная наука и анархия»*, лежат в самодеятельности трудящихся и их борьбе против эксплуатации и угнетения.

Мы не абстрактно сравниваем капитализм с лучшими общественными формами, а видим структуры нового мира, создаваемые в борьбе внутри капитализма, но противостоящие ему. Так, собрания и комитеты, созданные для проведения забастовки, рассматриваются как организации на рабочих местах, которые будут организовывать производство в свободном обществе. Цитируя активистов *«Индустриальных рабочих мира»*: *построение нового мира в оболочке старого*.

Разные школы анархизма

В целом существует три различных школы анархизма (или либертарного социализма): **мютюэлизм**, **коллективизм** и **коммунизм**. **Анархо-синдикализм** – это скорее тактика, нежели сама цель, и поэтому его приверженцы стремятся к одной из этих трех моделей (обычно к анархо-коммунизму, хотя Бакунин, впервые сформулировавший тактику анархо-синдикализма, называл себя коллективистом). На практике, конечно, в разных регионах будут экспериментировать по разным схемам в зависимости от желания людей и объективных обстоятельств, с какими предстоит столкнуться. Свободное экспериментирование – один из основных либертарных принципов.

Хотя эти три школы различаются по некоторым вопросам, они разделяют некоторые ключевые принципы. Фактически, если кто-то называет что-то «анархизмом», но при этом отвергает хотя бы один из нижеперечисленных принципов, то можно с уверенностью сказать, что это **вовсе не** анархизм.

Первый принцип – принцип **владения вместо частной собственности**. В соответствии с книгой Прудона «**Что такое собственность?**», в свободном обществе права пользования заменяют права собственности. Это автоматически предполагает эгалитарное распределение богатства. Второй принцип – **социализация**. Она означает свободный доступ к рабочим местам и земле, а значит, упразднение феодальных и капиталистических отношений (это иногда называют «*occupancy and use*» – «*заяние и пользование*»). Третий – **добровольная ассоциация**, т. е. самоуправление производством со стороны производителей. Хотя эти объединения трудящихся называются по-разному (кооперативы, синдикаты, коллективы, рабочие компании – вот лишь четыре из них), принцип один и тот же: один человек – один голос. Последний ключевой принцип – **свободная федерация**. В его основе лежит свобода ассоциаций, необходимая для любой динамичной экономики, и, соответственно, горизонтальные связи между производителями, а также федерации для координации совместных интересов. Она будет основана на децентрализации (как показывают примеры капиталистических фирм и сталинской экономики, централизация не работает). Она будет организована по принципу «снизу вверх», с помощью уполномоченных и отзываемых делегатов.

Бакунин хорошо изложил суть подобной экономической модели, заявив, что «*земля принадлежит только тем, кто обрабатывает ее своими руками земледельческим общинам... все орудия труда работникам – рабочим ассоциациям*». Обоснование принятия решений такими самоуправляемыми рабочими местами будет отличаться от капиталистического в той же мере, как и структура. По выражению Кропоткина, экономика в разумном обществе ставить целью «*изучение потребностей человечества и средств удовлетворения их с наименьшей бесполезной потерей человеческих сил*». В наши дни к этому следует добавить **экологические соображения** – и почти

наверняка Кропоткин с этим согласился бы (в его классической работе **«Поля, фабрики и мастерские»** явно прослеживается экологическая перспектива, хотя он и не использует этот термин).

Критика собственности

Чтобы понять анархистские представления о свободной экономике, необходимо разобраться в анархистской критике капитализма. Как известно, Прудон провозгласил, что *«собственность – это кража»*. Под этим он подразумевал две вещи. Во-первых, то, что домовладельцы взимают с арендаторов плату за доступ к средствам существования. Таким образом, рента – это эксплуатация. Во-вторых, наемный труд приводит к эксплуатации. От работников ожидают, что они будут производить больше, чем получать за свой труд. Цитируя Прудона:

*«Кто трудится, тот становится собственником – этот факт нельзя отрицать при современном состоянии экономической науки и права. Но когда я говорю собственник, я не разумею при этом, подобно иным лицемерным экономистам, собственника своего жалования или заработной платы, а собственника созданной вновь ценности, из которой извлекает выгоду один лишь хозяин земли... **Работник, даже после получения им заработной платы, сохраняет естественное право собственности на произведенную им вещь**».*

Это подтверждает тезис Прудона *«собственность – это деспотизм»*. Иными словами, она порождает иерархические общественные отношения, и эта структура власти позволяет руководить рабочими, обеспечивая их эксплуатацию. Еще раз процитируем Прудона:

«Знаете ли вы, что такое быть наемным работником? Это работать под началом другого, следуя его пристрастиям даже больше, чем приказам... Это не обладать собственным рассудком, не знать никаких стимулов, кроме хлеба насущного и страха потерять работу. Наемный работник – это человек, которому нанимающий его собственник говорит: То, что ты будешь делать, тебя не касается, ты ничем не можешь управлять».

Для этого, как отмечалось выше, права пользования заменяют права собственности. В личном владении остаются только те вещи, которыми вы пользуетесь. По выражению Александра Беркмана, анархизм *«ликвидирует частную собственность на средства производства и распределения, и вместе с этим исчезнет капиталистический бизнес. В личном владении останутся только вещи, которыми вы пользуетесь. Так, ваши часы останутся вашими, но часовой завод будет принадлежать народу. Земля, машины и все общественные учреждения станут общественной собственностью; они не будут ни покупаться, ни продаваться. Реальное пользование будет давать лишь право пользования – как обладание, а не собственность. Например, организация шахтеров-угольщиков будет отвечать за шахты, не как их собственник, а как администратор. Точно так же братство железнодорожников будет руководить работой железных дорог и т. д. Общественное владение, коллективно управляемое в интересах сообщества, встанет на место персональной собственности, управляемой частными лицами ради получения прибыли».*

Прудон здорово изложил суть в одной фразе: *«владение без господства»*.

Социализация

Хотя не все анархисты использовали термин «социализация», факт остается фактом – это необходимая основа для свободного общества, и неудивительно, что это понятие (если не слово) лежит в основе анархизма. Это объясняется тем, что социализация обеспечивает всеобщее самоуправление путем предоставления свободного доступа к средствам производства. Как утверждали Эмма Голдман и Иоганн Мост, она *«логически исключает любые отношения между хозяином и слугой»*.

Эта позиция анархична столь же долго, сколько анархизм называется анархизмом. Так, Прудон в 1840 г. утверждал, что *«земля необходима для нашего существования»*, *«следовательно, она общая, следовательно, не подлежит присвоению»* и что *«весь накопленный капитал является общественной собственностью, и никто не может быть его исключительным собственником»*. Это означает, что *«крестьянин не присваивает себе поле, которое он засеивает»*, а *«весь капитал... являющийся результатом коллективного труда»*, – это *«коллективная собственность»*. Неудивительно, что Прудон выступал за *«демократически организованные ассоциации рабочих»* и утверждал, что *«по закону ассоциации передача богатства не распространяется на орудия труда, поэтому не может стать причиной неравенства»*.

Как поясняет экономист Дэвид Эллерман, демократическое рабочее место – *«это социальная общность, скорее общность труда, нежели общность проживания. Это республика, или res publica (вещь публичная) рабочего места. Высшие права управления закреплены в качестве личных прав... к людям, которые работают в фирме...Этот анализ показывает, как фирма может быть социализирована и при этом оставаться частной в том смысле, что она не принадлежит государству»*.

Самоуправление

Социализация логически предполагает отсутствие рынка труда, просто люди будут искать ассоциации для вступления в них, а ассоциации – тех, кто готов к ним присоединиться. Наемный труд уходит в прошлое и заменяется самоуправлением.

Иногда это называют *«рабочим контролем»* или, по словам Прудона, *«промышленной демократией»* и превращением рабочих мест в *«маленькие республики рабочих»*. По мнению Кропоткина, либертарная экономика должна основываться на *«ассоциациях людей, которые... работая на земле, на фабриках, в шахтах и т. д., [сами] являются руководителями производства»*.

В основе ассоциации лежит принцип «один член – один голос» (и, соответственно, эгалитарные структуры и результаты), выборность и отзыв административного персонала, интеграция ручного и интеллектуального труда, разделение **обязанностей**, а не разделение **труда**.

Таким образом, по мнению Прудона, рабочие места *«являются общей и нераздельной собственностью всех, кто них трудится»*, а не *«компаниями акционеров, грабящих тела и души наемных рабочих»*. Это означает свободный доступ, при котором *«каждый работающий в ассоциации»* имеет *«безраздельную долю в имуществе компании»* и *«право на замещение любой должности»*, поскольку *«все должности выборные, а устав подлежит утверждению членами»*.

Хотя эти принципы лежат в основе всех школ анархизма, между ними существуют различия.

Мютюэлизм

Первой школой анархизма был мютюэлизм, наиболее известный благодаря Прудону. [пр. 1]

В этой системе есть рынки. Она не подразумевает капитализм, так как рынки не определяют эту систему. Рынки предшествуют ему на тысячи лет. Уникальность капитализма состоит в том, что в нем есть товарное производство **и** наемный труд. [пр. 2] Таким образом, это означает, что в основе мютюэлизма лежит товарное производство, но наемный труд заменяется индивидуальной трудовой деятельностью и кооперативами.

Это означает, что распределение происходит по результатам труда, по **труду**, а не по потребностям. Работники будут получать весь продукт своего труда после оплаты издержек. Это не значит, что кооперативы не будут инвестировать, просто ассоциация в целом будет определять, какая часть коллективного дохода будет распределяться между отдельными членами, а какая останется для кооперативных нужд.

Следует отметить, что неоклассическая экономическая школа утверждает, словно кооперативы приводят к высокой безработице. Однако, как и вся эта идеология, она основана на ложных предположениях и, в конечном счете, является теорией, предсказания которой не имеют абсолютно ничего общего с наблюдаемыми фактами.

Наряду с кооперативами, другая ключевая идея мютюэлизма – **беспроцентный кредит**. Будет организован Народный банк, процентная ставка в котором будет покрывать плату за обслуживание (около 0%). Это позволило бы рабочим создавать собственные средства производства. Опять же, неоклассическая экономическая школа предполагает, что возникнет проблема инфляции, поскольку банки взаимопомощи увеличат денежную массу за счет создания кредитов. Однако это неверно, так как кредиты не выдаются произвольно, а «нормируются», т. е. предоставляются тем проектам, которые, как ожидается, произведут больше товаров и услуг. Таким образом, речь идет не о том, что за определенным количеством товаров гонится все большее и большее количество денег, а о том, что деньги используются для создания все большего и большего количества товаров!

Наконец, существует **агропромышленная федерация**. Прудон хорошо понимал, с какими проблемами сталкиваются изолированные кооперативы, и поэтому предложил ассоциациям организовать федерацию, чтобы снизить риск за счет солидарности, взаимопомощи и поддержки. Поскольку все отрасли промышленности взаимосвязаны, им имеет смысл поддерживать друг друга. Кроме того, федерация рассматривалась как способ остановить реставрацию капитализма под действием рыночных сил. В рамках федерации также предполагалось, что общественные услуги (такие как железные и автомобильные дороги, здравоохранение и т. д.) будут находиться в коммунальной собственности и управляться рабочими кооперативами.

Мютюэлизм – реформистская стратегия, направленная на замену капитализма с помощью альтернативных институтов и конкуренции. Меньшая часть анархистов придерживается этой точки зрения.

Коллективизм

Следующей школой анархистской экономики является коллективизм, наиболее известный благодаря Бакунину. Он напоминает мютюэлизм, но в меньшей степени рыночный (хотя все же основан на распределении по труду). Однако в нем больше коммунистических элементов, и большинство его приверженцев считают, что он перерастет в либертарный коммунизм.

Поэтому его можно рассматривать как нечто среднее между мютюэлизмом и коммунизмом, с элементами того и другого. Поэтому здесь он не рассматривается, так как его особенности описаны в этих двух вариантах. Как и либертарный коммунизм, он революционен, поскольку капитализм невозможно реформировать.

Коммунизм

Во-первых, это не то же, что сталинизм или ленинизм! Это был государственный капитализм, который и отдаленно не был коммунистическим, не говоря уже о том, чтобы быть либертарным. Большинство анархистов – **либертарные** коммунисты, и эта теория наиболее известна благодаря Кропоткину.

В отличие от мютьюэлизма и коллективизма, рынки отсутствуют. В основе коммунизма лежит отказ от денег или их эквивалентов (трудовых купюр). То есть нет наемного труда **И** нет системы оплаты труда (*«От каждого по способностям, каждому по потребностям»*).

Коммунистический анархизм распространяет коллективное владение на продукты труда. Это не значит, что мы делимся зубными щетками, просто продукция находится в свободном доступе для тех, кто в ней нуждается. Цитируя Кропоткина: *«Коммунизм, но не тот монашеский или казарменный, за который раньше ратовали [государственные социалисты], а свободный коммунизм, который отдает продукты жатвы или производства в распоряжение всех, оставляя за каждым свободу потреблять их по своему усмотрению в своем доме»*.

Эти анархисты призывают к упразднению денег, поскольку существует множество проблем, связанных с рынками **как таковыми**, проблем, которые капитализм, несомненно, усугубляет, но которые существовали бы даже при некапиталистической рыночной системе. Наиболее очевидно, что доход не отражает потребностей, и справедливое общество признает это. Многие потребности рынки неспособны обеспечить (общественные блага и эффективное здравоохранение, что наиболее очевидно). Рынки блокируют информацию, необходимую для принятия разумных решений (то, что что-то стоит 5 фунтов стерлингов, не говорит о том, насколько это загрязняет окружающую среду или каковы условия на рабочем месте, где это что-то было произведено). Они также систематически поощряют антиобщественную деятельность (фирмы, навязывающие экстерналии, могут снижать цены для увеличения прибыли и в результате получать вознаграждение за увеличение доли рынка). Рыночные силы порождают коллективное иррациональное поведение в результате атомистических индивидуальных действий (например, конкуренция может привести к тому, что люди будут работать больше и дольше, чтобы выжить на рынке, а также вызвать перепроизводство и кризис, поскольку фирмы реагируют на одни и те же рыночные сигналы и наводняют рынок). Необходимость получения прибыли также увеличивает неопределенность, а значит, и вероятность кризиса и связанных с ним социальных бедствий.

Вместо сравнения цен распределение ресурсов при анархо-коммунизме будет основано на сравнении потребительских ценностей конкретных продуктов, а также их относительной дефицитности. Сравнимые потребительские ценности могут быть как положительными (т.е. насколько хорошо он отвечает требованиям), так и

отрицательными (т. е. какие ресурсы он использует, какое загрязнение он вызывает, сколько труда в нем воплощено и т. д.). Таким образом, информация о реальных затратах, чаще всего скрытая ценой, может быть передана и использована для принятия разумных решений. О дефиците можно судить по тому, что синдикаты сообщают, сколько заказов они получают по сравнению со своими обычными возможностями: при увеличении количества заказов индекс дефицита их продукта повышается, что информирует другие синдикаты о необходимости поиска его заменителей.

Фактические данные

Могут сказать: «Ладно, но это всего лишь выдача желаемого за действительное!» Это не так, поскольку эмпирические данные свидетельствуют в пользу либертарных экономических идей.

Например, участие рабочих в управлении и распределении прибыли повышает производительность труда. Предприятия, управляемые рабочими, более производительны, нежели капиталистические фирмы. Ошеломляющие 94% из 226 исследований, посвященных этому вопросу, показали положительный эффект, причем 60% были статистически значимыми. Интересно, что для того, чтобы собственность работников оказывала сильное влияние на производительность, необходимо участие работников в принятии решений.

Кроме того, в кооперативах существует незначительная разница в оплате труда в зависимости от должности (не более 1 к 10, в то время как в корпорациях она составляет 1 к 200 и более!) Неудивительно, что высокий уровень равенства повышает производительность труда (ведь работникам не нравится батрачить, чтобы другие обогащались за счет их труда!)

А как же отсутствие фондового рынка? Не нужно обсуждать, насколько фондовые рынки вредны для реальной экономики в текущем цикле, но достаточно сказать, что они создают серьезные проблемы в коммуникации между менеджерами и акционерами. Более того, фондовый рынок поощряет краткосрочное увеличение прибыли, а не долгосрочный рост, что приводит к чрезмерному инвестированию в определенные отрасли, отчего наблюдается рост риска и спекуляций. Примечательно, что для капитализма, ориентированного на банки, характерны менее экстремальные циклы, нежели для фондового рынка.

Успешные кооперативы при капитализме, такие как «Мондрагон», обычно объединяются в группы, что свидетельствует о наличии *агропромышленной федерации*, и часто связаны с собственными банковскими учреждениями (что опять-таки свидетельствует о справедливости идей Прудона).

Кроме того, есть пример различных социальных революций по всему миру. Ни один анархистский разговор не будет полным без упоминания испанской революции 1936 года, и это обсуждение – не исключение. Однако мы упоминаем ее не просто так, поскольку она показывает, что либертарное самоуправление может работать в широких масштабах: большая часть промышленности в Каталонии была успешно коллективизирована, а огромные площади земли находились в коллективной собственности и под коллективным управлением. Совсем недавно восстание против неолиберализма в Аргентине включало в себя захват закрытых рабочих мест. Эти восстановленные заводы показывают, что мы нужны боссам, но не они нам!

Как этого достичь?

Итак, после того как мы признали либертарный социализм целесообразным и обоснованным, встает вопрос о том, как к нему прийти. Очевидно, что один из элементов этого пути – создание и поддержка кооперативов в рамках капитализма (Прудон: «*Это новое общество будет возвращено в сердце старого*»). Это может включать в себя продвижение социализации и кооперативов как альтернативы ликвидации, спасению от банкротства и национализации.

Однако большинство анархистов рассматривают это как часть поощрения **культуры сопротивления**, или поощрения коллективной борьбы против капитализма и государства. Другими словами, поощрение **прямых действий** (забастовок, протестов, оккупаций пространства и т. д.) и обеспечение того, чтобы всю борьбу направляли сами участники, и чтобы все создаваемые ими организации также управлялись снизу. Цель состоит в том, чтобы люди начали занимать рабочие места, жилье, землю и т. д., тем самым делая социализацию реальностью. Управляя своей борьбой, мы учимся управлять своей жизнью; создавая организации для борьбы против существующей системы, мы создаем основу для свободного общества.

Вместе мы можем изменить мир!

Более подробная информация – в разделе I «Анархизма в вопросах и ответах».

(Основано на докладе, прочтенном на конференции **Radical Routes** «*Практическая экономика: радикальные альтернативы несостоятельной экономической системе*», состоявшейся 23 мая. Radical Routes – это сеть кооперативов, с которыми можно связаться по адресу: Radical Routes Enquiries, c/o Cornerstone Resource Centre, 16 Sholebroke Avenue, Leeds, LS7 3HB).

Примечания

[пр. 1] Следует отметить, что в академической экономике эта система часто называется «синдикализмом» или «рыночным синдикализмом», и это говорит о том, что незнание предмета не препятствует тому, чтобы писать о нем в подобных кругах.

[пр. 2] Если процитировать Энгельса, то «*стоящая перед производством цель – производить товары – не придает орудию производства характера капитала*», поскольку «*товарное производство является одним из предварительных условий существования капитала... пока производитель продает только **свое собственное** изделие, он не является капиталистом; он становится им только в тот момент, когда использует свое орудие для эксплуатации наемного труда других людей*» (К. Маркс, Ф. Энгельс, **Собрание сочинений**, т. 36, стр. 167). Таким образом, он просто повторял анализ Маркса в «**Капитале**» (который, в свою очередь, повторял различие между собственностью и владением, проведенное Прудоном).

**Уэйн Прайс. Что такое
анархо-коммунизм?**

Часть I: Противоречивые значения понятия «КОММУНИЗМ»

Существовало представление, называемое «коммунизмом», которого придерживались Кропоткин и другие анархо-коммунисты в XIX и начале XX века. Маркс и Энгельс ставили перед собой, по сути, ту же цель. В безгосударственном, бесклассовом обществе коммунизма средства производства будут находиться в общей собственности (в общине), трудиться люди будут ввиду социальных побуждений, а не ради зарплаты, и где потребительские блага будут доступны каждому в соответствии с потребностями.

Но во времена «холодной войны» слово «коммунизм» стало означать нечто совершенно иное. Великие народы управлялись самопровозглашенными коммунистическими партиями. Тоталитарное государство главенствовало над экономикой, бесправные рабочие производили товары, продаваемые на внутреннем и международном рынке, и работали за зарплату (то есть продавали свою рабочую силу как товар начальству).

В ту эпоху «коммунистами» называли в основном тех, кто поддерживал подобные государственно-капиталистические тирании. К ним относились промосковские коммунистические партии, маоисты, другие сталинисты и большинство троцкистов. Они называли себя «коммунистами», как и большинство их оппонентов. С другой стороны, «антикоммунистами» называли не просто тех, кто выступал против таких режимов, а тех, кто поддерживал западный империализм, – от либералов до безумных фашистов. В то же время промосковские деятели рассматривали либертарных социалистов как «антикоммунистов» и «антисоветчиков». Некоторые стали называть себя «анти-антикоммунистами», чтобы сказать, что они не поддерживают коммунистов, но выступают против маккартистской охоты на ведьм.

Сейчас мы находимся в новой эпохе. Распался Советский Союз с его правящей коммунистической партией. Правда, такие государства существуют до сих пор, с модификациями, в Китае, на Кубе и в других странах. К сожалению, они вдохновляют многих людей. Но в целом количество и вес коммунистических партий уменьшились. Напротив, растет число людей, которые идентифицируют себя с анархизмом, причем в основном с анархо-коммунистической традицией. Другим людям Маркс по-прежнему импонирует, но они обращаются к либертарным и гуманистическим интерпретациям его творчества. Как же нам сегодня использовать термин «коммунизм»? Обладает ли он тем же значением, что и в прошлом? Я рассмотрю историю термина и его значения.

Называя себя «социалистами», основоположники анархического движения Прудон и Бакунин осуждали «коммунизм». Характерно высказывание Прудона о том, что коммунизм – это «диктаторская, авторитарная, доктринерская система, [которая]

исходит из аксиомы, что индивид подчинен... коллективу; гражданин принадлежит государству...» (цит. по: Buber, 1958; pp. 30–31). Бакунин писал: «Я ненавижу коммунизм, потому что он есть отрицание свободы... Я не коммунист, потому что коммунизм... обязательно заканчивается сосредоточением собственности в руках государства» (цит. по: Leier, 2006; p. 191). Прудон называл себя «мютюэлистом», Бакунин – «коллективистом».

Если вспомнить монастырь или армию (где солдаты получают пищу, одежду и кров), то легко понять, как можно представить себе «коммунизм» (своего рода), несовместимый с демократией, свободой и равенством. В своих ранних работах Маркс осуждал программу «вульгарного коммунизма», при котором «община есть только община труда и равенства заработной платы, выплачиваемой... общиной как всеобщим капиталистом» (Marx, 1961; pp. 125–126). Однако Маркс и Энгельс называли себя коммунистами – этот термин они предпочитали более расплывчатому «социалист», хотя использовали и его. (Особенно им не нравился термин «социал-демократический», который использовали немецкие марксисты).

Наиболее четко концепция коммунизма раскрыта Марксом в «Критике Готской программы». Коммунизм – это «общество основанно [е] на началах коллективизма, на общем владении средствами производства...» (Marx, 1974; p. 345). В «первой фазе коммунистического общества» (p. 347) сохранится нехватка рабочей силы и потребность в ней. «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества... [обществом, которое] сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло...» (p. 346). В этой низшей фазе коммунизма, по мысли Маркса, индивиды будут получать чеки, в которых будет указано, сколько труда они внесли (за вычетом суммы, взятой в общий фонд). Используя чеки, они могут брать продукты потребления, на которые затрачено то же количество труда; это не деньги, поскольку их нельзя накапливать. Однако это все равно система буржуазных прав и уравниловки, в рамках которой обмениваются равные единицы труда. Учитывая, что способности и потребности людей неодинаковы, подобная уравниловка все равно приводит к определенной степени неравенства.

Маркс трубил: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: От каждого по способностям, каждому по потребностям!» (p. 347).

(По известным только ему одному причинам Ленин переименовал «первую фазу коммунистического общества» Маркса в социализм, а «высшую стадию коммунистического общества» – в коммунизм. Большинство левых придерживается этой путаницы).

Несмотря на неприятие термина «коммунизм», Бакунин, по словам его близкого друга Джеймса Гийома, также выступал за двухступенчатое развитие послереволюционной экономики. В 1874 г. Гийом написал эссе, в котором обобщил взгляды Бакунина. «Мы должны... руководствоваться принципом *От каждого по его способностям, каждому по его потребностям*... Когда благодаря прогрессу научной промышленности и сельского хозяйства производство превысит потребление, а это будет достигнуто через несколько лет после Революции, больше не будет необходимости скупко распределять долю товаров каждого рабочего. Каждый будет черпать то, что ему нужно, из богатого социального запаса товаров... Тем временем каждое сообщество в течение переходного периода само решит, какой метод, по их мнению, является наилучшим для распределения продуктов совместного труда» (Bakunin, 1980; p. 361-362)¹. Он упоминает различные альтернативные системы оплаты труда для переходного периода; «...с системами будут экспериментировать, чтобы посмотреть, как они работают» (p. 361).

Сегодняшние предложения партисипативной экономики («экономика участия»), в которой работники вознаграждаются за интенсивность и продолжительность своего труда в кооперативной экономике, вписывались бы в концепцию Бакунина или Маркса о преходящей, начальной, фазе свободного общества. Но, в отличие от сторонников партисипативной экономики, Маркс и Бакунин признавали, что все же эта экономическая модель довольно ограничена. Таким образом, и для Маркса, и для Бакунина коммунизм требует очень высокого уровня производительности и потенциального процветания, экономической модели пост-дефицита, когда у людей будет достаточно свободного времени для участия в принятии решений на работе и в обществе, что положит конец различию между теми, кто отдает приказы, и теми, кто их выполняет. Однако ни Маркс, ни Бакунин не описали социального механизма перехода от одной фазы к другой.

Кропоткин отверг двухступенчатый подход марксистов и анархо-коллективистов. Вместо этого он предлагал, чтобы революционное общество «немедленно превратилось в коммунистическое» (1975, p. 98), то есть сразу перешло в ту фазу коммунизма, которую Маркс считал «более развитой», завершённой. Кропоткин и те, кто был с ним согласен, называли себя «анархо-коммунистами» (или «коммунистическими анархистами»), хотя продолжали считать себя частью более широкого социалистического движения.

Невозможно, утверждал Кропоткин, организовать экономику частично на капиталистических, а частично на коммунистических принципах. Награждать производителей в зависимости от их профессиональной подготовки или даже от трудолюбия – это значит воссоздать классовое разделение и необходимость государственного контроля над всем. Невозможно также определить, какой вклад внесли отдельные люди в сложную кооперативную систему производства, чтобы вознаградить их в соответствии с их трудом.

Вместо этого Кропоткин предлагал, чтобы большой город во время революции «мог организовать по принципу свободного коммунизма; город гарантировал бы

¹ Содержится в русском переводе работы Джеймса Гийома «Мысли о социальной организации» – прим. переводчика.

каждому жителю жилище, пищу и одежду... в обмен на... пятичасовой труд; и... все те вещи, которые считались бы роскошью, мог бы получить каждый, если бы он присоединился на вторую половину дня к всевозможным свободным объединениям...». (pp. 118–119) Это потребовало бы объединения сельскохозяйственного и промышленного труда, физического и умственного. В предложении Кропоткина оставался элемент принуждения. Предполагалось, что взрослые трудоспособные люди, не желающие работать по пять часов, не получают «гарантированного» минимума.

Анархо-коммунизм стал преобладать среди анархистов, так что редко можно было встретить анархиста (за исключением анархо-индивидуалистов)², который не принимал бы коммунизм, какие бы разногласия они ни имели между собой. Между тем марксисты уже давно называли себя социал-демократами. Когда началась Первая мировая война, основные социал-демократические партии поддерживали войну с капиталистами. Ленин призвал революционное крыло международной социал-демократии отделиться от предателей социализма. В рамках этого он выступил за то, чтобы его партия большевиков и подобные ей партии называли себя коммунистическими партиями, восходя к Марксу. Некоторые его последователи жаловались, что это запутает рабочих, и большевики станут похожи на анархо-коммунистов. Ленин заявил, что важнее не путаться с реформистскими социал-демократами. Ленин добился своего (как это обычно происходило в его партии). Термин «коммунист» стал принадлежать марксистам. На примере революции в России большинство революционно настроенных людей обратилось к ленинцам, а анархисты отошли на второй план. Термин «коммунист» стал в основном обозначать ленинцев.

² Следует отметить, что не все анархо-индивидуалисты были противниками анархо-коммунистической модели. Вероятнее всего, Уэйн Прайс имеет в виду американскую традицию анархо-индивидуализма. Помимо таких анархо-индивидуалистических теоретиков, как Бенджамин Такер и Лисандр Спунер, анархо-индивидуализм был распространен во Франции в конце XIX – начале XX века, и некоторые из последователей анархо-индивидуализма считали себя анархо-коммунистами (например, Альберт Либертад). В России коммунистический анархо-индивидуализм представлен Алексеем Боровым и Андреем Андреевым (анархо-нигилизм), в США – Эмма Гольдман. Подробнее об анархо-индивидуализме и разветвлении внутри течения касательно экономического вопроса можно прочитать в сборнике «Пролегомены к анархо-индивидуализму», в разделе G важнейшего справочника по анархической теории «Анархизм в вопросах и ответах» (An Anarchist FAQ), а также в брошюре «Человек после общества. Антология французского анархо-индивидуализма начала XX века» – прим. переводчика.

Часть II: Важен не ярлык, а содержание

У нас есть промышленный потенциал для коммунизма, но остаются трудности, такие как необходимость реорганизации технологий и соответствующей индустриализации «третьего мира». В связи с этим возникает необходимость поэтапного перехода к коммунизму.

За столетие, прошедшее с тех пор, как Кропоткин и Маркс писали о коммунизме, произошел колоссальный рост производительности труда. На протяжении тысячелетий 95–98% человечества было занято производством продуктов питания. Сегодня соотношение обратное: в США только 2 или 3 % заняты в сельском хозяйстве. Аналогичным образом, с помощью автоматизированных заводов, как утверждается, мы могли бы производить достаточно продукции для комфортной жизни каждого человека. При этом добровольцев на работу будет больше, чем необходимых рабочих мест. Индустриальная экономика, основанная на кооперации и демократическом планировании, могла бы обеспечить достаточный досуг для каждого. Это необходимо для любого общества, основанного на демократии по принципу «снизу вверх». Во всех предыдущих революциях, после того как потрясения заканчивались, массы возвращались к повседневным заботам, и лишь у немногих оставалось время на реальное управление. Если же досуг будет предоставлен всем, то все смогут самостоятельно управлять своими коммунами, рабочими местами и обществом в целом.

Одним словом, существуют все технологические предпосылки для либертарного коммунизма, того, что Маркс называл «высшей фазой коммунизма». Поэтому некоторые утверждают, что можно сразу перейти к коммунизму, как только будут выполнены социальные и политические условия. Однако я считаю, что это не так.

Во-первых, та производственная технология, которую мы имеем, – это технология, созданная капитализмом для капитализма. Она «продуктивна» только с точки зрения достижения капиталистических целей, т. е. накопления капитала. С другой стороны, она чрезвычайно расточительна и разрушительна: загрязняет окружающую среду, уничтожает биологические виды, расходует невозобновляемые ресурсы, накапливает ядерные бомбы, вызывает глобальное потепление. С человеческой точки зрения, она сознательно создавалась для того, чтобы удерживать рабочих, мешать нам думать и поддерживать социальную иерархию. После революции рабочие начнут полностью перестраивать индустриальную технологию, чтобы сделать ее экологически устойчивой и избавиться от разделения на тех, кто отдает приказы, и тех, кто их выполняет. Мы создадим новую технологию, которая будет «продуктивной», способствующей творчеству человека и поддерживающей экологическую гармонию.

Необходимость роста мирового производства

Кроме того, если в Северной Америке, Западной Европе, Японии и некоторых других странах имеется большое количество современных технологий, то это не относится к большей части мира. Так называемый «третий мир» сейчас недоиндустриализирован или индустриализирован неравномерно. Эти обнищавшие и эксплуатируемые страны не имеют ни богатств, ни промышленности, необходимых для перехода даже к низшей фазе коммунизма (названной Лениным фазой социализма), не говоря уже о достижении высшей стадии коммунизма. Рабочим и крестьянам, возможно, удастся взять власть в своих странах, создав систему рабочих советов и народных собраний. Однако, чтобы закрепить свой путь к коммунизму, они должны поспособствовать революции в промышленно развитых, империалистических странах, чтобы получить помощь.

Я не согласен с мнением некоторых рэтекоммунистов и других марксистов, утверждающих, что угнетенные народы могут совершать только буржуазные революции; напротив, рабочие и крестьяне угнетенных стран могут свергнуть национальную буржуазию и затем распространить революцию на промышленно развитые страны, что поможет им развиваться по направлению к коммунизму. Эта точка зрения противоречит сталинской концепции построения социализма в одной стране. Для гуманного, демократического и экологически сбалансированного развития Африки, Азии и Латинской Америки потребуется большая помощь со стороны промышленно развитых стран планеты.

Поэтому говорить о том, что существуют все технологические предпосылки для коммунизма, конечно, верно, но верно лишь в потенциале. Человечество обладает техническими знаниями и навыками, необходимыми для создания мира изобилия для всех, с досугом для всех, в равновесии с природой, но чтобы создать такой мир после революции, придется немало потрудиться.

Стадии коммунизма

Именно по этой причине либертарные коммунисты часто представляют переход к полностью коммунистическому обществу как происходящий со временем, поэтапно после революции. Маркс предлагал высшую и низшую стадии коммунизма. Бакунин предполагал то же самое. Даже Кропоткин (как отмечал Anarcho¹ в прошлой дискуссии) предлагал некую фазу полного коммунизма. Сразу после революции, по мнению Кропоткина, взрослые трудоспособные люди должны будут работать полдня (5 часов), чтобы получить приличное количество пищи, одежды и жилья. Большинство товаров по-прежнему будет дефицитом, поэтому их придется нормировать в обществе. Со временем, по мере роста производительности труда, экономика вставала на путь коммунизма. Большинство товаров будет в изобилии, и люди смогут свободно брать их с полок общественных складов. Работать можно было бы из соображений социальной сознательности и желания сохранить активность. Но такое стало бы возможным не сразу.

Есть и другой фактор. Революция, скорее всего, будет осуществляться единым фронтом антикапиталистических политических группировок. Например, Северная Америка или Европа настолько велики и многогранны, что ни одна революционная организация не будет обладать всеми лучшими идеями и всеми лучшими ополченцами. Им придется работать вместе. Но одни будут анархо-коммунистами, а другие – нет. Если не принимать во внимание откровенно авторитарных государственников, то мы, скорее всего, будем находиться в коалиции со сторонниками экономики участия, некоммунистическими анархистами, революционно-демократическими социалистами, различными типами «зеленых» и т. д. Мы не можем навязать всем этим людям жизнь в условиях анархо-коммунизма. Принудительный либертарный коммунизм – это противоречие в терминах! Большинство населения одного региона может решить жить при анархо-коммунизме, а соседний регион может принять решение жить в рамках партисипативной экономики («экономики участия»). Пока рабочих никто не эксплуатирует, анархо-коммунисты не будут враждовать со сторонниками других течений во время революции. В порядке эксперимента в разных регионах могут быть опробованы разные подходы, и мы будем учиться друг у друга.

Малатеста писал (1984): «Навязанный коммунизм был бы самой отвратительной тиранией, какую только может представить себе человеческий разум. А свободный и добровольный коммунизм – это насмешка, если человек не имеет права и возможности жить при прочем раскладе – коллективистском, мютюэлистском, индивидуалистическом – как ему угодно, всегда при условии отсутствия угнетения или эксплуатации других» (р. 103). Он ожидает, что в итоге победит анархо-коммунизм, но считает, что для этого может потребоваться значительное время.

¹ Сетевой псевдоним Йея Маккея – прим. переводчика.

Стоит ли нам называть себя коммунистами?

При современных технологиях анархо-коммунизм – это практическая цель, независимо от того, придется ли нам проходить через различные этапы или компромиссы. Однако это не дает ответа на вопрос: должны ли мы называть себя коммунистами? Ведь мы являемся противниками всех существующих и существовавших коммунистических государств, всех коммунистических партий. Но мы не можем называть себя антикоммунистами, поскольку это, как правило, означает одобрение западного империализма, его (в лучшем случае) ограниченной демократии и правления класса меньшинства. Мы выступаем против правления этого класса, причем гораздо более яростно, чем коммунистические партии. Но мы поддерживаем цели Кропоткина и Карла Маркса – бесклассовое, безгосударственное общество, организованное по принципу: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». В этом смысле мы действительно настоящие коммунисты.

Мейнстримом исторического анархизма был анархо-коммунизм. Мы можем и, думаю, должны отождествлять себя с коммунистической традицией в анархизме, которая идет от Бакунина (как цель), Кропоткина (как ярлык), Малатесты, Гольдман и почти всех анархистов своего времени. Были фракционные конфликты между теми анархистами, которые называли себя анархо-коммунистами, и теми, кто называл себя анархо-синдикалистами, но у них не было принципиальных разногласий. Анархо-коммунисты опасались, что анархо-синдикалисты растворятся в профсоюзном движении («синдикализме»); анархо-синдикалисты опасались, что коммунисты будут умалять концентрированную силу и значение организованных рабочих. Однако анархо-коммунисты в основном соглашались с необходимостью самоорганизации рабочего класса, в частности с необходимостью создания профсоюзов, а анархо-синдикалисты разделяли либертарно-коммунистическую цель.

Наше современное согласие с исторической целью анархо-коммунизма рабочего класса, безусловно, должно быть зафиксировано в наших документах и программах. Но нужно ли провозглашать его более ярко, в наших листовках и в названиях наших организаций?

Я отвечу так: это зависит от ситуации. В некоторых странах коммунизм имеет положительную коннотацию среди большинства воинствующих рабочих. В основном это связано с исторической самоотверженностью и борьбой рядовых членов коммунистических партий, какими бы слабыми они ни были. Видимо, так обстоят дела, например, в ЮАР, где наши соратники создали Анархистский коммунистический фронт Zabalaza.

Но в других странах у слова «коммунизм» имеется весьма негативный оттенок. Это связано не только с негативной буржуазной пропагандой, но и с 75-летним

отождествлением его с тоталитарной реальностью Советского Союза. Этот режим называл себя коммунистическим, как и его марионетки и подражатели в Восточной Европе, Китае и т. д. В других странах коммунисты были хорошо известны своим рабским преклонением перед СССР, жестким господством над своими последователями, реформизмом. Именно по этим причинам, я думаю, Анархо-коммунистическая федерация Великобритании (Anarchist Communist Federation of the UK) сменила свое название на Анархистскую федерацию (Anarchist Federation). Ирландское движение солидарности трудящихся (Irish Workers Solidarity Movement), очевидно, не включает в свое название слово «коммунистический». Отказ от слова «коммунистический» в названии не обязательно означает отказ от коммунистической традиции.

Я думаю, что Соединенные Штаты относятся ко второй категории. Если мы называем себя коммунистами, то это только создает ненужные барьеры между нами и большинством американских трудящихся. Это усложняет задачу дифференциации нас от этатистских тенденций, которые также называют себя коммунистическими. Поэтому я не рекомендую называть себя коммунистами, особенно если мы когда-нибудь создадим Североамериканскую федерацию.

Термин «социальный анархизм» обычно используется анархистами для того, чтобы отличить себя от индивидуалистов и «либертарианских» сторонников капитализма. Я предпочитаю термин «социалист-анархист». Малатеста соглашался: «Мы... всегда называли себя социалистами-анархистами» (р. 143). Социалист – более расплывчатый термин, чем коммунист. Для кого-то он означает реформизм, поскольку широко использовался социал-демократами («демократическими социалистами»), а также коммунистами. Но, по крайней мере, он не подразумевает тоталитарного массового убийства, что и является реальной проблемой. Троцкисты называли себя «революционными социалистами», чтобы отличить себя от сталинистов, и не-троцкисты также навешивали на себя ярлык революционных социалистов. На протяжении многих поколений выражение «либертарный социалист» также использовалось для обозначения анархиста.

Мое предпочтение называться «социалистом-анархистом» и «либертарным социалистом», нежели «анархо-коммунистом» – это мое личное мнение, которое может быть маргинальным среди американских анархо-коммунистов. В любом случае, это не принципиальный вопрос. Важен не ярлык, а содержание.

ССЫЛКИ

Bakunin, Michael (1980). Bakunin on anarchism. (Sam Dolgoff, ed.). Montreal: Black Rose Books.

Buber, Martin (1958). Paths in utopia. Boston: Beacon Hill/Macmillan

Kropotkin, Peter (1975). The essential Kropotkin. (E. Capouya & K. Tomkins, eds.). NY: Liveright.

Leier, Mark (2006). Bakunin; A biography. NY: Thomas Dunne Books/St. Martin's Press.

Malatesta, Errico (1984). Errico Malatesta; His life and ideas (Vernon Richards, ed.). London: Freedom Press.

Marx, Karl (1961). Economic and philosophical manuscripts. In Eric Fromm, Marx's concept of man. NY: Frederick Ungar.

Marx, Karl (1974). The First International and after; Political writings, vol. III. (David Fernbach, ed.). NY: Vintage Books/Random House.

**Уоррен Макгрегор. Анархономика
(краткое введение)**

Товарищи, в этом докладе рассматриваются темы глобального перераспределения, экономического роста нового типа, оплаты труда и того, что они могут означать в экономике, основанной на анархических принципах. Мне было поручено проанализировать, как эти темы связаны с двумя книгами, выбранными для чтения на этой неделе:

1. Read, Kropotkin: Selections From His Writings, и
2. Albert, Parecon.

Введение

Мне было трудно найти фрагменты из прочитанного, которые бы соответствовали темам. Поэтому я счел необходимым экстраполировать свое понимание прочитанного и принципов справедливости и равенства, которые легли в основу авторских разработок. Я основал свои последующие рассуждения на определении Альбертом экономики как системы производства и распределения, основанной на взаимодействии людей для удовлетворения их потребностей и желаний. Чуть позже я расширю это определение.

Глобальное перераспределение

Анархическая экономика будет характеризоваться координированностью, иметь совещательный характер, являться качественно-количественно показательной. Цель – глобальная экономика, осуществляющая планирование посредством «взаимосвязанных федераций» (Albert, 2003: 93) советов работников и потребителей/общин, у которых будет главенство над принятием решений.

В соответствии с классическим коммунистическим идеалом, распределение будет осуществляться в соответствии с человеческими потребностями. Развитие глобального производственного потенциала для удовлетворения этих потребностей должно стать повсеместным, что будет способствовать «созданию рабочих мест» и последующему распространению сбалансированных комплексов рабочих мест (рабочих мест, которые, грубо говоря, стимулируют как физическое и интеллектуальное развитие работника, так и наделяют его общественно необходимыми задачами, которые считаются неприятными, подобно поддержанию санитарии в уборных комнатах). Это должно означать (а) глобальное перераспределение физически и умственно стимулирующего и общественно необходимого труда и (б) конечное перераспределение благ по принципу удовлетворения потребностей и желаний каждого. Таким образом, вместо перепроизводства товаров, которые нам либо не по карману, либо не нужны (производство, основанное на логике капиталистического накопления), и недопроизводства для большинства (Kropotkin, Read, 1942: 95–96), мы будем производить и распределять в соответствии с непосредственным демократическим, скоординированным, федеративным и открытым обсуждением. Мы будем производить то, что нам нужно и чего мы хотим.

Предложения по производству и распределению продукции должны быть результатом консультативного процесса между советами рабочих мест и потребителей на всех соответствующих уровнях федеративной организации (с учетом тех, кого это предложение коснется), и вести к соответствующим исправлениям. Таким образом, предложения создаются в процессе обсуждения, редактируются, повторно обсуждаются, вновь редактируются и так далее, пока не будет достигнуто согласие.

Планируемая таким образом экономика должна быть такой, чтобы для производства и распределения продукции требовалось минимальное количество человеческих усилий. Стимулом является постоянное развитие и совершенствование технологий и трудовых процессов с целью увеличения свободного времени для удовлетворения желаний, интеллектуального стимулирования и физической активности. Таким образом, сбалансированные комплексы работ при помощи технического прогресса будут направлены на создание сбалансированной жизни.

[Вопрос: как мнение Кропоткина о развитии местной промышленности для местных нужд вписывается в глобальную федеративную плановую экономику? (Kropotkin, Read, 1942: 96–97)].

Экономический рост «нового типа»

Производство будет стремиться использовать все имеющиеся у человека навыки, как физические, так и умственные, в соответствии с его способностями путем планирования и балансировки комплекса работ. Повышенная эффективность советательной экономики (эффективность с точки зрения удовлетворения потребностей людей – основа нашей новой экономики) позволяет увеличить производство того, что люди действительно хотят и в чем нуждаются, а не того, что им навязывается рекламой, давлением со стороны сверстников и идеологией капиталистического консюмеризма.

Эта экономика не будет основана ни на математических уравнениях профессоров из башен из слоновой кости, ни на бюрократизме финансовых департаментов, ни на костюмах и галстуках финансовых институтов, ни на невежественном центральном планировании государственной иерархии. На протяжении всей истории человечества эти системы политического и экономического господства строились на эксплуатации и угнетении большинства населения. Эти системы приводили к бесчисленным социально-экономическим кризисам, которые всегда ложились на плечи бедных и трудящихся классов, живущих внутри этих неизбежно иерархических систем рыночного и централизованного планирования.

Анархоэкономический рост основывается на расширении производственного и распределительного потенциала, который использует способности и природные ресурсы в сбалансированном развитии и экологически устойчивой практике. Через сбалансированные комплексы рабочих мест и индикативное планирование этот рост будет функционально обосновываться укреплением солидарности. Индикативное планирование учитывает все «социальные альтернативные издержки» (Albert, 2003: 123) производства; то, как влияет каждое звено, группа и индивид в «связующих узлах» нашей новой экономики, оценивая все последствия решений, предлагаемых и принимаемых нами и другими. Все потребление и производство должны быть социально определены. Характер необходимых экономических соглашений будет также обусловлен различиями в характере решений, затрагивающих разные группы населения.

Таким образом, мы стремимся построить настоящую солидарную экономику, ориентированную не только на отношения собственности, но и на характер принятия решений. Решения должны приниматься всеми, кто может их принимать, и кого они касаются, и, таким образом, основываться на влиянии этих решений на окружающих и на наши коллективные ресурсы.

Здесь можно задать вопрос о времени, которое может потребоваться для координации этих процессов принятия решений, и о том, какое негативное влияние это может оказать на эффективность и своевременность производства и распределения. Можно, несколько цинично, ответить, что этот вопрос ставится в рамках капита-

листической экономики и поэтому не имеет отношения к анархической. Однако, возможно, необходимо обратить на него дополнительное внимание.

Капитализм на протяжении многих веков перестраивал время и производство, стремясь использовать средства производства и рабочую силу с наибольшей экономией времени, чтобы произвести максимальное количество товаров для рынка. Ведь при капиталистической экономике, будь то централизованное планирование, государственное вмешательство или рыночные отношения, время – это в самом деле деньги!

Экономика, основанная на участии, устраняет связь между временем и эффективностью, основываясь на справедливости и демократии с целью удовлетворить потребности каждого. Для такой экономики совещания имеют решающее значение для выработки демократических и эффективных решений.

Однако эти встречи послужат развитию демократических федеративных структур в сообществах и на рабочих местах для решения вопросов, связанных с самой эффективностью системы по части удовлетворения наших потребностей, и это позволит сократить время, затрачиваемое на будущие встречи.

Вознаграждение

Экономика участия Альберта предполагает систему вознаграждения за выполненную работу, основанную на личном вкладе и усилиях. При этом вознаграждение будет основываться на установленных обществом средних показателях трудовой активности, учитывающих также личные потребности. При этом всем гарантируются базовые блага, которые считаются социально необходимыми. Это может быть здравоохранение, образование, жилье, питание и т. д. Вознаграждаться будут все в равной степени (в зависимости от вклада и усилий), но само вознаграждение не будет для всех одинаковым. Это определяется индивидуальной свободой и предпочтениями.

Но подходит ли это для анархической социальной экономики? Сразу же возникает вопрос о том, что Альберт считает вознаграждением, или он полностью оставил это на усмотрение конкретного человека? Теория экономики участия оставляет нас в неловком положении, и понятие «вознаграждения» не проясняется. Возможно, более важно то, не повлечет ли такой способ вознаграждения за труд к неравномерному распределению вознаграждения, что вполне может привести к искусственной дифференциации рабочих мест и, в конечном счете, общества, то есть к тому, что анархизм стремится искоренить из любого социального взаимодействия? Кроме того, кто должен определять вознаграждение? Уж точно не партисипативно-экономический системный механизм экспертной оценки, уязвимый для индивидуальных антипатий и предубеждений?

Здесь проницательность Кропоткина приходит к нам на помощь. Он считал, что вознаграждение невозможно измерить количественно из-за коллективной истории производства и изобретений:

«Миллионы человеческих существ потрудились для создания цивилизации, которой мы так гордимся. Другие миллионы, рассеянные по всем углам земного шара, трудятся и теперь для ее поддержания. Без них, от всего этого через пятьдесят лет остались бы одни груды мусора.

Даже мысль, даже гений изобретателя — явления коллективные, плод прошлого и настоящего» (Кропоткин, Хлеб и Воля, СПб: Голос Труда, 1919, стр. 26).

Любое знание строится на основе того, что было получено до него. Любое изобретение – это синтез идей и работ, сделанных до него. Поэтому важно повторить классическую коммунистическую максиму: от каждого по способностям, каждому по потребностям. К этому хотелось бы добавить, что от каждого не только по способностям, но и по мандатам, согласованным и принятым после открытого обсуждения, дискуссии и планирования. Таким образом, вознаграждением за труд будет полное обеспечение всем необходимым и желаемым, если это желаемое не ущемляет неотъемлемого права другого на достижение того же самого.

Заключение

Однако важно помнить мысли Бакунина о труде и его роли в обществе. Именно благодаря труду человек может получить полный доступ к правам свободы и ассоциации, предоставляемым новым обществом (Bakunin, 1866). Таким образом, нельзя иметь ответственность и долг перед другими людьми, не имея прав на свободу и обеспечение, но в равной степени нельзя получить доступ к этим правам, не имея обязанности вносить свой вклад в жизнь окружающих.

Размышлять о работе в анархистской социальной федерации – значит видеть ее в переосмысленном виде. Не стимулирующие, приятные задания для меньшинства. Не тоскливая каторжная работа, состоящая из долгих часов утомительного труда на других в полном подчинении и на благо хозяина, управляющего и владельца. Не угнетающее подчинение логике накопления собственников и поддержания иерархических формаций власти и контроля. Отказ от расточительности глобальной массовой безработицы, направленной на то, чтобы прибыль росла, а зарплата снижалась.

Мы должны сказать «нет» этому нескончаемому рабству!

Но экономика, основанная на решениях, принимаемых нами для нас. Труд в этой экономике должен быть переосмыслен как труд, направленный на удовлетворение наших собственных потребностей и желаний, а также потребностей и желаний других членов общества. Но не только это; не только труд, который является общественно необходимым. Экономика, основанная на участии, прямой демократии, мандатах и планировании – анархоэкономика – это экономика, которая рассматривает труд как развитие себя и общества. Она переосмысливает труд как привлекательное и наиболее жизнеспособное (если не единственное) средство достижения индивидуального, а значит, и общественного развития (как физического, так и психического) и свободы (как физической, так и психической).

И такой экономике мы говорим «да»!

ССЫЛКИ

Albert, M. (2003). "Parecon: Life After Capitalism". New York: Verso.

Bakunin, M. (1866). "Revolutionary Catechism".

Read, H. (1942). "Kropotkin: Selections From His Writings". London: Freedom Press.

**Уэйн Прайс. Анархический метод.
Экспериментальный подход к
посткапиталистическим
экономикам**

Существуют различные мнения по вопросу о том, какой должна быть либертарно-социалистическая экономика. Под либертарным социализмом я подразумеваю анархизм и либертарный марксизм, а также родственные им направления, такие как гильдейский социализм¹ и экономика, основанная на участии – взгляды, отстаивающие свободную, кооперативную, самоуправляемую, негосударственную экономику после упразднения капитализма. Прежде чем приступить к непосредственному обсуждению этих программ, альтернативных видений общинных содружеств, необходимо определиться с выбором метода. Исторически сложилось так, что доминируют два метода, которые я буду называть «утопически-моральный метод» и «марксистско-детерминистский метод» (ни один из этих терминов не является уничижительным). Я предложу третий подход, который получил название «метод анархизма» (или «анархии»).

Утопически-моральный метод восходит к самому раннему развитию социализма, до появления марксизма или бакунинского анархизма. Это был метод Сен-Симона, Роберта Оуэна, Фурье, Кабета, а затем и Прудона. Мыслитель начинает с набора моральных ценностей, позволяющих осудить существующее общество. Затем автор переходит к разработке социальных институтов, которые могли бы воплотить эти ценности. (Эти авторы, пионеры социализма, коммунизма и анархизма, не называли себя «утопистами», а считали себя «научными» мыслителями).

Современный пример утопически-морального метода – программа «*parecon*» («экономика участия»), первоначально разработанная Майклом Альбертом и Робинот Ханелом. [пр. 1] Как это обычно бывает, в первом разделе книги Альберта «*Parceson*» выносятся ключевой вопрос: «Каковы наши предпочтительные ценности в отношении экономических результатов и как конкретные экономические институты способствуют или препятствуют им?» [пр. 2] Он вырабатывает набор желаемых ценностей, а затем рассматривает, как может быть организована экономика для их воплощения.

Преимущества этого метода должны быть очевидны. Что хочет Альберт и почему он этого хочет – вполне очевидно. Можно честно аргументировать как в пользу, так и против этого метода. Сторонники «экономики участия» предлагают критерий, по которому можно судить как о потенциальных, так и о реальных экономиках, дабы радикалы не заявляли, что они за свободу, но соглашались на тоталитарное чудовище.

Однако у утопически-морального метода есть и свои проблемы. Различные мыслители начинают с более или менее одинаковых ценностей (например, свобода, сотрудничество, равенство, демократия/самоуправление, развитие потенциала каждого человека). При этом они предлагают совершенно разные модели новой экономики. Как выбрать одну из этих моделей?

Также можно утверждать, что для сегодняшних радикалов авторитарно принимать решения о том, как другие люди будут организовывать свою жизнь в будущем. Чем точнее и конкретнее модель, тем больше эта проблема. Неудивительно, что

¹ Гильдейский социализм – это общественно-экономическая система, в которой производство и распределение товаров и услуг осуществляется через гильдии, организованные рабочими – прим. переводчика.

многие исторические утопические модели были весьма недемократичны по своей структуре (вспомним Оуэна, Фурье, Кабета, Сен-Симона). Это не относится к модели партисипативной экономики, но ее современный вариант представлен в книге Б. Ф. Скиннера «Уолден-2» (Walden Two) (1976) -- воображаемая социалистическая коммуна с диктатурой поведенческих психологов (!).

Наконец, проблема заключается в том, что утопический подход исходит из ценностей, а не из анализа функционирования капиталистического общества. В действительности нет никакой необходимой связи между конкретной моделью и динамикой капитализма (помимо моральной критики). Представления о возможном будущем не указывают на какие-либо стратегии перехода к нему. Поскольку предлагают коренные изменения в обществе, эти представления можно рассматривать как предполагающие социальную революцию. Но, конечно, можно принять некую утопическую модель и считать, что к ней можно прийти путем постепенных изменений, например, создавая различные альтернативные институты, пока не удастся мирно заменить капитализм, то есть следуя постепенной, пацифистской и реформистской стратегии. Программа, в которой не сказано, революционная она или реформистская, не есть руководство к действию.

Основным альтернативным методом стал марксистско-детерминистский. Маркс и Энгельс ценили предшествующих «утопических социалистов» за разные вещи, например, за критику капитализма и некоторые предложения. Но первые теоретики марксизма утверждали, что нужен другой метод. Они считали, что необходимо проанализировать, как развивается капитализм, в том числе его главный движущий механизм – отношения капитала и труда в производстве. Это давало основу для стратегии – революции рабочего класса. Это указывало на возникновение в результате революции нового общества. Эти отношения и представляли для них главный интерес. О природе нового общества Маркс и Энгельс упоминали лишь вскользь, в разбросанных по всему объему их трудов замечаниях, например, в нескольких абзацах «Критики Готской программы» Маркса. [пр. 3]

В этой работе Маркс рассуждал о природе коммунизма, в том числе о том, что вначале рабочие будут расплачиваться трудовыми чеками, а впоследствии получать продукцию бесплатно по потребности. При этом подобные идеи не пропагандировались и не излагались как домыслы, а заявлялись как фактические предсказания. Именно так и будет, говорил он; выбор человека, казалось бы, не имеет никакого значения. Целью Маркса и Энгельса было не построение нового общественного строя. Их целью было добиться того, чтобы рабочий класс сверг капиталистический класс и взял власть в свои руки. Как только это произойдет, исторический процесс позаботится о дальнейшем развитии общества.

В «Государстве и революции» В.И. Ленин решил похвалить Маркса, написав: «Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется... *обещать*, что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило... [это] предвидение великих социалистов, что она наступит...» [пр. 4]

У марксистско-детерминистского метода также есть свои преимущества. Он привязан к экономической теории. В нем есть анализ того, какие силы движутся в

направлении нового общества и что им мешает. Он приводит к выработке стратегии, определяющей конкретного агента перемен (рабочий класс, ведущие другие угнетенные группы). Существуют направления автономистского марксизма, которые интерпретируют марксизм в либертарном, антигосударственном ключе, что перекликается с анархизмом классовой борьбы.

С другой стороны, как и в естественнонаучном исследовании развития организма, здесь нет морального стандарта, а есть только «предвидение» (хотя на самом деле творчество Маркса пропитано нравственной страстью, но дело не в системе). Поэтому, когда в результате марксистских революций возникают государственно-капиталистические тоталитарные системы, убивающие десятки миллионов рабочих и крестьян, очень многие марксисты поддерживают их как результат исторического процесса, создавшего «реально существующий социализм». Маркс и Энгельс, несомненно, пришли бы в ужас от того, что происходило в Советском Союзе и других так называемых коммунистических странах. Но метод без морального стандарта не позволял марксистам не поддерживать эти государства.

И у утопически-морального, и у марксистско-детерминистского метода есть свои достоинства и недостатки. Позвольте мне предложить альтернативный подход к посткапиталистическим, постреволюционным экономическим моделям. Этот вопрос уже поднимался анархистами в прошлом. Он исходит из сомнения в том, что каждый регион и каждая национальная культура выберут один и тот же вариант либертарно-социалистического общества. Маловероятно, что всякой отрасли, от производства стали до воспитания детей, можно управлять совершенно одинаково.

Кропоткин предлагал создать общество, способное быстро приспосабливаться к обстоятельствам и основанное на добровольных ассоциациях. Это общество должно было создать «переплетенную сеть, состоящую из бесконечного множества групп и федераций всех размеров и степеней, местных, региональных, национальных и международных – временных или более или менее постоянных – для всех возможных целей: производства, потребления и обмена, связи, санитарных мероприятий... и так далее...». [пр. 5]

Пожалуй, наиболее четко этот гибкий и экспериментальный анархистский метод сформулировал великий итальянский анархист Эррико Малатеста (1853-1932). По мнению Малатесты, после революции «вероятно, все возможные формы владения и использования средств производства и все способы распределения продуктов будут опробованы одновременно в одном или многих регионах, они будут сочетаться и изменяться различными способами, пока опыт не покажет, какая форма или формы являются или являются наиболее подходящими... Пока можно препятствовать образованию и закреплению новых привилегий, будет время для поиска наилучших решений» [пр. 6] Малатеста продолжал: «Со своей стороны, я считаю, что существует не *одно решение* социальных проблем, а тысяча различных и меняющихся решений, подобно тому как социальное существование отличается и меняется во времени и пространстве» [пр. 7]

Нельзя считать, утверждал он, что, даже решившись упразднить капиталистические отношения, трудящиеся сразу же согласятся создать полностью анархо-коммунистическое общество. Что делать, если мелкие фермеры настаивают на том, чтобы им платили за урожай деньгами? Они могут отказаться от этого

мнения, когда станет очевидно, что промышленность обеспечит их продуктами, но сначала их нельзя принуждать к сдаче урожая на условиях, которые им чужды. В любом случае принудительный либертарный коммунизм – это оксюморон, как отмечал он.

«После революции, т. е. после поражения существующей власти и ошеломляющей победы сил восстания, что дальше? Вот тут-то и вступает в действие постепенность. Мы должны будем изучить все практические проблемы жизни: производство, обмен, средства связи, отношения между анархическими группировками и теми, кто живет под той или иной властью... И в каждой проблеме [анархисты] должны отдавать предпочтение решениям, которые не только экономически выгодны, но и удовлетворяют потребность в справедливости и свободе, оставляя задел для будущих улучшений...» [пр. 8]

Какие бы решения мы ни опробовали, говорит он, они не должны эксплуатировать и подчинять. Они должны «предотвращать создание и закрепление новых привилегий» и «оставлять задел для будущих улучшений». Именно эта гибкость, плюрализм и экспериментальность, по мнению Малатесты, характеризуют анархизм и делают его лучшим подходом к жизненным проблемам в эпоху посткапитализма.

«Только анархия указывает путь, по которому методом проб и ошибок можно найти то решение, в наибольшей степени удовлетворяющее велениям науки, а также потребностям и желаниям каждого. Как будут воспитываться дети? Мы не знаем. Что же будет происходить? Родители, педагоги и все, кому небезразлично будущее молодого поколения, соберутся вместе, обсудят, согласятся или разойдутся в зависимости от своих взглядов и будут применять на практике те методы, которые им кажутся оптимальными. А на практике в итоге будет принят лучший метод. И так же со всеми возникающими проблемами» [пр. 9].

Другие отмечают экспериментальный подход как центральный в программе анархистов. Например, Пол Гудман, самый известный анархист 60-х годов, писал: «Я не предлагаю систему... Маловероятно, что может существовать единый подходящий стиль организации или экономики, соответствующий всем функциям общества...» [пр. 10] Или, по словам Кропоткина, анархистское «общество не представляло бы собой ничего неизменного... Гармония... вытекала бы из постоянно меняющегося приспособления и восстановления равновесия между множеством сил и влияний, и это приспособление было бы тем легче достижимо, что ни одна из сил не пользовалась бы особой защитой со стороны государства» [пр. 11].

Проблемы, возникающие в связи с различными моделями посткапитализма

Существует ряд проблем, которые должны решать посткапиталистические концепции, и в способе решения заключается их отличие. Предложенный мною подход не настаивает на каком-то одном решении на каждую проблему, а предполагает, что в разных регионах в разное время возможно опробовать разные решения. Однако то, что предлагают нам различные модели, дает представление о возможных вариантах решения поставленных проблем. То есть утопически-моральную и марксистско-детерминистскую модели можно рассматривать в качестве «мысленных экспериментов», в качестве предложений, с которыми можно экспериментировать.

Ключевая проблема – способ координации в посткапиталистической экономике. Предлагаются три варианта решений: рынок, централизованное планирование и некое нецентрализованное планирование. Во-первых, предлагалось то, что можно назвать «децентрализованным рыночным социализмом». Это экономика демократически управляемых производственных (рабочих) кооперативов, потребительских кооперативов, семейных ферм, муниципальных предприятий и очень малых предприятий, конкурирующих на рынке. За такую модель выступают различные социалисты-реформаторы, обеспокоенные неудачами экономики, управляемой государством. [пр. 12] Ее отстаивали «зеленые», католики-дистрибутисты¹, децентралисты несоциалистического толка и другие. [пр. 13] Югославская экономика при Тито чем-то напоминала подобную модель (при общей диктатуре коммунистической партии).

Теоретически такая система не является капиталистической, поскольку нет класса капиталистов, владеющих средствами производства, и нет пролетариата, продающего свою способность к труду отдельному классу капиталистов. Но каким бы демократичным ни было каждое предприятие, нельзя сказать, что население действительно демократично управляет экономикой в целом. На самом деле ею управляют неконтролируемые силы рынка. Неизбежны циклы деловой активности, безработица, различие между более процветающими и более бедными предприятиями и регионами (эффект, который наблюдался в «коммунистической» Югославии).

¹ Дистрибутизм – политико-философская теория, в которой обосновывается необходимость широкого распространения в обществе прав частной собственности с целью достижения общего блага. Теория дистрибутизма получила свое развитие в конце XIX – начале XX вв. благодаря принципам социального учения католической церкви и активной общественной деятельности ученых и литераторов – прим. переводчика.

Альтернативой может быть централизованное планирование, как, видимо, и предполагал Маркс. В негосударственном обществе центральная власть была бы подотчетна ассоциации народных советов и собраний [пр. 14]. Касториадис представлял себе, что может существовать центральная «планировочная», которая будет создавать всеобъемлющий план. [пр. 15] Каким-то образом, полагал он, эту идею можно совместить с либертарным социализмом самоуправляющихся рабочих советов. Анархо-синдикалисты и гильдейские социалисты также склонялись к централизованной экономике, управляемой демократическими профсоюзами. В качестве альтернативы демократическому централизованному планированию можно предложить всевозможные представительные институты, хотя все они сталкиваются с проблемой принятия важных решений вне непосредственного контроля со стороны трудящихся.

Третье предложение – демократически планируемая, но не централизованная кооперативная экономика, «идея о том, что производство может быть непосредственно связано с индивидуальными и общественными потребностями посредством демократических собраний (или кибернетических сетей) работников и потребителей...». [пр. 16] «Экономика участия» – это модель такой нерыночной, нецентрализованной системы. Планирование будет осуществляться посредством взаимных переговоров между советами производителей и потребителей с использованием Интернета.

В плюралистическом, экспериментальном, посткапиталистическом мире разные регионы могут опробовать различные типы экономической координации. Регионы могут пытаться совмещать различные модели. Например, даже в модели парсипативной экономики присутствует элемент централизованного планирования в виде «советов по содействию», помогающими сгладить процесс планирования. Даже при децентрализованном рыночном социализме, как и при капитализме, предполагается некое общее регулирование, если не государством, то каким-либо общественным органом. Такис Фотопулис предлагает «безгосударственную, безденежную и безрыночную экономику», но включающую «искусственный рынок» для «сектора, не связанного с удовлетворением основных потребностей... который уравнивает спрос и предложение...». [пр. 17]

С этим связан вопрос о размере экономической единицы. В то время как экономическое планирование в капиталистических государствах осуществляется на национальной основе, революционные социалисты-анархисты в целом считают эту основу неприемлемой для посткапиталистической экономики. Как интернационалисты, мы осознаем, что страны мира связаны меж собой империалистической глобализацией. В то же время мы знаем, что в значительной степени эта всемирная централизация вызвана не техническими потребностями, а стремлением капиталистов контролировать природные ресурсы, доминировать на мировых рынках и эксплуатировать беднейших рабочих для получения наибольших прибылей. Чтобы покончить с господством государств и бюрократий, анархисты стремятся к максимально возможной демократии на местах, демократии «лицом к лицу». Это требует определенной степени экономической децентрализации. В самом деле, любое экономическое планирование будет тем проще и демократичнее, чем мельче единицы. Наконец, чем меньше единицы, тем легче поддерживать производство и потребление в равновесии с природой [пр. 18].

Исторически анархисты пытались найти баланс между национальным и международным объединением и необходимостью местного сообщества, выступая за создание федераций и сетей. Не существует жесткого правила относительно того, насколько централизованной или децентрализованной должна быть экономика. По словам Пола Гудмана, «мы переживаем период чрезмерной централизации... При выполнении многих функций этот стиль управления экономически неэффективен, технологически нецелесообразен и губителен для человека. Поэтому мы можем принять политическую максиму: децентрализовать там, где это целесообразно, как и в какой степени. Но *где, как и в какой степени* – это эмпирические вопросы. Они требуют исследований и экспериментов» [пр. 19]

Мюррей Букчин выступал за создание экономики, основанной на коммунистических общинах, подобных израильским киббуцам. Это было частью его модели «либертарного муниципализма» [пр. 20]. Другая версия выдвинута Фотопулисом [пр. 21] и также рассматривается как «Схема II» в книге «Goodman & Goodman» («Гудман и Гудман») [пр. 22]. Община в целом является предприятием и посредством городских собраний принимает решения об экономическом планировании. Это не мешает общинам создавать федерации на региональном, национальном и международном уровнях. Они могли бы координировать свои планы и обмениваться продукцией, услугами и идеями.

Экономика участия предлагает свой вариант решения этой проблемы. Советы работников будут управлять рабочими местами. Потребление будет организовано через общественные советы потребителей. Это относительно небольшие группы личных знакомств. Но единицей, на которую распространяется конечный план, является, прежде всего, народ (куда, в случае США, если бы они еще существовали, входила бы большая часть континента). Фактически Альберт отвергает «зеленый биорегионализм» и любое представление о приоритете малых институтов или местной «самодостаточности» [пр. 23]. (На самом деле децентралисты выступают не за полную самодостаточность сообщества, а за достаточную зависимость от местных и региональных ресурсов, чтобы быть относительно самодостаточными в рамках более широких федераций и сетей).

Вопрос о размерах напрямую связан с вопросом о технологиях. Как и экономические институты, производственные технологии должны быть универсальными, плюралистичными и экспериментальными. Процессы капитализма (и милитаризма) организовали методологию производства и машины для обслуживания капиталистических интересов. Со временем технологии нужно полностью реорганизовать и перенаправить в соответствии с потребностями нового общества. Сразу после революции трудящиеся должны будут начать перестраивать процесс производства (в том числе и машинного), дабы устранить различие между исполнителями и заказчиками, производить полезную продукцию, находиться в экологическом равновесии и воплотить принципы децентрализованной, но производительной экономики [пр. 24].

И способ их непосредственного воплощения – это то, что потребует большого количества переосмыслений и решений методом проб и ошибок [пр. 25].

Модель партисипативной экономики не предусматривает переосмысления роли технологий, но призывает к реорганизации труда с целью создания «сбалансирован-

ных комплексов работ». Профессии необходимо разбить и перекомпоновать таким образом, чтобы отдельные виды работ включали в себя как интересные, так и скучные задания; как принятие решений, так и утомительные аспекты. (Марксисты и анархисты называют это упразднением разделения труда на умственный и ручной).

Этот подход отличается как от подхода технофобов, которые хотят отвергнуть все технологии, которые не вписываются в общества охотников-собирателей, так и от подхода людей, принимающих современные технологии в том виде, в каком их создал капитализм. Оба эти подхода не учитывают, насколько технология могла бы подстроиться к меняющимся потребностям в совершенно другом обществе.

Другая ключевая проблема, стоящая перед экономикой посткапитализма, – это вопрос о вознаграждении за труд. Высказывались предложения об оплате труда работников в виде денег или кредитов, которые используются для приобретения продукции и услуг. Сторонники экономики, основанной на участии, предлагают платить работникам за «интенсивность» и «продолжительность» их труда, т. е. за то, насколько интенсивно и долго они работают, согласно оценке их коллег. В «Уолдене-2» («Walden Two») управляющие психологи могли увеличивать или уменьшать количество кредитов, предоставляемых за ту или иную работу, чтобы мотивировать членов группы к выполнению неприятных заданий [пр. 26].

Напротив, в полностью коммунистической экономике работа будет выполняться только ради удовольствия, или потому, что человек чувствует себя обязанным, или из-за социального давления (люди не хотят, чтобы соседи называли их «ленивыми дармоедами»). Потребление будет здоровым, основанным только на человеческих потребностях и не связанным с усилиями. Кропоткина обычно понимают как сторонника такого коммунистического строя в период после революции. Букчин также предлагал сразу перейти к свободной коммунистической экономике.

Различные мыслители предлагали раздельную систему. Практически все социалистические системы, в том числе и партисипативная экономика, предусматривают бесплатные блага для детей, больных и пожилых пенсионеров. Фотополус выступает за выделение сектора основных потребностей и сектора неосновных потребностей, причем сектор основных потребностей – это коммунистический сектор, а сектор неосновных – сектор некоммунистический, где продукция предоставляется в соответствии с трудовым вкладом [пр. 27]. Аналогичным образом Пол и Персиваль Гудман предлагают разделить экономику на экономику основных потребностей, обеспечивающую гарантированный прожиточный минимум (пища, одежда, жилье, медицинская помощь, транспорт), и отдельную экономику, которая заботится обо всем остальном [пр. 28]. Даже если бы сектор экономики, удовлетворяющий неосновные потребности был рыночным, не было бы резервной армии безработных, поскольку у каждого был бы хотя бы гарантированный прожиточный минимум.

В этом отношении в разных регионах тоже могут быть опробованы различные методы.

В связи с этим возникает вопрос о том, следует ли планировать переходную экономику, ожидать ли двух или более этапов посткапиталистического экономического развития. В «Критике Готской программы» Маркс писал: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталисти-

ческого общества... [которое] сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» [пр. 29] Он различал «первую фазу коммунистического общества» и «высшую фазу коммунистического общества» [пр. 30] По Марксу, они обе – коммунистические, поскольку даже первая фаза представляет собой «общество основанно [е] на началах коллективизма, на общем владении средствами производства...» [пр. 31]. (Ленин почему-то переименовал первую фазу в «социализм» и только последнюю – в «коммунизм»).

В обществе первой фазы у Маркса люди вознаграждаются за отработанное время чеками рабочего времени, которые они могли обменивать на товары в зависимости от того, сколько часов было затрачено на изготовление каждого товара. Хотя это гораздо более справедливое и равноправное вознаграждение, нежели при капитализме, у него все же есть буржуазные ограничения, поскольку у работников есть неравные возможности и неравные потребности. Когда производительность труда значительно возрастет, а человеческие способности получат дальнейшее развитие, можно будет перейти к высшей стадии коммунизма, который будет работать по принципу: «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

Можно добавить, что в более бедных, менее индустриальных странах постреволюционное общество не сможет самостоятельно достичь даже низшей фазы коммунизма (социализма). Однако оно сможет сделать шаги к социализму, например, заменить государство на систему советов, а корпорации – на самоуправляемые кооперативы. А вот упразднить товарно-денежную систему, возможно, не удастся, или придется пойти на другие компромиссы с капитализмом. При этом такое общество будет всячески способствовать распространению революции в мире, особенно в промышленно развитых и богатых странах, чтобы получить экономическую помощь для индустриализации на свой лад. (Эта концепция была выдвинута Лениным [пр. 32] и Троцким [пр. 33]; я, так сказать, «перевел» ее на язык либертарного социализма).

Если взгляды Маркса хорошо известны, то менее известны аналогичные взгляды Бакунина. По словам его близкого товарища Джеймса Гийома, Бакунин считал: «Мы должны... руководствоваться принципом *От каждого по его способностям, каждому по его потребностям...* Когда благодаря прогрессу научной промышленности и сельского хозяйства производство превысит потребление, а это будет достигнуто через несколько лет после Революции, больше не будет необходимости скупо распределять долю товаров каждого рабочего. Каждый будет черпать то, что ему нужно, из богатого социального запаса товаров... Тем временем каждое сообщество в течение переходного периода само решит, какой метод, по их мнению, является наилучшим для распределения продуктов совместного труда» [пр. 34].

Еще Кропоткин, теоретик анархо-коммунизма, считал, что сразу после революции блага не будут бесплатными для всех трудоспособных взрослых, а будут гарантированы только тем, кто готов работать определенное количество времени. Только по мере роста производительности труда можно будет сделать блага доступными для всех, независимо от труда [пр. 35].

Реалистичность переходного подхода должна быть очевидна, если учесть, что из капитализма мы действительно перейдем к кооперативной, некоммерческой экономике. Современные технологии потенциально более производительны, чем могли себе представить Маркс и Бакунин. Однако послереволюционному поколению

все равно придется помогать развиваться в гуманном и экологическом ключе более бедным слоям населения. Кроме того, им придется восстанавливать технологии и города промышленно развитых стран на основе самоуправляемых и жизнеспособных методов. Поэтому я сомневаюсь, что возможен немедленный скачок к абсолютно коммунистическому обществу.

Однако концепцию «переходного этапа» переняли марксисты с целью оправдания всевозможных ужасов, оправдания сталинского тоталитаризма. Это не то, что имел в виду Бакунин или даже Маркс. Это показывает, что для того, чтобы выдвигать суждения о новом обществе, необходимо смотреть с позиции этических ценностей.

Ни Маркс, ни Бакунин/Гийом не предложили механизма движения от переходной фазы к коммунизму. Одним из вариантов может быть использование идеи разделенной на сектора экономики (коммунизм – для основных потребностей и сектор, не связанный с удовлетворением основных потребностей). По мере роста производительности труда свободный коммунистический сектор может целенаправленно расширяться, пока постепенно не охватит всю (или большую) часть экономики.

Вместо череды переходных периодов наиболее продуктивным может оказаться мышление в терминах экспериментального, плюралистического и децентрализованного общества, в котором разные регионы сталкиваются с проблемами, вызванными переходом от капиталистической системы, и решают их всячески по-своему. Либертарно-социалистическое общество всегда будет «переходным», поскольку оно всегда будет меняться, всегда будет находиться в состоянии перехода к более гармоничному, свободному и эгалитарному обществу. Оно никогда не достигнет совершенства, поскольку это не является целью человека, но оно будет постоянно меняться, совершенствовать себя, приспосабливаться к новым обстоятельствам в бесконечной спирали экспериментального совершенствования.

ССЫЛКИ

[пр. 1] See Michael Albert, *Moving Forward: Program for a Participatory Economy* (Edinburgh/San Francisco: AK Press, 2000); Michael Albert, *Parecon: Life after Capitalism* (London/NY: Verso Books, 2003); and Robin Hahnel, *Economic Justice and Democracy: From Competition to Cooperation* (New York: Routledge, 2005).

[пр. 2] Albert, *Parecon*, 28.

[пр. 3] Karl Marx, "Critique of the Gotha Program," in *The First International and After: Political Writings*, vol. 3, ed. David Fernbach (London: Penguin Books, 1974), 339–359.

[пр. 4] V. I. Lenin, *Selected Works in Three Volumes*, vol. 2, (Moscow: Progress Publishers, 1970), 348, 357–8. Lenin's emphasis.

[пр. 5] Peter Kropotkin, *The Essential Kropotkin*, ed. E. Capouya and K. Tompkins (New York: Liveright, 1975), 108.

[пр. 6] Errico Malatesta, *Errico Malatesta: His Life and Ideas*, ed. Vernon Richards (London: Freedom Press, 1984), 104. My emphasis.

[пр. 7] *Ibid.*, 151–152.

[пр. 8] *Ibid.*, 173.

[пр. 9] Errico Malatesta, *Anarchy* (London: Freedom Press, 1974), 47.

[пр. 10] Paul Goodman, *People or Personnel: Decentralizing and the Mixed System* (New York: Random House, 1965), 27.

[пр. 11] Kropotkin, *The Essential Kropotkin*, 108.

[пр. 12] See Frank Roosevelt and David Belkin, ed., *Why Market Socialism? Voices from Dissent* (Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1994).

[пр. 13] For example, see Robert A. Dahl, *A Preface to Economic Democracy* (Berkeley CA: University of California Press, 1985).

[пр. 14] See Wayne Price, *The Abolition of the State; Anarchist and Marxist Perspectives* (Bloomington IN: AuthorHouse, 2007).

[пр. 15] See Cornelius Castoriadis, *Political and Social Writings: Vol 2, 1955–1960*, ed. and trans. D. A. Curtis (Minneapolis: University of Minnesota, 1988).

[пр. 16] David Belkin, "Why Market Socialism? From the Critique of Political Economy to Positive Political Economy," in *Why Market Socialism?*, ed. F. Roosevelt and D. Belkin (Armonk NY: M. E. Sharpe, 1994), 8.

[пр. 17] Takis Fotopoulous, *Towards an Inclusive Democracy* (London/NY: Cassell, 1997), 256–257.

[пр. 18] For a compendium of decentralist arguments, see Kirkpatrick Sale, *Human Scale* (New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1980).

[пр. 19] Goodman, *People or Personnel*, 27.

[пр. 20] See Janet Biehl with Murray Bookchin, *The Politics of Social Ecology: Libertarian Municipalism* (Montreal/NY: Black Rose Books, 1998).

[пр. 21] See Fotopoulous, *Towards an Inclusive Democracy*.

- [pp. 22] See Paul Goodman and Percival Goodman, *Communitas: Means of Livelihood and Ways of Life* (New York: Columbia University Press/A Morningside Book: 1960).
- [pp. 23] Albert, Parecon, 80–83.
- [pp. 24] See Castoriadis, *Political and Social Writings*.
- [pp. 25] For ideas, see Goodman and Goodman, *Communitas*; George McRobie, *Small is Possible* (New York: Harper & Row, 1981); and E. F. Schumacher, *Small is Beautiful: Economics as if People Mattered* (New York: Harper & Row/PerennialLibrary Schumacher, 1973).
- [pp. 26] See B.F. Skinner, *Walden Two* (New York: Macmillan, 1976).
- [pp. 27] See Fotopoulos, *Towards an Inclusive Democracy*.
- [pp. 28] See Goodman and Goodman, *Communitas*.
- [pp. 29] Marx, "Critique," 346.
- [pp. 30] *Ibid.*, 347.
- [pp. 31] *Ibid.*, 345.
- [pp. 32] See V. I. Lenin, "The Impending Catastrophe and How to Combat It," in *Selected Works in Three Volumes*, vol. 2 (Moscow; Progress Publishers, 1970).
- [pp. 33] See Leon Trotsky, *The Permanent Revolution & Results and Prospects* (New York: Pathfinder Press, 1970).
- [pp. 34] James Guillaume, "On Building the New Social Order", in *Bakunin on Anarchism*, ed. Sam Dolgoff (Montreal: Black Rose Books, 1980), 362.
- [pp. 35] See Kropotkin, *The Essential Kropotkin*.

Федерация «Солидарность».
Экономика свободы.
Анархо-синдикалистская
альтернатива капитализму

Предисловие

Эта брошюра написана группой людей, входящих в Федерацию «Солидарность» (Solidarity Federation). Мы активно участвуем в прямых действиях, направленных на построение лучшего мира. Однако нас также интересует, каким может быть этот лучший мир и как он может работать. В нынешнем мире возглавляемого США террора против террора, корпоративного кумовства и коррупции, растущего глобального и классового неравенства мы все хотим и заслуживаем лучшего.

Федерация «Солидарность» – это британская секция всемирного анархо-синдикалистского движения. Анархо-синдикализм – это прямая демократия, т. е. демократия снизу вверх, без партийных политиков, корпоративных менеджеров или профсоюзных лидеров. Прямая демократия означает, что решения принимаются всеми присутствующими. Следовательно, мы не можем предписывать, какой должна быть будущая достойная экономика. Это решат люди будущего. Хочется надеяться, что это произойдет в ближайшее время, и все будут в этом участвовать. Однако пока что просто сказать: «Мы разберемся с этим позже», – а затем опуститься до абстрактных принципов или расплывчатых понятий – это несерьезно. Поэтому мы решили, что будет полезно разработать подробную модель (но не «смирительную рубашку») того, как это может работать. Вот результат.

Вступление

Существует предположение, что у «свободного» рынка нет реальной альтернативы. Телевидение, газеты, политики и другие люди, похоже, принимают это предположение. Многие люди открыто указывают на «свободный» рынок как на корень большинства современных социальных проблем, но даже они чувствуют себя бессильными перед мантрой «другого пути нет». И действительно, любой, кто выступает против него, часто получает энергичный и гневный ответ: мол, без «свободного» рынка мы бы застряли в системе с высокой инфляцией и безработицей, где необходимые нам товары были бы в дефиците или вообще отсутствовали бы. Очевидно, «свободный» рынок нужен нам для выживания.

В действительности «свободный» рынок нужен нам до тех пор, пока мы хотим продолжать терпеть боль и страдания, которые он приносит миллионам людей. Вопрос в том, что может быть лучше него? В данной брошюре рассматриваются способы организации экономики, которая не только заменит капиталистический «свободный» рынок гуманной альтернативой, но и поможет решить другие серьезные проблемы, связанные с «демократией» западного типа.

Можно выделить три исходных положения. Во-первых, в любой модели современного общества экономика должна занимать определенное место – это средство, позволяющее определить, на что тратить труд и ресурсы, сколько и что производить, кто и в каком количестве должен получить различные блага и услуги. Во-вторых, идея данной брошюры не заключается в том, чтобы предоставить проект, манифест, свод правил, окончательную критику или план. Будущие экономики могут быть местными и самообеспеченными, а также довольно небольшими и спонтанными. С другой стороны, по крайней мере, отдельные части экономики могут быть более сложными, особенно если будущим обществам потребуется много высокотехнологичных благ, предполагающих наличие определенного централизованного производства. Люди, как сейчас, так и в будущем, должны иметь право самостоятельно решать, какой тип экономики им нужен. Данная брошюра призвана лишь высказать некоторые идеи и предложить конкретные пути, по которым мы могли бы двигаться к гораздо более совершенной экономической системе. В-третьих, нас не интересуют абстрактные теории. Любая «новая» экономика должна развиваться с того места, где мы сейчас находимся. В качестве отправной точки мы берем нашу реакцию на капитализм и «свободный» рынок. С учетом этих соображений данная брошюра состоит из трех основных разделов.

В первом разделе рассказывается о том, на какой стадии нынешнего развития находится капитализм, что не так со «свободным» рынком и почему нам нужна альтернатива. Многие из нас инстинктивно понимают, что прибыль и непристойная концентрация богатства и капитала лежат в основе того, почему капиталистический «свободный» рынок – неправильная затея. Здесь мы попытаемся объяснить

почему это так простыми словами, но в то же время кратко и ясно, используя только железную логику.

Второй раздел посвящен либертарному коммунизму, тому, что этот термин означает на практике и как он может работать. В этом разделе изложены некоторые идеи о сообществе, солидарности, коллективизме и индивидуализме и их роли в современном и будущем обществе.

Третий раздел посвящен роли планирования в экономике. Экономисты всегда обсуждали достоинства и проблемы планирования экономики. Мы знаем одно: то, как это делалось в советской России, не сработало. При капитализме планирование осуществляется только для получения прибыли, в то время как мы утверждаем, что планировать возможно для успешной организации более гуманной экономики.

В заключение мы сделаем выводы по анархоэкономике и подведем итог тому главному, что мы выделили как полезное, что нужно знать и к чему нужно стремиться. Это не первое и не последнее слово об альтернативной экономике, а лишь несколько промежуточных.

1: Мифы «свободного» рынка

В настоящее время «свободный» рынок рассматривается как спаситель всего человечества. После окончания «холодной войны» и распада Советского Союза победители заявили о своем полном контроле над всем нашим будущим. Хорошие парни победили, и теперь западная демократия, опирающаяся на экономику «свободного» рынка, вскоре будет распространять мир и процветание во всех уголках планеты.

Проблемы еще есть, но в них можно обвинить исламских фундаменталистов и им подобных, которые хотят встать на пути прогресса. Их преодолет возглавляемый американцами Запад, решительно настроенный на установление нового, «справедливого» мирового порядка, основанного на глобальном капитализме.

Новая ортодоксия редко оспаривается, если вообще оспаривается (более того, после сентября 2001 года простые вопросы часто гневно отвергаются, ссылаясь на симпатию к террористам). Кроме того, миф о глобальном рынке, так горячо поддерживаемый властью имущими, приносит огромные выгоды – богатым и власть имущим. По мере того как увеличивается разрыв в доходах, увеличивается и разрыв во власти, и поэтому только голоса богатых и влиятельных могут быть услышаны, ведь у них есть телекомпании, газеты и политехнологии.

Не стоит удивляться их позиции, словно все в порядке, но не могут же они вечно закрывать глаза на нарастающую катастрофу. Неприглядная сторона капитализма, о которой любят умалчивать, начинается с вопроса о благополучии большинства населения мира. Разрыв между богатыми и бедными, как внутри общества, так и между глобальным Севером и глобальным Югом, продолжает увеличиваться. Но этим дело не ограничивается, поскольку власть все больше концентрируется в руках меньшинства за счет большинства.

Скрываемая за ярким блеском капиталистической пропаганды идея о том, что мы живем в обществе, управляемом «свободным рынком», – это просто большая шутка. Реальность того, как на самом деле работает экономика, никогда по-настоящему не обсуждается. Когда вы в последний раз видели в СМИ материал, направленный на раскрытие реалий функционирования экономики? Они часто разоблачают жестокость отдельных людей, могут даже говорить о слабости институтов, но никогда не ставят под сомнение существование бога «свободного» рынка. Сравните это с советской эпохой, когда на Западе регулярно появлялись репортажи, раскрывающие реалии и недостатки советской экономики. Конечно, советская экономика была катастрофой, но дело в том, что тогда мы хотя бы говорили об альтернативной экономике. Если бы правда о том, как на самом деле работает экономика, стала достоянием ежедневных новостных программ, то вскоре стало бы ясно, что экономика не управляется в соответствии с принципами «свободного» рынка. Напротив, ею ежедневно управляют богатые и влиятельные люди. Экономикой движут не рыночные силы, а

потребности, желания и амбиции всех тех, кто вместе контролирует политическую, экономическую и социальную жизнь общества.

Логика рынка?

Итак, у нас нет свободного рынка: любое предположение об этом, в сущности, – ложь. Но если бы он у нас был, как бы он работал согласно экономической теории? На самом деле эта теория редко выходит за рамки учебников главным образом потому, что она так мало похожа на мир, в котором мы сейчас живем, это всего лишь абстрактная идея.

Предполагается, что на свободном рынке товары и услуги продаются спонтанно, без какого-либо планирования или контроля со стороны государства. Это происходит благодаря тому, что индивиды стремятся к собственной выгоде и свободно покупают и продают. Возникает конкуренция, которая приводит к установлению такого диапазона цен на товары, при котором все общество может их себе позволить. Регистрируя наш спрос на наши личные желания в терминах того, сколько мы готовы заплатить и за сколько готовы продать, рынок действует как «невидимая рука» (по Адаму Смиту), направляя производство и потребление. До тех пор, пока рынок свободен от вмешательства правительств и чиновников, предполагается постоянный рост благосостояния и богатства каждого из нас. Даже если кажется, что некоторые люди становятся намного богаче остальных, это хорошо, потому что в итоге это приведет к тому, что они будут больше тратить и создавать больше рабочих мест. Таким образом, богатство «перетекает» к остальным членам общества.

Фактически теория свободного рынка создавалась для небольших региональных экономик, существовавших в условиях феодализма в европейском позднем средневековье. Следовательно, она плохо согласуется с современной реальностью глобально интегрированных корпораций и современных маркетинговых технологий. В выдуманном мире совершенной конкуренции правит потребитель. Достаточно сказать, что теория свободного рынка была разработана после появления капитализма как средство объяснения принципов его функционирования. Если бы кто-то отстаивал ее раньше, то, несомненно, резко всплыли бы очевидные недостатки, и от нее отказались бы как от идеи, которая никогда не работает на практике. И, разумеется, она не работает.

Притворство, что мы живем в системе «свободного» рынка, регулируемого конкуренцией и управляемого потребителем, сохраняется только потому, что это выгодно мировой элите. Она представляет мир бессильных компаний и могущественных потребителей, где каждый может открыть собственную компанию и создать свой Microsoft или Ford – предмет великой американской мечты. Теория «свободного» рынка также способствует развитию ложного представления о западной демократии. Она предполагает, что капитализм «демократичен» как экономически, так и политически. Точно так же, как мы голосуем на выборах, мы голосуем в экономике, покупая товар «А» вместо товара «Б». Поскольку, как гласит теория, потребитель – король, каждая наша индивидуальная покупка вносит свой вклад в коллективные решения общества о том, как лучше использовать ограниченные ресурсы и труд.

На самом деле конкуренция делает обратное тому, что утверждает теория. Вместо того чтобы сдерживать власть компаний, она ее увеличивает. В результате происходит все большая централизация и консолидация власти в руках меньшинства, контролирующего производство. Слабейшие выбывают из бизнеса, что приводит к сокращению разнообразия на рынке. Реальная история капитализма – это история монополизации. Сначала она происходила в региональных, затем в национальных экономиках, а теперь все чаще случается и в глобальной. От информационных технологий, страхования и банковского дела до супермаркетов и производства – доминирует небольшая горстка компаний. Достигнув такого положения, они не только обладают властью в своей отрасли, но и действуют совместно с другими доминирующими монополиями, используя их совместную власть во всех сферах жизни общества.

С помощью рекламы компании создают рынки сбыта своей продукции. Они постоянно стремятся представить воображаемое общество, в которое может попасть практически каждый. Даже самый бедный может присоединиться к гламурному миру, изображаемому в рекламе, просто купив джинсы или новый мобильный телефон, которые продаются скорее как образ жизни, нежели как товар. Потребление представляется как самоцель, временное избавление от рутины повседневной работы. Неудивительно, что потребление стало более преходящим, гедонистическим и ориентированным на получение удовольствия.

Используя огромную концентрацию богатства, создаваемого за счет прибыли, компании получают все больше возможностей влиять на социальные и культурные устремления и формировать их. Средства массовой информации контролируются, поскольку они зависят от рекламы и должны соответствовать желаниям крупного бизнеса. Это путь в один конец: здесь нет баланса сил, есть только единая, нарастающая сила. Поэтому культура Coca-Cola неумолимо распространяется по всему миру. Даже в самых бедных странах единственное «решение», которое предлагает капитализм, – это предоставить больше того же самого.

Единственной целью компаний является создание спроса для получения все большей прибыли. Логика капитализма заключается в том, что компании должны постоянно реинвестировать прибыль или разоряться. Компании не могут стоять на месте. Находясь далеко не в статичном мире теории свободного рынка, капитализм в реальности постоянно расширяется в поисках новой прибыли. Именно это придает ему динамизм. Компаниям приходится постоянно создавать новые рынки для новых товаров и услуг, будь то интернет-технологии последнего поколения или новый вкус картофельных чипсов.

Сыр в мышеловке

В стремлении к прибыли окружающая среда рассматривается как бесплатный сыр. Поскольку ущерб, наносимый окружающей среде, как правило, не ложится непосредственно на компании, он не влияет на прибыль, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Защита окружающей среды – это нежелательные дополнительные расходы, и конкуренты, игнорирующие ее, выходят вперед. Таким образом, возникает

конкуренция в том, кто сможет сократить издержки, например, расходы на охрану окружающей среды или достойную заработную плату. Выигрывают, как правило, те, кто меньше всего заботится об окружающей среде и работниках.

Конечно, капитализм учитывает протесты, отстаивающие экологическую повестку, но только тогда, когда они угрожают прибыли. Поэтому компании будут вкладывать средства в то, чтобы свести на нет такие выступления. Парадоксально, но по мере того, как глобальное разрушение окружающей среды продолжается, капитализм тратит все больше средств на подкуп правительств и проведение «зеленых» рекламных кампаний, направленных на подавление протеста. Они вкладывают деньги в экологические и правозащитные благотворительные организации и т. п., чтобы сделать вид, что им не все равно, и попытаться создать впечатление, что все в порядке, что при капитализме существует баланс и что компании этичны, внося вклад в поддержание этого баланса.

Даже самые тупоголовые капиталисты должны понимать, что если ситуация не изменится коренным образом, то Земля, какой мы ее знаем, обречена. Однако их завораживает логика капитализма и ежедневная сиюминутная спешка в получении большей прибыли, чем у соседнего предприятия. Капитализм завладел условиями человеческого существования, когда, очевидно, для тех, кто вовлечен в гонку, приоритеты меняются местами, подобно тому, как болезнь часто обманывает организм, заставляя его реагировать так, что здоровье ухудшается, а не улучшается. Для капиталистов в нынешнем стремлении к разрушению главное – быть впереди, а не понимать, куда мы движемся.

Необходимость постоянно расширяться и вырываться вперед является одним из ключевых факторов, обуславливающих нестабильность капитализма. Исторически сложилось так, что циклы перепроизводства приводят к появлению непроданных товаров и экономическому спаду, так называемому буму и депрессиям. Хотя теория «свободного» рынка предполагает, что дефицитное сырье и рабочая сила будут использоваться эффективно, в действительности капитализм представляет собой систему перепроизводства расточительности. Стремление к получению прибыли неизбежно заставляет компании создавать ненужные товары для стимулирования все большего спроса, отсюда и огромные рекламные бюджеты. Но даже с ними спрос никогда не будет достаточным для того, чтобы поглотить все производимое. Проблема рынка, ставшего непостоянным из-за перенасыщенности рекламой, заключается не в дефиците, а в слишком большом количестве товаров и неправильном подходе к производству.

Ложь и непристойности

В мире, где миллионы людей умирают от нехватки таких элементарных вещей, как лекарства и вода, капиталистическое перепроизводство может показаться чем-то далеким. Но причиной смертей является неравенство, а не отсутствие коллективных ресурсов. Капитализм не производит для бедных, поскольку они не имеют доходов и, следовательно, не являются источником прибыли. Учитывая эту реальность, из всех нелепых утверждений теории «свободного» рынка, пожалуй, самым непристойным

является хвостовство тем, что он способен справедливо распределять ресурсы. В то время как в одной части мира скапливаются ненужные компьютеры, в другой – умирают от голода дети.

Еще одной непристойностью является утверждение о том, что «свободный» рынок гарантирует производство товаров только самого высокого качества. Теория заключается в том, что потребители, столкнувшись с некачественным товаром, просто переходят к другому производителю, в результате чего компания, производящая некачественный товар, вынуждена улучшать его или разоряться. В реальности же на рынках доминирует небольшое число компаний, основной движущей силой которых является продажа большего количества товаров для получения большей прибыли. Следовательно, они должны производить товары, которые недолговечны, чтобы потребителю приходилось заменять их через относительно короткий промежуток времени. Идея о том, что потребители поймут это, не состоятельна, поскольку, во-первых, все компании производят товары с коротким сроком службы (поэтому альтернатив с длительным сроком службы практически нет, а значит, нет и реального выбора), а во-вторых, сталкиваясь с тысячами современных высокотехнологичных товаров, потребители не могут надеяться на то, что смогут отличить хороший товар от плохого. Поэтому многие прибегают к знакомым названиям – отсюда и брендинг.

Главная цель капитализма – запутать потребителя. Последнее, чего хотят компании, – это чтобы потребитель нашел дешевый шампунь, который ему подходит, и остался с ним на всю жизнь. Им необходимо постоянно выпускать «новые» (переупакованные) продукты, за которые они могут заставить людей платить больше. Идеальные волосы – не за горами, с сегодняшним новым продуктом. Это не значит, что потребление по своей сути неправильно, это далеко не так. Нам нужна экономическая система, которая позволит нам максимизировать качество жизни за счет потребления, а не просто генерировать прибыль компании, как сейчас.

Капитализм не стоит на месте, он продолжает развиваться. На протяжении большей части второй половины XX века власть транснациональных компаний частично сдерживалась из-за постоянной угрозы со стороны Советского Союза и идей социализма. Для того чтобы удержать работников, государство было вынуждено обеспечивать базовое социальное обеспечение в виде государства всеобщего благосостояния и, по крайней мере, говорить о перераспределении богатства. Однако после распада Советского Союза опасения капиталистов по поводу того, что рабочих может привлечь социализм, значительно уменьшились. Теперь государство возвращается к своей более традиционной роли: помогать капитализму максимизировать прибыль, не обращая внимания на то, во что это обходится остальным, как в развитых, так и в слаборазвитых странах.

Подачки от государства

Это подводит нас к еще одному большому мифу о «свободном» рынке – идее о том, что государство ему только мешает. На самом деле капитализм не мог бы существовать без масштабной государственной поддержки, не в последнюю очередь связанной с постоянной стабилизацией постоянно неустойчивой системы.

Поскольку каждый период перепроизводства неизбежно приводит к спаду, государство увеличивает расходы для стимулирования спроса. Кроме того, в условиях дерегулированных международных финансовых рынков государство должно контролировать мировую финансовую систему, чтобы не допустить кризиса. С помощью государственных финансов, то есть наших денег, капитализм регулярно спасается от экономического кризиса. Будь то кредитный скандал в США, экономический кризис на Дальнем Востоке или банковский крах в Южной Америке, государственные средства – это лекарство, которым лечат капиталистическую простуду. Очевидно, что без вмешательства государства капитализм скатился бы в постоянный кризис и стагнацию.

Государство поддерживает капитализм и многими другими способами, без которых капитализм не выжил бы. Где бы был капитализм, не будь социального обеспечения, образования, транспорта, научных исследований и разработок, банковской и правовой системы, регулярных налоговых льгот и субсидий, а также армии, защищающей интересы капиталистов? Сейчас государство через такие организации, как Всемирный банк, МВФ и ВТО, обеспечивает еще большую прибыль за счет роста неравенства.

Как обычно, все облекается в риторику «свободного» рынка. Рост конкуренции, торговли и дерегулирования должен привести к росту благосостояния во всем мире. Однако, как мы видим, теория «свободного» рынка имеет мало общего с экономической реальностью. В то время как слаборазвитые страны вынуждены открывать свои рынки, развитые страны спокойно строят экономические барьеры. Расширение мировой торговли позволяет транснациональным компаниям из развитых стран захватывать прибыльные части экономики за рубежом и создавать там производственные подразделения с дешевой рабочей силой. Передача технологий позволила бы развивающимся экономикам получить шанс их воспроизвести, поэтому развитые страны заботятся о сохранении тайны и защите авторских прав. Правда в том, что «честная» конкуренция на равных – это последнее, чего они хотят. В конце концов, конкуренция вредит прибыли. Однако монопольные транснациональные корпорации получают высокую прибыль от зарубежных лагерей рабов.

Но скандальных прибылей, получаемых за счет рабского труда в развивающихся странах, недостаточно. Мы в развитых странах тоже должны оторвать от себя кусок за дивиденды акционеров. Модернизация, дерегулирование и гибкость – вот что в настоящее время означает максимальная эксплуатация работников. Лишение работников права защищать свои рабочие места и предоставление компаниям возможности самостоятельно регулировать свою деятельность (смехотворная идея, если бы последствия не были столь серьезными) уже привело к падению заработной платы значительной части рабочего класса. Дальнейшее сокращение социального обеспечения и принятие законов, направленных на принуждение людей к труду, может привести лишь к дальнейшему падению заработной платы и ухудшению условий труда. Наряду с этим еще большее расширение частного сектора в сфере транспорта, образования и социального обеспечения ведет к выбору выгодных государственных контрактов, росту частных прибылей за счет государственных средств и снижению качества государственных услуг. Неизбежным следствием этого является снижение качества жизни, которое в первую очередь ложится на плечи рабочего класса.

Природа государства меняется. Национальное государство уходит в прошлое, уступая место супергосударствам, которые стремятся обеспечить наибольшую прибыль компаниям, расположенным в пределах их границ. Эти крупные экономико-политические блоки, созданные на базе Европы, Америки и Азии, развивались на протяжении последних полувека. После распада Советского Союза Европа и Азия стали меньше нуждаться в военной защите США и начали оспаривать их экономическое господство. История капитализма – это история борьбы конкурирующих экономических блоков за доминирование. Это привело непосредственно к двум мировым войнам и сотням более мелких. По мере развития капитализма мир становится все более небезопасным, и риск нового крупного конфликта между развивающимися сверхдержавами огромен.

Покупай сейчас, плати потом

В основе капитализма лежит набор гнилых, мифических, ошибочных теорий, во-круг которых богатые и влиятельные люди создали целую систему организованного обмана, пытаясь создать иллюзию, что все в порядке. На самом деле эта система не работает практически ни для кого. Даже те, кто сумел скопить личное богатство за счет накоплений или эксплуатации чужого труда, обнаруживают, что, как говорится, за деньги не купишь ни любви, ни счастья. Более того, за деньги нельзя купить многие вещи, которые необходимы нам для качества жизни и которые способны удовлетворить наши людские нужды. Нельзя купить демократию, нельзя купить равенство, нельзя купить чувство собственного достоинства (несмотря на то, что думает среднестатистический остроумно одетый юноша, поклоняющийся автомобилю), нельзя купить реальное социальное взаимодействие, которое является основой человечности. Даже касаясь вещей, которые можно купить, такие как товары, собственность, работа и труд, деньги для большинства из нас имеют не такое уж и большое значение, и, как мы видим сейчас, они порождают огромное неравенство и угнетение. Конечно, в приватизированном мире, где все принадлежит кому-то, нам всем нужны деньги для выживания и удовлетворения основных потребностей, но в долгосрочной перспективе капитализм и деньги никогда не смогут стать базисом устойчивой экономики, основанной на максимальном повышении качества жизни.

Мы вступаем в новый и неопределенный период, когда мифология «свободного» рынка используется в качестве пропаганды для маскировки растущей концентрации богатства и власти. Поскольку капитализм всегда ведет к новым войнам, задача, стоящая перед теми, кто стремится к более справедливому и мирному будущему, огромна. Но уже сейчас растущая алчность и несправедливость вызывают реакцию со стороны антикапиталистического движения. Если мы хотим добиться успеха, это новое движение должно нести в своем сердце систему, альтернативную капитализму и государству. Дискуссии и действия должны быть непрерывными, а требования – бескомпромиссными. В оставшейся части этой брошюры мы начнем излагать анархо-синдикалистскую альтернативу капитализму в рамках этой дискуссии.

2: Либертарный коммунизм

Для анархо-синдикалистов жизнеспособной альтернативой капитализму является «либертарный коммунизм», и этот раздел описывает его и показывает, как он может работать.

«Коммунистических» стран больше нет, поэтому утверждения в пользу построения коммунистического общества в настоящее время могут звучать утопично. Но настоящий коммунизм, либертарный коммунизм, – это не авторитарная экономика с государственным управлением, как в Советском Союзе. В основе либертарного коммунизма лежит принцип солидарности в обществе без денег. Люди трудятся, поскольку таков их общественный долг, зарплата не нужна, так как действует принцип «от каждого по способностям», а для приобретения товаров больше не нужны деньги, ведь распределение осуществляется в соответствии с принципом «каждому по потребностям».

Целью анархо-синдикалистов всегда была либертарно-коммунистическая экономика – система без рынка, где каждый имеет равные права на удовлетворение своих потребностей. Самоуправление трудящихся мало что значит в мире неравенства, где решения диктует рынок. Тем не менее, мы всегда подчеркивали, что любая коммунистическая система будет кошмарной, если народ не будет поддерживать ее и участвовать в управлении ею. Поэтому анархо-синдикалисты всегда старались называть себя «либертариями», а не «авторитариями».

Что будет побуждать людей работать, если им не платят? Ответ: солидарность. Но почему такой уровень солидарности должен существовать в либертарно-коммунистическом обществе? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к современной экономике и посмотреть, какой уровень солидарности может быть в индустриальном обществе при наличии соответствующих условий. Как будут распределяться товары без цен? Что помешает людям брать больше своей доли, если им не придется платить? Опять же, часть ответа лежит в плоскости солидарности, а часть – в организации способов определения потребностей людей и соответствующего распределения товаров. Ответы на эти вопросы раскрывают всю ценность и потенциал либертарного коммунизма.

Если мы хотим, чтобы общество продолжало существовать в какой-либо иной форме, кроме довольно убогой, человечество должно принять идеал либертарного коммунизма. Это единственное эффективное средство, гарантирующее свободу и равенство, поскольку в обществе, где все имеют равный контроль над принятием решений и равный доступ к благам и услугам, классы больше не существуют. Это также единственное средство обеспечить всеобщее процветание и сохранить окружающую среду.

Неравенство доходов всегда будет существовать в любой экономике, основанной на деньгах, даже если средства производства находятся в общественной собствен-

ности, застывая в виде классовых различий. Со временем наиболее привилегированный класс станет доминировать в экономической, политической и социальной жизни.

Либертарный коммунизм гарантирует процветание, поскольку это единственная форма общества, в которой все производство осуществляется исключительно по потребностям. Даже на «благополучном» Западе люди с низкими доходами с трудом справляются с растущими расходами на содержание семьи. Многие вынуждены жить в неблагоустроенном жилье, питаться некачественной пищей и терпеть дефицит топлива. Досадный разрыв в доходах существует между классами, между полами и между этническими группами. Борясь за улучшение материального положения женщин, этнических меньшинств и рабочего класса в условиях капитализма, мы должны помнить, что только либертарный коммунизм может гарантировать абсолютное равенство.

Кроме того, гарантируется защита окружающей среды. Когда производство направлено на удовлетворение потребностей, а не на получение прибыли, нет причин игнорировать экологические издержки. Частные интересы не противостоят благу людей и планеты в целом. Улучшается и среда обитания человека, поскольку либертарный коммунизм ставит во главу угла улучшение жизни общества и взаимодействие с ним, а не индивидуальное потребление. Происходит реинтеграция общества, снижается уровень антисоциального поведения, исчезает эгоистическая, негативная сторона индивидуализма. Но реален ли переход к либертарному коммунизму, учитывая, что в современной жизни доминируют корыстные интересы? Некоторые левые утверждают, что безденежное общество потребует физического принуждения к труду. Однако это уже рабство, а не коммунизм. Конечно, те, кто отказывается работать, должны подвергаться порицанию, но моральное порицание – не единственная основа системы.

Реальной основой либертарного коммунизма является коммунистическое сознание, которое приходит из повседневного опыта работы в коммунистической экономике.

Одно должно быть ясно. Никто не может отвергать либертарный коммунизм на том основании, что человеческая природа неустранимо эгоцентрична. Суеверия организованных религий пытаются впарить нам это уже более двух тысяч лет. В последнее время к ним присоединились лженауки, такие как «социобиология». Дело в том, что уровень эгоизма или альтруизма зависит от социальной структуры. В племенах охотников-собирателей нет неравенства в богатстве. Охота, как правило, ведется коллективно, но если охотник охотится индивидуально, то результаты охоты делятся с остальными членами группы. По мнению социобиологов, это невозможно.

С чего начать?

Для того чтобы люди работали без материальных стимулов, необходимо представить себе мир, в котором социальные связи между людьми гораздо сильнее, чем сегодня, в котором этих социальных связей достаточно, чтобы мотивировать нас вставать с постели и идти на работу.

Солидарность существует между людьми, имеющими схожий образ жизни, мировоззрение и экономические роли. Например, в охотничье-собирательских обществах, помимо разделения труда по половому признаку, разные люди выполняют очень схожие трудовые функции, настолько, что у них нет реального личного выбора или свободы действий. В такой экономике люди работают автоматически и без раздумий, так, как диктует обычай и как диктует коллективное сознание. Это сознание представляет собой мировоззрение и поведенческий кодекс, разделяемый всем племенем. Это совсем не похоже на индивидуальное сознание, существующее в современном развитом мире и состоящее из наборов мыслей и мнений, жестко не закрепленных обществом и сильно различающихся у разных людей. Та солидарность, которая предполагается либертарным коммунизмом, практически полностью отсутствует.

Жизнь рабочего класса вплоть до 50-60-х годов прошлого века была связана с солидарностью и взаимопомощью. Конечно, солидарность была не столь сильна, как в племенах охотников-собирателей, где индивидуализма практически не существует, но все же она была мощной силой. Это не значит, что рабочие были одинаковыми, просто у них был общий повседневный опыт, который нелегко найти в наших современных атомизированных сообществах. Британские рабочие в XIX веке жили рядом с местом работы в сообществах, основанных на их общем, коллективном опыте, и многие из них часто работали на одного и того же начальника.

Эта солидарность включала в себя неформальную «благотворительность», отражавшую тот уровень заботы о благополучии окружающих, который в значительной степени отсутствует в современной жизни. Исследование жизни рабочего класса в одном из районов Южного Лондона в начале XX века (Pember Reeves, 1979; Round About a Pound a Week: Virago) показало, что: «Если мужчина попадает в больницу... к жене и детям проявляется необычайная доброта... Семью, прожившую много лет на одной улице, признают по всей длине этой улицы как людей, которым можно помочь в трудную минуту».

Этим сообществам не суждено было просуществовать долго. Растущая индустриализация продолжала притягивать в города перемещенных сельскохозяйственных рабочих, вызывая перенаселенность, что, в свою очередь, приводило к широко распространенным проблемам со здоровьем. На протяжении всего XX века рабочие переселялись из центров городов в пригороды, и постепенно старые внутригородские поселения распадались.

Уровень эгоизма или социального долга, индивидуализма или солидарности, существующий в обществе, является результатом социальных структур и экономических императивов. Поэтому наше сознание изменится, если изменится наше общество и экономика. Когда мы работали и жили по-другому, менялось и наше сознание. Поскольку социальные структуры и экономика продолжают развиваться и изменяться в негативном ключе, в ключе эгоизма, то на первый план выходит отрицательная сторона буржуазного индивидуализма. Природа человека может быть более или менее социально направленной при наличии соответствующих условий, но могут ли такие условия существовать в современном мире? Мы, конечно, не можем вернуться к тем условиям, которые порождали взаимопомощь в прошлом. Современное общество может показаться слишком большим и отчужденным, чтобы

в нем могли воплотиться идеалы анархизма. Но, выражаясь современным клише, нужно «смотреть шире». Либертарный коммунизм – это не «примитивизм», а экономическая организация должна быть совместима как с национальным, так и с международным разделением труда.

Солидарность XXI века

Более прогрессивный вид солидарности может существовать между людьми с разными профессиями, чей совместный труд обеспечивает потребности общества. Такая солидарность подобна частям тела, которые отличаются друг от друга, но при этом действуют как единое целое. По определению, люди, работающие в экономической системе с разделением труда, выживают не только за счет собственных усилий. Мясник (или эко-фермер) опирается на пекаря и свечника, чтобы обеспечить себя хлебом и светом. Рабочие, собирающие компьютеры, опираются на различных людей, производящих стекло, пластик, микросхемы, печатные платы и стекло. Производство возможно только через цепь зависимых отношений. Каждое предприятие зависит от множества других, поставляющих сырье, машины или транспорт. Каждый потребитель, получая необходимые ему товары и услуги, полагается на усилия большого числа работников. Труд одного работника – это лишь малая часть огромного коллективного труда, направленного на удовлетворение потребностей всего общества. Разделение труда порождает зависимость и взаимную заинтересованность в глобальном масштабе.

Проблема капитализма в том, что на эту фундаментально социальную экономическую структуру накладывается антисоциальная система денег, прибыли и частной собственности. Люди, которые на самом деле работают в сотрудничестве с другими, вынуждены вступать в отношения конкуренции и взаимной вражды. Хотя в действительности люди работают как часть социального целого, они не ощущают этого.

Это происходит потому, что их потребности не стоят во главе угла экономической системы. Капиталисты пытаются принудительно снизить заработную плату до самого низкого уровня, диктуемого рынком труда. Работники получают зарплату только до тех пор, пока капиталисту выгодно их нанимать. Как только они теряют эту ценность, они становятся лишними для работодателя. Таким образом, работники ощущают себя средством достижения цели, а не самоцелью. Значит, они не идентифицируют себя со своей работой и не чувствуют себя частью общего проекта. Легко понять, почему, согласно опросам, только четверть работников считает, что управленцы и другие сотрудники находятся на одной стороне.

Капитализм против солидарности

Это противоречие между денежной системой и социальной природой экономики приводит к дисфункциональному характеру современной жизни. Индустриализация удовлетворяет наши потребности только за счет разрушения окружающей среды,

тем самым сводя на нет те огромные потенциальные выгоды, которые она могла бы принести.

Отсутствие солидарности и общих ценностей разрушает социальную структуру, в которой функционирует экономика. Разделение труда и индустриализация предполагают постоянные контакты и общение между людьми, однако антисоциальный характер капитализма приводит к тому, что города и поселки, в которых мы живем, постепенно становятся все более лишенными социального взаимодействия. Сообщества распадаются, общие ценности оказывают все меньшее влияние, мы становимся изолированными от тех, среди кого живем, и перестаем идентифицировать себя с ними. Отсутствие сплоченности неизбежно приводит к росту антиобщественной преступности, связанной с уменьшением заботы друг о друге. Это также приводит к росту уровня стресса, числа психических расстройств, случаев злоупотребления алкоголем и наркотиками.

Напротив, в обществе, где нет частной собственности на средства производства и конкурентного рынка, солидарность гораздо более возможна. В обществе нового типа скрытая социальная сплоченность экономики, основанной на разделении труда, может быть выведена на поверхность.

Солидарность не исключает тех, кто не выходит на работу. Воспитание детей или забота о них – это такой же труд, как и вождение автобуса или строительство дома. Более того, эти обязанности требуют гораздо большей самоотдачи и энергии, чем средняя оплачиваемая работа (хотя отношения заботы – это не только работа). В капиталистическом обществе родителей-одиночек, не имеющих оплачиваемой работы, кощунственно называют эгоистичными нахлебниками. Любой здравомыслящий человек должен удивляться подобному, к сожалению, широко распространенному отношению. Помощь в воспитании подрастающего поколения, безусловно, является одним из важнейших вкладов в жизнь общества. В посткапиталистическом обществе трудовой аспект воспитания детей станет частью совместной общественной деятельности благодаря увеличению числа детских учреждений и усилению общественной поддержки родителей. Тем не менее ничто не должно разрушать эмоциональную связь между родителями и детьми.

Что касается вопроса о приверженности труду при либертарном коммунизме, то дело в том, что определенный уровень приверженности труду уже существует даже при капитализме. Опросы, проводившиеся в течение последнего десятилетия, постоянно показывали, что в среднем 70% работников в Великобритании получают удовлетворение от выполняемой работы. Разумеется, необходимо учитывать, что то, что люди говорят в ходе опроса, может отличаться от того, как они на самом деле живут. Такую приверженность работе можно только усилить опытом равноправного участия в общем кооперативном проекте. Такие цифры опровергают предположение экономистов о том, что работа – это «бесполезное занятие», которого люди, естественно, избегают, если их не принуждает к этому материальная нужда. Реальной проблемой для работников зачастую является не работа, которую они выполняют, а то, как она организована руководством, и отношение к ним со стороны начальства.

Анархо-синдикалисты не считают, что одного упразднения существующей системы управления достаточно для построения общества либертарного коммунизма. Необходимо изменить не только организацию производства, но и то, что мы произ-

водим. Люди вряд ли почувствуют необходимую отдачу от работы, если она будет направлена исключительно на все более и более индивидуализированные формы потребления. Напротив, она должна быть направлена на оказание общественных услуг и развитие социальной и культурной жизни общества.

Потребительство против качества жизни

Как мы убедились, капитализм и сопутствующее ему потребительство не обеспечивают качества жизни. Более того, западное общество сталкивается с «трагедией общин» в огромных масштабах. Совокупный эффект миллионов индивидуальных решений о покупке автомобилей, например, приводит к глобальному потеплению и разрушает наше общее качество жизни. Люди сразу же садятся в свои машины и едут в далекие супермаркеты, торговые центры и места отдыха, зачастую не общаясь ни с кем, кроме своих ближайших соседей. Чем меньше мы обмениваемся опытом с людьми, среди которых живем, тем больше ослабевают узы морали и тем более распространенными становятся преступность, алкоголизм, наркомания и другие проблемы современной жизни.

В долгосрочной перспективе потеря благосостояния от разрушения окружающей среды, преступности и т. д. перевесит благосостояние, полученное от владения автомобилями и телевизорами. Тем временем потребитель продолжает потреблять, подобно алкоголику, который пьет, чтобы забыть о проблемах, которые уже породило его пристрастие. Покупка таких товаров, как автомобили и домашние развлечения, создает еще больший спрос на эти товары, поскольку альтернативные варианты исчезают или истощаются. Таким образом, растет уровень необходимого индивидуального потребления, поскольку социальные изменения делают определенные потребительские расходы действительно необходимыми, чего не было в прошлом. Например, большинство людей уже не могут ходить на работу пешком или находить достойные развлечения на месте.

Реальный социальный прогресс возможен только тогда, когда на смену экономическому индивидуализму придет иное сознание. Производственные решения должны быть направлены на укрепление солидарности, коллективного благосостояния и социального взаимодействия. Точный характер этого сдвига невозможно определить заранее, поскольку он является продуктом потребностей и желаний всех людей и компромиссов, на которые они совместно идут, решая, что они будут потреблять; можно, однако, привести несколько возможных примеров;

1. Общественный транспорт должен заменить личный автомобиль. Необходимо создавать новые городские и сельские поселения меньшего масштаба, где разные объекты недвижимости будут находиться ближе к дому, а взаимодействие будет проще.

2. Общественные развлечения и культура могут иметь приоритет перед благами и услугами, формирующими атомизированный образ жизни. Вместо того чтобы потреблять все больше и больше DVD, CD и других домашних развлечений, общество могло бы строить больше кинотеатров, библиотек, театров и досуговых центров.

3. Фестивали, общественные ярмарки и другие уличные мероприятия также являются альтернативой домашним развлечениям. Новые технологии, вместо того чтобы изолировать общество, могут способствовать взаимодействию и солидарности, повышая качество таких мероприятий и общественных учреждений.

4. Такие средства массовой информации, как телевидение и радио, могут оставаться местными и управляться сообществом, причем не только для того, чтобы транслировать программы, представляющие «местный интерес», но и для того, чтобы их содержание отражало потребности и желания сообщества.

5. Образование должно быть по-настоящему бесплатным, с возможностью заочного обучения и полным доступом к образовательным учреждениям всех уровней, включая обучение «навыкам», социальное развитие и образование по общим интересам.

6. Кроме того, услуги в области здравоохранения и благополучия должны быть по-настоящему бесплатными, должны быть более расширенными, чем в настоящее время, и их нужно разрабатывать и предоставлять на основе принципа максимального повышения качества жизни.

Жизнь сообщества

Акцент на сообществах не означает создания прямой замены старым сообществам рабочего класса, а новое коллективное сознание не предполагает одинаковости и конформизма. Ключом к солидарности станет понимание того, как люди с разными профессиями и взглядами дополняют друг друга для достижения общего блага. Несмотря на то, что будут восстанавливаться местные сообщества, будет проявляться и более широкое международное сознание, основанное на чувстве взаимосвязи между людьми.

Пропаганда коллективного образа жизни – это не то же самое, что пропаганда пуританского подхода к современной жизни. Коммунистическое сознание – это не устранение всякой заботы о себе и своих удовольствиях, а привнесение нового измерения в наше существование. Этим либертарные коммунисты отличаются от других противников материализма, подобно религиозным фундаменталистам или более экстремальным противникам индустриального общества, встречающихся в экологическом движении. Либертарные коммунисты представляют себе комфортную, приятную жизнь людей в будущем, в которой современные технологии – одно из средств развлечения и стимулирования. Но при этом технологии должны объединять людей, а не разъединять их.

Если работники чувствуют, что они вносят свой вклад в коллективное удовольствие и коллективное удовлетворение потребностей, то легче представить себе, что они работают добровольно. Но как быть с другой стороной коммунистического уравнения? По какой причине люди не должны чрезмерно потреблять без системы цен, нормирующей потребление?

При либертарном коммунизме люди осознают, что они производят общественный продукт для всех. Подобное коллективное сознание означает, что брать больше, чем нужно, – антисоциально. Люди будут стремиться ограничить свое потребление.

ние, чтобы избежать общественного порицания и оставаться совестливыми. Однако если оставить все на волю случая, то это не поможет противостоять потенциальной алчности маргинальной части общества, которая вызывает дефицит и создает черные рынки. Таким образом, обществу необходим определенный контроль над потреблением, чтобы не допустить расточительства или жадности.

Общие принципы распределения товаров, разумеется, должны устанавливаться демократическим путем, о чем мы расскажем в следующем разделе. Они будут включать в себя систему «добровольного нормирования», которая ни в коей мере не похожа на нормирование военного времени.

Частная собственность* против справедливого распределения

Сноска¹.

Можно утверждать, что потребители никогда не захотят отказаться от своего нынешнего чувства «собственности» на автомобили, дома, товары длительного пользования и т.п. Но какое чувство собственности у людей на самом деле? Почти все жилье и многие товары длительного пользования приобретаются в кредит, по овердрафту или в рассрочку. Дома находятся в собственности банков или строительных обществ в течение двадцати пяти лет или около того. Затем владелец наслаждается десятилетием-другим владения, после чего выходит на пенсию и начинает беспокоиться о возможной продаже, чтобы оплатить дом престарелых или пансионат.

Точно так же потребительские товары длительного пользования остаются собственностью магазина, продавшего их, до тех пор, пока не будут выплачены все долги (под очень высокие проценты). После довольно короткого периода «владения» износ означает замену, причем с новыми долгами. В обществе потребления понятие «частная собственность» – это миф. Скорее банки и кредитные агентства владеют нами, чем мы владеем собственностью.

Новое коллективное сознание – это не подавление стремления к личной собственности и экономическим интересам, не подавление свободы слова, свободы мысли и позитивных аспектов индивидуальности. Напротив, речь идет об определении места личности в коллективе, о понимании того, что свобода и благополучие личности можно обеспечить только в условиях совместной работы и уважения, а не доминирования друг над другом. В основе этого лежит необходимость решения современных социальных и экологических проблем.

В либертарно-коммунистическом обществе исчезнут мелкие конфликты, тревоги и обиды, которыми сегодня наполнена наша жизнь. Конкуренция за звания и привилегии, страх потерпеть неудачу в крысиных бегах, зависть к тем, кто выше нас, и

¹ Авторы смешивают здесь понятие личной и частной собственности. Частная собственность подразумевает получение с нее прибыли. Личная собственность – это частное владение отдельных людей. Разумеется, либертарный коммунизм не подразумевает, что у людей не будет домов, машин и предметов личной гигиены, но лишь дает гарантию того, что эти средства будут гарантированы каждому для **лично** пользования – прим. переводчика.

презрение к тем, кто ниже, останутся в истории. Таким образом, либертарный коммунизм создаст условия для наиболее полного раскрытия человеческого потенциала. Индивидуалистическая энергия будет направлена на творчество, инакомыслие, разнообразие и поиск новых знаний.

3. Демократия и планирование

Для того чтобы люди в либертарно-коммунистическом обществе могли нормально питаться, одеваться и жить в адекватных жилищах, необходима плановая экономика. Стихийные чувства солидарности и местная инициатива, конечно, необходимы, но сами по себе они недостаточны. Анархо-синдикалисты хотят создать общество, в котором потребности каждого человека будут полностью удовлетворяться на протяжении всей его жизни, а для этого необходимы постоянные, скоординированные усилия, а не спорадическая активность. Для этого необходима демократия, так как только план, разработанный с участием всех, может удовлетворить потребности всех.

Прямая демократия

Настоящая демократия – назовем ее прямой демократией – лучше всего работает, когда решения принимаются как можно более многочисленной группой, например, «массовыми собраниями» местных жителей или рабочих. Очевидно, что мы не можем провести массовое собрание в масштабах города, области или континента. Поэтому, хотя присутствие при принятии решения должно стать наилучшим вариантом, это не всегда возможно. А значит, любой демократический процесс должен учитывать интересы тех, кто на нем не присутствует.

Лучший способ учесть эти интересы: при назначении человека для выполнения какой-либо задачи, его специально нужно избрать для выполнения наших желаний – он должен быть «делегатом». Делегат очень отличается от «представителя», подобного сегодняшним членам парламента и профсоюзным лидерам, – от людей, у которых на протяжении нескольких лет есть полная власть делать все, что им заблагорассудится, в том числе и приказывать нам. Делегат имеет гораздо больше возможностей, чем представитель, поскольку ему можно «поручить» конкретную задачу или задачи. Это важно для тех, кто не может прийти на собрание, но хочет, чтобы их мнение было учтено. Более того, делегата можно «отозвать»: если он делает что-то, что не входит в его полномочия, его можно привлечь к ответственности, отозвать и заменить в случае необходимости.

Массовое собрание должно строиться таким образом, чтобы ни одна группа, ни один человек не доминировали в нем. Это не место для потенциальных представителей и им подобных, так как «овладение пространством» – их специализация. Кроме того, делегаты избираются свободно теми, чье мнение они должны излагать, и после этого отчитываются перед ними. Наличие отзываемых, подотчетных делегатов – это то, что делает нашу демократию «прямой». Ваш делегат – это ваша прямая

информационная связь с теми собраниями, на которые вы не ходите, и тот, кому вы доверяете двустороннюю коммуникацию.

Существует множество вариантов того, как, где и на какой основе люди встречаются, чтобы обсудить, как стоит решить ту или иную задачу. На базовом уровне рабочего места или местного сообщества общий фактор – личное знакомство с соседями и коллегами. Выше этого уровня происходит объединение различных групп. На самом деле, не так важна общая структура, как демократические методы. Участие в жизни общества, непосредственное или посредством назначения делегата, является залогом настоящей демократии, а не пропагандируемой государством и его апологетами насмешки, в рамках которой подавляющее большинство не имеет реального права голоса.

Претворяя демократию в будущем

Предположим, что ваше рабочее место – книжная типография – находится на окраине города, ваш профсоюз практически бесполезен, а ваш начальник загрязняет местную реку. В настоящее время государство от имени всех нас разрешает начальнику загрязнять реку, хотя, если бы у него был выбор, никто бы не дал никому разрешения на загрязнение. Но в этой мнимой «демократии» государство законодательно запрещает препятствовать делу, направленному на получение прибыли.

Созывается собрание, на котором вы и ваши коллеги решаете, что можно и нужно остановить это загрязнение. Вы соглашаетесь послать делегата на массовое собрание города для изложения мнения работников типографии. В вашей типографии принята прямая демократическая структура, обеспечивающая двустороннюю связь через уполномоченного делегата. Такая организация работы позволяет оградить демократию от тех, кто будет вмешиваться в нее вопреки интересам коллектива. В этом случае можно отказаться от традиционных профсоюзов. Вместо этого в типографии создается организация рабочего места, основанная на массовом собрании. Рабочие естественно и коллективно формируются в единую мощную активную массу. Вскоре подчинение начальству кажется глупым, и вы начинаете организовывать свое рабочее место сами, без начальства. Очень быстро принятие решений становится привычным делом. Планирование и важные решения обсуждаются всеми на регулярных собраниях, так что каждый является эффективной частью целого. Кроме того, все получают одинаковое вознаграждение, отгулы, привилегии и возможности, включая возможность регулярно выполнять предпочтительную работу.

Ваша типография может поддерживать связь с книжными магазинами, производителями бумаги и другими подобными организациями как в своем регионе, так и по всему миру. Таким образом, вы могли бы убедиться в том, что производимая вами продукция является ценной и необходимой, а методы производства – жизнеспособными, без негативных последствий для работников и окружающей среды. Например, сбросив с себя тяжелое бремя капиталистических отношений, вы могли бы отказаться от загрязнения местной реки.

Конечно, в настоящее время эта маленькая мечта остается лишь мечтой, и не в последнюю очередь потому, что над большинством из нас висит дуло пистолета –

миф о конкурентном рынке. Капитализм диктует, что преуспевают те, кто получает наибольшую прибыль, те, кто больше всего сокращает заработную плату и не заботится об охране окружающей среды. Поэтому, чтобы сохранить работу в типографии, нужно молчать о загрязнении окружающей среды.

Наши рабочие места и районы могут быть демократически управляемыми, но только тогда, когда мы готовы сбросить бремя в виде государства. Это общество подавляет саморазвитие в безумном стремлении к потребительскому самоубийству. Вырваться на свободу и перейти к прямой демократии – единственный способ обеспечить будущее для себя и своих детей, будущее, в котором участвуете вы, мы и все остальные, где всех принимают во внимание, это та демократия, которую мы все бы хотели.

Основы планирования

Как уже говорилось в разделе 2, анархо-синдикалисты стремятся построить общество без денег, либертарно-коммунистическое общество, в котором люди трудятся из чувства солидарности, а не за материальное вознаграждение, а блага распределяются бесплатно в соответствии с потребностями. Для построения такого общества мы предлагаем систему плановой экономики.

Планирование не нужно рассматривать как рутинную работу или скучный технический вопрос. Экономическое планирование, будучи подлинно демократическим, – это ключевая основа нового, освобожденного, предполагаемого нами социального существования. При капитализме человек подобен изолированному атому, над которым бьются неподвластные ему силы. Работа и средства к существованию, богатство и бедность – все это зависит от рыночных сил, на которые мы никак не можем повлиять. При капитализме экономика является хозяином людей. В демократической плановой экономике люди – хозяева экономики. При такой системе человек понимает роль своего труда в достижении демократически согласованных целей и задач. Присутствует понимание, что потребляемые блага и услуги являются частью общего общественного фонда, который распределяется по взаимному согласию, а не на основе конкуренции и торжества наиболее сильных.

В основе планирования лежат отношения между рабочими местами и сообществами. Рабочие места информируют сообщества о том, какими ресурсами они располагают и что они могут производить. Эта информация исходит непосредственно от самих работников, а не от какого-то непроизводящего управленца, отстраненного от реальной работы, поскольку именно работники выполняют работу и знают, что можно и что нельзя производить. Сообщества используют эту информацию для разработки плана, решение о котором принимается демократическим путем с целью дать рабочим указания по использованию имеющихся ресурсов.

Необходимо также указать, какой объем потребления должен быть у потребляющей единицы. Например, какое максимальное количество новых пар обуви может позволить себе потребляющая единица в течение года? Или максимальное количество дней заграничного отпуска? Или количество лет до того, как они позволят себе

новый комплект мебели? По возможности это добровольные «пайки», определяемые демократическим путем, но в условиях дефицита они могут стать обязательными.

Для организации такой системы «нормирования» требуется определенная изоциренность. Нет смысла выделять всем по четыре яйца в неделю. Некоторые люди не едят яиц, другие предпочли бы шесть, но без сыра, и т. д. В случае с продуктами питания речь может идти о нормировании калорийности и питательности пищи с учетом таких факторов, как возраст, рост, особые диетические и другие потребности. Люди имеют право на получение любого общего продукта питания, отвечающего этим потребностям, а не на распределение количества конкретных продуктов.

Кроме того, не все блага потребляются всеми. Действительно, все мы нуждаемся в пище и жилье. Почти всем нам нужна мебель, ковер, холодильник или иногда отпуск. Достаточно легко подсчитать, сколько таких благ необходимо людям, и распределить их соответствующим образом. Однако не всем нужна скрипка, уроки пилотирования или средства на месячную экскурсию во Внешнюю Монголию. В этом случае, прежде чем выделить кому-то конкретный продукт или услугу, человек должен доказать, что он в этом нуждается или заинтересован. Например, от человека может потребоваться убедительный рассказ о том, что он собирается делать с лицензией пилота легкого самолета после получения квалификации.

Распределение товаров может быть автоматизировано для учета каждого продукта или услуги, которые человек берет или использует, причем эта информация также хранится на карточках, которые предъявляются, когда человек хочет получить тот или иной продукт или услугу. Это делается для того, чтобы предотвратить чрезмерное потребление. Например, это позволяет персоналу общественных складов выяснить, почему человек может потребовать новую мебель через шесть месяцев после получения предыдущего комплекта.

Проблемы неэкономического характера

Эффективный план, удовлетворяющий потребности каждого, должен основываться как на экономических, так и на неэкономических факторах, представлять собой взаимодействие индивидуальных и коллективных потребностей, баланс между объективными научными фактами и субъективными чувствами и желаниями.

Экология является одним из наиболее значимых неэкономических аспектов. Необходимо учитывать влияние производственных решений на уровень загрязнения окружающей среды и экологическую систему в целом. Поэтому массовые собрания и делегатские органы должны иметь доступ к научным данным, собранным группами экологов и другими заинтересованными сторонами. Например, обязательно потребуются обсуждения и решения о переходе от двигателей внутреннего сгорания к автомобилям, работающим на водородных элементах, или о строительстве совершенно новой инфраструктуры для производства электроэнергии из возобновляемых источников. Вся экономика должна быть ориентирована на ликвидацию загрязнений.

Возьмем, к примеру, типографию у реки, где при капитализме хозяин загрязняет местную реку. После упразднения капитализма получение прибыли уходит в

прошлое, поэтому больше нет стимула производить что-то «эффективно», если это приводит к ущербу окружающей среде, превышающему стоимость произведенного. Собрание работников типографии решает, что единственным способом остановить загрязнение окружающей среды является внедрение нового экологически чистого производственного процесса. Делегаты от типографии связываются с другими предприятиями, производящими необходимое оборудование и сырье, и сообщают массовому собранию сообщества, что им требуется для продолжения работы. Это учитывается при принятии решений о распределении ресурсов и планировании экономики.

В качестве альтернативы экологи могут взять на себя инициативу и потребовать от всех типографий отказаться от использования определенных производственных процессов и химикатов. Затем типографиям предлагается установить новые экологически чистые технологии и проинформировать местное население о том, что им нужно и сколько они смогут произвести после внедрения новых технологий.

Еще одним важным моментом является благосостояние работников. Общество должно будет рассмотреть целый ряд видов работ и решить, стоит ли то, что они повышают уровень человеческого счастья, того времени и усилий, которые тратят работники. Нужно ли каждый год разрабатывать новые разновидности одного и того же продукта? Нужно ли нам так много упаковки? Действительно ли нам нужны навороченные флагманы? План должен также учитывать вопросы охраны здоровья и безопасности. Некоторые производственные процессы требуют применения опасных химикатов или вредных для здоровья методов работы. План, направленный на максимизацию производства, может иметь крайне негативные последствия для работников в виде длительного рабочего дня или стрессовых условий. Информацию о влиянии производственных решений на благосостояние работников могут собрать профсоюзы и передать на рабочие места и в местные сообщества, чтобы помочь принять решение по вопросу планирования.

Существует множество других неэкономических соображений, таких как безопасность потребителей и влияние производства некоторых видов продукции (например, автомобилей или телевизоров) на качество жизни общества.

Проблемы экономического характера

Демократическое планирование – это попытка найти такие способы использования ресурсов, как природных, так и антропогенных, которые наилучшим образом удовлетворяют потребности всех людей. Основная экономическая проблема заключается в том, что большинство экономических ресурсов – земля, капитал, машины, сырье и т. д. – имеют различное потенциальное применение. В мире, где ресурсы ограничены, важно обеспечить такое использование ресурсов, которое позволит существенно повысить благосостояние людей. Таким образом, разработка экономического плана предполагает принятие решения о том, какие проекты следует одобрить, а какие отклонить или отложить из-за отсутствия необходимых ресурсов. Некоторые социалисты утверждают, что мы живем в мире такого изобилия, что нет необходимости делать экономический выбор. Но мы также живем в мире, где

большое количество работы выполняется большим количеством людей. Для того чтобы сделать экономический вклад полезным, необходим труд. Однако одна из целей анархо-синдикалистов – сокращение рабочего времени. Иными словами, труд не будет представлен в изобилии, и неизбежно придется выбирать, что нам нужно потреблять, а что не нужно. Чтобы удовлетворить прихоти каждого человека, работники должны будут работать долго, а этого нельзя ожидать в рамках экономики, где труд доброволен.

Динамика планирования

В нашей модели демократического планирования план представляет собой перечень всех потребительских продуктов и услуг, в которых нуждается общество, в порядке их важности. Расширение производства продукции, находящейся в верхней части списка, имеет приоритет перед нижерасположенной. Согласовав список приоритетов, предприятия используют его для организации производства по собственной инициативе. Повседневная работа людей ни в коем случае не диктуется бюрократами.

Люди должны сами решать, как использовать ограниченные ресурсы для наилучшего удовлетворения своих потребностей. Если приоритетными являются жилье и учебные пособия, то на них в первую очередь и будут направлены ресурсы. Производство продукции, считающейся менее полезной, следует увеличивать только в том случае, если после удовлетворения более приоритетных потребностей остаются ресурсы.

Когда речь идет о поставках ресурсов, производители продукции, находящейся в верхней части списка, получают первоочередное право выбора. Естественно, это означает, что таким рабочим местам будет легче расширить производство, нежели тем, кто выпускает менее приоритетную продукцию. В мире, основанном на солидарности, люди будут заказывать только то, что они действительно смогут использовать для увеличения производства на своем рабочем месте, и не будут впустую перерасходовать материалы.

Возьмем, к примеру, типографию. Учебникам уделяется большое внимание, поэтому школы обращаются к большему числу издательств, которые, в свою очередь, делают заказ во все большем числе типографий. Это означает, что типография должна выполнять дополнительную работу. На другом конце города находится мебельная фабрика. Дабы сохранить лес, для деревянной мебели выставляется низкий приоритет, чтобы компенсировать эффект от печати большого количества книг. Поэтому лесопромышленники отдают предпочтение производителям бумаги, а не мебельным предприятиям. При меньшем количестве древесины у мебельщиков меньше работы, и общество будет ожидать, что мебельная фабрика побудит некоторых своих работников искать работу в других отраслях, где требуется больше рабочей силы. Работники мебельной фабрики в нашем городе могут решить пойти работать в ти-

пографию или в другое место, где требуется больше рабочей силы. Это их выбор, и они не подлежат никакому принуждению¹.

Однако просто расставить приоритеты – это еще не все. Даже если отрасль производит приоритетный продукт, мы не хотим, чтобы он поглощал все наши ресурсы, исключая все остальное. Поэтому необходимо ввести некий лимит на производство продукции. Например, общество может решить, что, хотя учебники и являются приоритетом, нет необходимости производить их более пяти миллионов в следующем году, поэтому часть ресурсов пойдет в менее приоритетные отрасли.

Расчет издержек

Приоритеты и цели – это часть разговора, но проблему распределения ресурсов мы еще не решили до конца. Придание приоритетного значения выпуску учебников – это прекрасно, но нам также необходимо иметь примерное представление о ресурсных затратах, связанных с этим приоритетом. Пять миллионов учебников в следующем году – это, возможно, идеальная цифра с точки зрения школ и вузов, но по карману ли это? Какой объем мебельного производства мы потеряем, и допустимо ли это?

Приходится разрываться между различными потребностями и желаниями людей и имеющимися ресурсами. Более того, речь идет о расчете потребностей людей, а также наличия рабочей силы, сырья и т. д. Капиталист решает, имеет ли тот или иной проект экономический смысл, просчитывая затраты и выгоды различных предложений в денежном выражении. Цены отражают три фактора: дефицит производственных ресурсов, дефицит конечных продуктов и услуг, силу покупательского спроса. Хотя система ценообразования позволяет учитывать эти факторы, она остается крайне неадекватным способом принятия решений об одобрении или отклонении проектов. Тем не менее в безденежной экономике необходимо найти замену ценообразованию.

Упрощенные ответы типа «рабочие будут производить то, что нужно людям, и всем будет понятно, что именно» не подойдут. Увеличение программы строительства жилых домов в три раза в ближайший год может показаться хорошей идеей, но люди могут одобрить ее, не понимая, сколько времени и ресурсов для этого потребуются. При этом может практически не остаться ресурсов для строительства новых школ, больниц и других зданий, необходимых местному населению. Безусловно, гораздо лучше, если стоимость ресурсов можно оценить до начала реализации проекта.

Поскольку при либертарно-коммунистической экономике стоимость ресурсов невозможно рассчитать в финансовом выражении, она рассчитывается в натуральном. Это означает, что затраты и выгоды экономических проектов рассчитываются с точки зрения их влияния на физическое наличие других товаров и услуг. Например,

¹ Это не значит, что работники неприоритетных отраслей вынуждены уходить со своих рабочих мест, потому что для них нет работы, и сообщество откажется обеспечивать их нужды. Это значит, что они могут в рамках добровольного волеизъявления вызваться работать в места, где требуются специалисты их профиля – прим. переводчика.

стоимость производства 300 новых жилых домов можно выразить через стоимость двух непостроенных больниц.

Единственный способ произвести подобные расчеты в масштабах всей экономики – это автоматизированная модель, которая может показать экономические последствия принятия того или иного набора приоритетов. Например, она может показать, каким количеством больниц придется пожертвовать, если мы захотим сделать жилые дома более приоритетными; или насколько сократится производство мебели, если учебники станут пятым номером в списке наших приоритетов, а мы произведем их пять миллионов.

Для этого модели необходима информация о том, какими ресурсами мы располагаем в целом; какие ресурсы рассеяны по рабочим местам; какой квалификации у нас имеются работники, какие рабочие места они ищут; что производит каждое рабочее место с имеющимися в его распоряжении ресурсами; и, что немаловажно, что может производить каждое рабочее место, если его ресурсы увеличатся или уменьшатся. Все это позволяет рассчитать влияние увеличения производства в одном секторе экономики для другого сектора.

В нашем примере компьютер может показать, что производство еще пяти миллионов учебников приведет к изъятию такого количества древесины из мебельной промышленности, что возникнут длинные очереди за мебелью. Компьютер может разработать альтернативный план, согласно которому будет произведено только три миллиона учебников, а потери мебели окажутся гораздо менее серьезными.

При демократической системе людям должен быть предоставлен выбор между различными схемами планирования. Использование современных компьютерных технологий может существенно помочь в этом процессе. Несмотря на то, что задача моделирования всей экономики таким образом колоссальна, современные компьютерные технологии способны решить эту задачу.

После согласования плана, представленного компьютерной моделью, больше ничего не требуется. Предприятия просто работают в соответствии с заложенными приоритетами. Лесопромышленники знают, что они должны в первую очередь поставлять древесину рабочим целлюлозно-бумажной промышленности, а не мебельщикам. Работникам не нужны точные указания компьютера, ведь план основан на прогнозах самих работников о том, что они могут сделать при том или ином распределении ресурсов. Остается только попытаться воплотить эти прогнозы в жизнь.

Разумеется, могут возникнуть проблемы, и все может пойти не так, как планировалось. Старая советская идея планирования, когда даже самые незначительные экономические действия полностью предсказываются, осталась в прошлом. Любой прогноз – это приближение, и по мере поступления новой информации модели и приоритеты должны меняться. Смысл демократического планирования заключается в том, чтобы дать людям возможность управлять этим делом, связанным с непредвиденными обстоятельствами и случайностями. Речь идет о том, чтобы обычные люди могли взаимодействовать с экономическими силами, влияющими на их жизнь, а не находиться под их влиянием.

Кто-то может возразить, что такое планирование слишком сложно, чтобы народ мог его контролировать. Список потребительских товаров и услуг, которые создает

любая экономика, исчисляется сотнями тысяч. Однако представьте себе все те бесполезные товары, услуги и работы, которые существуют сегодня и которыми мы больше не будем заниматься: ростовщичество, аренда, товары, которые не функционируют или не выполняют обещанное...

Разумеется, планируемое производство нужно представить в форме, близкой к повседневному опыту людей. Так, например, вместо того, чтобы описывать производство фруктового сока в объеме х тысяч литров на предстоящий год, гораздо удобнее использовать эквивалент потребления в неделю для типичного домохозяйства. Эти производственные показатели также станут частью системы добровольного распределения после утверждения плана, давая понять, что потребление большего количества продукта лишит его других людей и создаст дефицит.

Экономическая демократия

Правые утверждают, что экономическое планирование разбивается в пух и прах печально известным дефицитом и неэффективностью экономики стран советского блока. Однако планирование необходимо в любой экономике, разница лишь в том, что планирование в либертарно-коммунистическом обществе не подразумевает, что планы иерархически будут спускаться сверху вниз. В бывшем Советском Союзе обязательные для исполнения приказы по всем возможным видам экономической деятельности передавались из центра на отдельные предприятия. В экономике, где производилось 12 млн. различных товаров, этот процесс не мог быть эффективным. Невыгодно, чтобы центральный орган определял производство вплоть до последнего тюбика зубной пасты.

Демократическое планирование отличается и по другим важнейшим параметрам. Технологии, необходимые для демократического планирования, просто не были доступны в старом Советском Союзе, где использование компьютеров в планировании даже в 1980-х годах было ограничено из-за гораздо меньшей мощности компьютеров в то время. Не было и широкого распространения компьютерных сетей, необходимых для связи рабочих мест с центральной компьютерной системой, разрабатывающей модели планов, вплоть до распада Советского Союза.

Во-вторых, советские рабочие были частью системы, в которой на первом месте стояли потребности огромного советского военно-промышленного комплекса, а роскошный образ жизни элитной бюрократии был на втором. Рабочие не имели права голоса и получали мало пользы от своего труда. Это породило всепроникающий цинизм, поэтому они работали как можно меньше, а управленцы убеждали государство, что их предприятия могут производить гораздо меньше, чем на самом деле, поэтому плановые показатели будут легко достижимы. Они также переоценивали объем необходимых ресурсов, чтобы не было необходимости эффективно их использовать. В результате возникали и отходы, и дефицит. В подлинно демократической системе, где люди преданы своему делу, такое поведение стало бы редкостью.

Планирование в либертарно-коммунистическом обществе – это синтез местного и глобального. Его основа – солидарность, всенародное принятие решений и всеобщее участие. Оно сочетает в себе необходимость широкого обзора деятельности

экономики в целом с потребностью в инициативе и обратной связи со стороны отдельных трудовых коллективов и местных сообществ. Оно также сочетает необходимость технических систем распределения ресурсов – планирования – с необходимостью держать все под прямым демократическим контролем. В процессе работы участвуют все, а не только кучка технократов. Таким образом, это практическое средство построения подлинной экономической демократии.

Заключение

Об идеях будущего экономики можно говорить очень много. Часть из них – просто размышления, часть – более конкретные, а часть – принципиально необходимые идеи. При этом, безусловно, не существует какого-то одного истинного «проекта» либертарно-коммунистической экономики: местные сообщества и федерации сообществ будут автономны в выборе применяемых ими экономических моделей при условии соблюдения основных анархо-синдикалистских принципов. И здесь кроется главное. Если мы будем придерживаться основных ключевых принципов, то все остальное будет работать. Что это за принципы? Ну, мы уже обсуждали их довольно долго, но вот удобное изложение того, к чему мы пришли.

В то время как любая современная экономика будет сложной, простота будущей анархо-синдикалистской экономики заключается в том, что она будет определяться несколькими основными принципами. Настоящая анархо-синдикалистская экономика будет таковой, если:

1. Отсутствует механизм получения прибыли, концентрации богатства и капитала.
2. Рабочие места находятся в коллективном управлении и контролируются непосредственно и демократично работниками.
3. Любые организационные/административные органы состоят только из отзываемых, подотчетных делегатов, которые избираются на массовых собраниях по месту работы или жительства.
4. Коллективизация частной собственности (хотя, безусловно, каждый из нас имеет право на собственную жилплощадь, личное имущество и т.д.).
5. Весь труд добровольный, а блага и услуги одинаково доступны. Деньги, заработная плата и цены не существуют.
6. Широко представлено экономическое планирование, но децентрализованного характера. Региональное или более широкое планирование касается сложных и крупномасштабных видов производства. Местное производство и потребление не подлежит региональному планированию, а осуществляется на основе самообеспечения.

Экономика, функционирующая на этих принципах, гораздо более желательна и эффективна для обеспечения качества жизни, нежели нынешний капиталистический хаос. Существует множество методов, с помощью которых люди будут чувствовать стимул к добровольному труду, и существует множество различных способов функционирования местных и региональных экономик. Некоторые люди могут уехать в те регионы, которые им подходят. Некоторые экономики могут быть более про-

стыми, основанными на самообеспечении, другие – более интегрированными и производящими сложные товары. Вариантов много, но принципы гарантируют, что у каждого будет время и желание заниматься планированием и участвовать в развитии своей экономики, что значительно отличается от нынешней прогнившей, коррумпированной и циничной системы, основанной на интересах отделенных от общества людей, последствия которой мы имеем несчастье наблюдать.

Будет нелегко перейти от нынешней модели к нами рассмотренной, но человек построил капитализм, и человечество может его заменить. Коллективный акт вырывания контроля над нашей экономической жизнью из рук капитализма и есть та долгожданная революция, в которой мы так отчаянно нуждаемся. Успех модели, заменяющей капитализм, будет измеряться тем, насколько она приблизит нас к взятию судьбы в наши руки, а не просто передаче ее другой власти, как это происходило при предыдущих неудачных революциях. Реального прогресса можно добиться, не разрабатывая подробные программы (ибо в этом случае мы скатываемся к абстрактной политике и лидерству), а придерживаясь основных принципов и концентрируя наши усилия на действиях, направленных на реальные изменения. Истинная демократия требует настоящей солидарности, а это значит, что нужно договориться об основах, а затем доверить себя и все человечество делу. Главное – это придерживаться действительности.

**Франческо Далессандро. Забытая
анархическая коммуна в
Маньчжурии**

Во время Второй мировой войны известный голливудский режиссер Фрэнк Капра по заказу американских военных снял семисерийный документальный фильм «Почему мы воюем». Его целью было противостояние нацистской пропаганде и оправдание перед солдатами и гражданами США и их участия в войне.

Первый фильм цикла, «Прелюдия к войне», объясняет причину конфликта вторжением японцев в Маньчжурию в 1929–1932 гг. Однако в Маньчжурии происходили и менее известные, но не менее значимые события, о которых в фильме не рассказывается. Они также остались за рамками большинства книг и статей, посвященных истории этого региона.

В те годы в Маньчжурии противостояли друг другу японская, корейская, китайская и советская армии (последняя – при более или менее скрытом вмешательстве). Все они сражались против Армии Севера – вооруженных сил Маньчжурской анархистской коммуны, созданной в конце 1920-х годов на севере Маньчжурии. Маньчжурская коммуна была таким же революционным экспериментом, как и восстание магонистов в Нижней Калифорнии 1911 года, махновское восстание в Украине в 1918 году и Испанская революция 1936 года.

Однако важную роль, которую сыграли анархисты в этом великом социальном эксперименте, слишком часто игнорируют или преуменьшают.

На протяжении столетий Маньчжурия была прибежищем для эмигрантов и изгнанников из Кореи, России, Китая, Японии, Вьетнама и Филиппин.

В 1910 г. японское правительство начало аннексию Кореи. Многие корейцы бежали в Маньчжурию, среди них было много анархистов, которые вели активную деятельность в эмигрантских общинах.

К середине 1920-х гг. корейские изгнанники создали три автономных самоуправляющихся района: Чонген, Чанрен и Синмин, – регионы, свободные от японского присутствия, китайских военачальников и местных маньчжурских феодалов.

Они развивались независимо от правительств и военачальников в течение нескольких лет благодаря сочетанию таких факторов, как активность местного населения, слабость китайского государства, удаленность Японской империи и пересеченность горного рельефа.

Для борьбы за независимость от Японии и защиты освобожденных территорий от врагов в районах были сформированы военные силы самообороны – Армия независимости Кореи (Армия Севера). Во главе Армии Севера стоял генерал Ким Чоджин (или Ким Чва Чжин). Ким принадлежал к числу тех, кто с отвращением относился к японской колонизации Кореи и оказывал ей яростное сопротивление.

В 1920 г. он вступил в партизанскую Армию независимости Кореи (АНК), где проявил себя как лидер в борьбе с японскими войсками. В это же время его привлек к анархизму его родственник Ким Чен Чжин.

В 1925 году корейские анархисты предложили партизанам во главе с Ким Чва Чжином, Ким Хеком и Но Хо Чхве Чжон Со и другими создать в районе Синмин в Маньчжурии независимое самоуправляемое Новое народное общество. Партизаны приняли это предложение и начали работу по его реализации.

С самого начала в проекте участвовали многие анархисты, в том числе Ким Чо-анн и Чхоун Син. Проект быстро завоевал поддержку большого числа местных крестьян и рабочих, поскольку был основан на самоорганизации.

Среди анархистов Ким Чо Чжин стал известен как корейский Махно, поскольку, подобно украинскому борцу за анархию, сочетал военные навыки с преданностью делу создания независимых, самоуправляемых производственных и потребительских кооперативов и объединений самообороны, основанных на принципах личной свободы и социального равенства рабочих и крестьян.

Крестьянам и рабочим предлагали и помогали создавать свои системы самоуправления и экономического сотрудничества, а также необходимые организационные структуры. Они создали коммуну, которая, как они надеялись, станет опорой освободительной революции с упором на автономию в контексте сотрудничества между людьми, обладающими различными производственными возможностями.

Целью коммуны было построение кооперативного хозяйства: улучшение работы и управления фермерскими хозяйствами; коллективная торговля; создание обществ взаимопомощи и других необходимых людям организаций.

Кроме того, развивалась культурно-просветительская деятельность путем основания начальных и средних школ, способствующих индивидуальному и общественному развитию необходимых ручных навыков и интеллектуальных знаний.

В 1929 г. район Синмин был переименован в Ассоциацию корейского народа в Маньчжурии. Решения и низовые инициативы исходили из сельских ассамблей, которые направляли делегатов на общерайонные и федеральные конференции.

В районе существовало восемь специализированных департаментов: самообороны, сельского хозяйства, образования, финансов, пропаганды, молодежной политики, здравоохранения и общих дел. Делегаты всех уровней были обычными крестьянами и рабочими, чья официальная зарплата была такой же, как и у других работников. За время работы в административных органах они не получали никаких новых привилегий.

Ха Ки Рак, корейский историк анархизма, пишет, что Корейская анархо-коммунистическая федерация рассматривала эти структуры как укрепляющие анархистские идеалы: «Каждое собрание разрабатывает порядок обсуждения того, как планировать бюджет общины, и утверждает баланс по принципу: от каждого по способностям и каждому по потребностям».

Коммуна смогла распространиться на соседние районы, такие как Хэйлунцзян (река Черного Дракона), и стала включать в себя треугольную территорию, ограниченную с востока рекой Амур, с запада – долиной реки Сунчанхо, с юга – дорогой на Харбин-Хуньчунь. Ее площадь составляла 13,5 тыс. кв. миль, на которых проживало около 2 000 000 человек.

Однако к началу 1930-х годов положение Коммуны стало ухудшаться. Японское правительство ввело в Маньчжурию 35 тыс. императорских войск и в 1931 г. установило марионеточное правительство Маньчжоу-Го.

В то же время корейская коммунистическая партия, руководимая из Москвы, начала внедряться в Коммуну и систематически убивать ее анархистских лидеров. Ким Чва Чжин был убит в январе 1930 года.

Японская армия, северокорейская коммунистическая армия, лазутчики компартии и часть китайских войск окружили Коммуну снаружи и изнутри и в конце концов уничтожили ее.

Большинство оставшихся в живых анархистов скрывались, но продолжали вести партизанскую войну во время Второй мировой войны. После окончания войны в 1945 г. анархисты подверглись репрессиям как в Северной, так и в Южной Корее. Тем не менее традиции анархизма вновь вдохновляют радикалов на полуострове.

Хотя за последнее десятилетие было опубликовано несколько книг и статей, посвященных этому важному революционному эпизоду, необходимо провести гораздо больше исторических исследований о нем, поскольку он представляет собой существенную часть анархической истории борьбы за освобождение и радикальных движений XX века.

Знание такой истории может помочь нам представить новые способы сопротивления элитам, пытающимся перекроить мир и наше сознание в угоду собственным интересам.

**Авраам Гильен. Анархономика.
Экономика испанских вольных
коллективов 1936–39**

Введение

Испания имеет особое историческое значение для мирового анархического движения. Количество и объем публикаций, посвященных гражданской войне в Испании и революции 1936–9 годов, постоянно увеличивается. Это вполне объяснимо, поскольку этот период является одним из самых интересных в нашем столетии и важнейшим в истории революций. То, что анархисты должны были много писать на эту тему, также понятно, поскольку для анархистов и синдикалистов Испания и 1936 г. представляют собой наиболее последовательные и масштабные изменения, осуществленные в ходе исторического процесса под влиянием и под руководством антиавторитарной и антигосударственной идеологии. Испания в значительной степени стала главным вдохновением и подтверждением того, что идеалы анархизма в самом деле можно воплотить на практике посредством революционных действий синдикалистских профсоюзов. Испанский опыт двух-трех лет революционного общества, в котором рабочие пытались создать новую жизнь, основанную на солидарности, взаимопомощи и свободе, затмевает другие анархические начинания, такие как вдохновленные анархистами лозунги русской революции 1917 года, призывавшие отдать «землю – крестьянам, фабрики – рабочим»¹, движение фабричных комитетов в Италии в 1920 году или Кронштадт 1921 года.

Тем не менее несмотря на то, что Испания и 1936 год вызвали широкий спектр обсуждений и публикаций, мало что написано об экономике этой революции, в ходе которой сотни коллективов были созданы революционным рабочим классом в городах и деревнях, действуя под влиянием Национальной конфедерации труда (НКТ), синдикалистского профсоюза.

Анархисты в Испании вели оживленные и сложные дискуссии о будущей организации экономического управления обществом, которое должно было возродиться из пепла старого. В конце концов, особенно благодаря силе синдикалистских идей в Испании с начала 1900-х годов, на анархистских конференциях была выдвинута и одобрена концепция свободного муниципалитета, во многом схожая с первоначальными идеями Бакунина об организации экономики.

В данной брошюре, написанной на основе текстов, взятых из третьей и пятой глав книги анархиста-экономиста Авраама Гильена «Свободная экономика» (1988 г., Fundacion de Estudios Libertarios, Bilbao), автор анализирует принятие этих идей и их утверждение на съезде НКТ в 1936 г., предшествовавшем июльскому восстанию, в результате которого половина Испании оказалась под контролем фашистов. Анализируя эти идеи в целом и рассматривая некоторые анархические коллективы, созданные в 1936 г., он оценивает успешность этих экспериментов, составлявших

¹ Правильнее будет, однако, сказать, что лозунг «землю – крестьянам, фабрики – рабочим» принадлежит в первую очередь эсерам, в дальнейшем его присвоили как большевики, так и анархисты – прим. переводчика.

образ жизни тысяч людей на протяжении трех лет, и делает выводы о том, какие улучшения произошли в повседневной жизни.

Гильен показывает, что коллективы в Арагоне, на северо-западе Испании, которых насчитывалось около 500, смогли организовать новый экономический и социальный порядок, который был гораздо более рациональным, эгалитарным и демократическим, нежели прежние капиталистические структуры. Коллективы были созданы после провала фашистского восстания 19 июля 1936 г., и их успех быстро распространился по «свободной» Испании, которую не успели захватить националистические силы Франко.

Несмотря на кажущуюся «спонтанность», их создание и организация были во многом обусловлены многолетней подготовкой испанских анархистов на идеологическом и практическом уровне. Это не только свидетельствует о стойкости и ясности этих идей в анархическом движении, но и является еще одним подтверждением того, что анархические идеи часто подхватываются рабочими вне профсоюзов в периоды потрясений и с перспективой построения более эгалитарного общества. Сам факт того, что идеология анархизма стала путеводной звездой революции 1936 года, позволил создать одну из самых масштабных и коренных в отношении преобразования революций, если не самую масштабную. Непосредственность достижений и перемен еще раз доказывает, что революционные и не очень революционные рабочие могут осуществить революционное преобразование общества только при отсутствии всеохватывающей, доминирующей политической партии, которая только подавляет обсуждения и действия. Революционные рабочие и промышленный пролетариат знали, что означает поражение националистического восстания, и не ждали никаких директив, чтобы взять в свои руки фермы и фабрики.

Такая активность и концепция революционной ситуации явно контрастировала с ролью Испанской коммунистической партии, которая делала все возможное, чтобы лишить коллективы престижа и ресурсов, утверждая, что время для революции еще не пришло. Ортодоксальные марксисты сетовали на то, что рабочие не готовы, что сначала необходимо пройти все механистические этапы на пути к «социализму». Разумеется, эти слова произносились в то время, когда рабочие брали судьбу в свои руки, обходя стороной необходимость создания революционной партии.

Гильен демонстрирует ограниченность государственного социализма и марксизма-ленинизма, ставящих интересы партии и государства выше интересов тех, кого они претендуют представлять. Однако эта брошюра не является полностью хвалебным изложением деятельности синдикалистов во время испанской революции. Гильен не ограничивается рассказом о положительных сторонах деятельности анархических коллективов. В конце главы он обсуждает некоторые ошибки анархистов, связанные с недостаточным пониманием ими проблем, возникающих в революционной ситуации в связи с вопросом о политической власти.

Признавая, что синдикалисты всегда понимали необходимость разрушения государственной власти и ее размежевания, он отмечает, что НКТ не до конца продумала этот вопрос, так как было создано мало альтернативных структур для замены государства и его политического аппарата. Он указывает на тот факт, что, хотя НКТ эффективно удерживала власть на экономическом и социальном уровне, она игнори-

рвала вопрос о политической власти и распахнула двери для контрреволюционных элементов, которые захватили государственный аппарат и использовали его против свободной коллективной структуры, созданной революционным рабочим классом.

Для того чтобы исправить этот тактический просчет, он предлагает создать самостоятельную «самовластную» структуру или структуру расширения возможностей. Этот термин «авто-власть» в тексте переведен как «социальная власть», что, по мнению переводчиков, лучше всего выражает идеи, заложенные в оригинальном термине Гильена. Эта «власть» явно отличается от власти церкви, государства или партии. Анархисты и синдикалисты стремятся к уничтожению власти, но в то же время они не хотят не иметь никаких полномочий; другими словами, они хотят распыления власти, ее разделения, чтобы никто не имел власти над другими, но при этом все могли сохранять свою свободу и свободу других. Это их конечная цель, которой и посвящена эта небольшая брошюра.

Переводчики хотели бы поблагодарить многих людей, участвовавших в создании этой брошюры: многочисленных членов Движения прямого действия (DAM), высказавших свои замечания по тексту, и особенно секции DAM-IWA Манчестера и Норвича. Мы надеемся на успех изданий La Presa, недавно созданной Лиги промышленного синдикалистского образования и реализацию целей Международной ассоциации трудящихся (IWA) вместе с этой брошюрой.

**Ричард Клеминсон
и Рон Марсден
Июль 1992 г.**

Самоуправление в сельском хозяйстве, промышленности и коммунальных службах

Испанский анархо-синдикализм с самого начала своего существования принял первоначальную программу не только требований заработной платы, права на труд, улучшения условий труда, но и воплощения либертарного коммунизма. До 19 июля 1936 г. анархисты провозгласили анархическую социальную революцию во многих местах Испании, таких как Касас-Вьехас, Альто Льобрегат, Хихон – в районах, где было много анархо-синдикалистов. Во всех этих деревнях и городах были сожжены реестры собственности, отменены деньги, а либертарный коммунизм стал реальностью.

В Испании во время революции 1936–9 гг. либертарные коллективы контролировали собственное производство и излишки, управляемые комитетами самоуправления, где собрания гарантировали прямую демократию. В каждом секторе были созданы комитеты и назначены делегаты, которые действовали независимо от государства в условиях полной свободы. Никого не обязывали оставаться в либертарном коллективе. Любой человек мог выйти из коллектива по своему желанию, в то время как в СССР при Сталине крестьяне не могли выйти из колхоза и были привязаны к нему, как новые крепостные. Но самое главное в либертарных коллективах Испании – это то, что они были не утопическими, а вполне реальными, поскольку добились без всяких авторитарных структур роста производства и улучшения инфраструктуры. И это несмотря на то, что во многих из них, особенно в Арагоне, на фронт было мобилизовано до сорока процентов рабочей силы, т. е. самый молодой сегмент.

Революционные цели НКТ

НКТ четко изложила концепции либертарных коллективов и фабричных комитетов как способов самоуправления и самоорганизации общества без деспотичного и эксплуататорского государства. Эти вопросы были рассмотрены в ее непосредственной программе на Сарагосском конгрессе в мае 1936 года.

Для испанских анархо-синдикалистов профсоюз не был институционализированной структурой, как социал-демократические или христианско-демократические профсоюзы, а рассматривался как инструмент восстания, которое должно привести к социальной революции и установлению либертарного коммунизма. Что касается организации нового общества после победы революции, то первыми мерами, согласно конгрессу 1936 года, должны быть:

- После завершения насильственной фазы революции будут ликвидированы частная собственность, государство, принцип власти, а значит, и классы, делящие людей на эксплуатируемых и эксплуататоров, на угнетенных и угнетателей.
- Как только богатство будет социализировано, организации свободных производителей возьмут на себя непосредственное управление производством и потреблением.
- Как только в каждом населенном пункте будет создана либертарная коммуна, в действие вступит новый социальный механизм. Производители всех профессий и специальностей, объединившись в профсоюзы на рабочих местах, будут сами определять, в какой форме им их организовать.
- После создания либертарной коммуны все, что принадлежит буржуазии, будет экспроприровано: продукты питания, одежда, сырье, инструменты и т.д. Эти предметы должны быть переданы производителям, которые смогут непосредственно распоряжаться ими в интересах коллектива.

Это соответствует идее Бакунина о двуединой социалистической федерации.

Одна часть будет представлять собой самоуправляемый орган, заменяющий государство, другая – коллектив, организованный по отраслевому признаку или по признаку предоставляемых услуг. Объединение этих двух частей, организованное по принципу «снизу вверх», составит Общественный (или Национальный) Совет Экономики. Таким образом, будет упразднено классовое буржуазное или демократическое государство.

Сарагосский конгресс высказался по поводу организации федералистского либертарного социализма следующим образом:

«Ассоциации промышленных производителей, а также ассоциации сельскохозяйственных производителей будут объединяться на национальном уровне, если Испания является единственной страной, где произошли социальные преобразования, и если это будет сочтено выгодным для наилучшего развития экономики. Таким же образом, если это будет необходимо, службы будут объединяться в соответствии с теми же принципами, чтобы обеспечить потребности либертарных коммун.

Мы полагаем, что со временем новое общество сможет обеспечить каждую комму-ну всеми сельскохозяйственными и промышленными продуктами, необходимыми для автономии, в соответствии с биологическим принципом, который гласит, что наиболее свободный человек – в данном случае, наиболее свободная коммуна – это тот, кто меньше всего нуждается в других.

Мы считаем, что наша революция должна быть организована на чисто эгалитарной основе. Достижения революции невозможно завоевать только за счет взаимопомощи или солидарности. Мы должны дать каждому человеку то, что ему необходимо, с единственным ограничением, которое накладывает вновь созданная экономика».

Испанские либертарные коллективы свободно распределяли между коллективистами-земледельцами то, что было в изобилии, но нормировали то, чего не хватало, сохраняя даже в условиях дефицита экономическое равенство между всеми, без вопиющего неравенства буржуазно-бюрократического общества.

О принципах обмена продуктами в либертарном обществе НКТ поведала, как может работать механизм обмена:

«Как мы уже говорили, наша организация основана на принципе федерализма, что гарантирует свободу личности в группе и коммуне. Она также гарантирует свободу федерации в конфедерации.

Мы начинаем с индивидуума и переходим к коллективу, гарантируя тем самым неприкосновенное право человека на свободу.

Жители коммуны обсуждают затрагивающие их внутренние проблемы, такие как производство, потребление, образование, гигиена и все, что необходимо для ее морального и экономического развития. Когда проблема затрагивает целый округ или провинцию, федерация должна прийти к решению, и на собраниях и ассамблеях, которые проводит федерация, должны быть представлены все коммуны. Их делегаты будут отражать ранее принятые решения коммун».

Таким образом, прямая демократия заменяет обычную, косвенную, парламентскую, буржуазную или бюрократическую демократию, а народ становится хозяином своей судьбы, получая возможность осуществлять социальную власть в политической сфере и самоуправление в экономической. Таким образом, федерализм и социализм соединяются, чего не произошло в марксистско-ленинском Советском Союзе, где бюрократический централизм и правящий класс государства посредством экономического тоталитаризма задушили свободу и непосредственное участие людей. Там никто не был свободен, кроме верховного диктатора, все остальные были подданными всеобъемлющего государства.

Пока рабочий класс не будет контролировать сельское хозяйство, промышленность и сферу услуг, он никогда не будет свободным. Если государство забирает себе все и контролирует продукты наемного труда, то возникает эксплуататорская система, при которой государство наживается на рабочих. Против этого централистского принципа производства государством испанские анархо-синдикалисты на Сарагосском конгрессе заявили следующее:

«Для обмена продуктами между коммунами Советы коммун будут координировать свои действия с региональными федерациями коммун и с Конфедеральным советом по производству и потреблению с целью определения потребностей.

Благодаря координации, установленной между коммунами и Советом по производству и статистике, эта проблема упрощается и решается.

В самой коммуне производственные карточки будут выдаваться ее членам цеховыми и фабричными советами, что позволит всем членам покрыть свои потребности. Производственную карточку будут ограничивать следующие два принципа: 1) она не подлежит передаче; 2) принят порядок, при котором стоимость работы, выполненной по дням, заносится в карточку, и срок действия не превышает двенадцати месяцев.

Советы коммун будут выдавать производственные карточки населению, занятому в производстве».

Таким образом, была создана интегрированная самоуправляемая система производства и распределения. Здесь блага и услуги контролируют не государство, а трудящиеся.

Структура занятости

До создания либертарных коммун труд земледельцев в основном делился по половому и семейному признаку. При этом сохранялся неразвитый или натуральный тип сельского хозяйства, поскольку семьи потребляли большую часть своей продукции. Когда индивидуальная мелкая собственность превратилась в общественную, труд стал распределяться на гораздо более рациональной основе. Социалистическая либертарная революция стала тем технологическим, экономическим и социальным средством, с помощью которого можно было изменить старые устаревшие структуры испанской сельской местности. Механизация не была внедрена в этот сектор экономики, где трудилось 52% активного населения. Производительность труда на гектар была низкой, поскольку большинство работ выполнялось с помощью мулов и простейших инструментов; редко можно было увидеть трактор или современные сельскохозяйственные орудия.

По мере перехода индивидуального богатства в коллективную собственность в результате изменения социально-экономических и правовых структур менялось общественное разделение труда в каждой семье и во всем сельском обществе. Либертарные коллективисты не до конца осознали характер великой революции, которую они фактически совершили, показав тем самым всему миру, что создание либертарного коммунизма – это проблема действия, а не излишнего теоретизирования кабинетных социалистов-интеллектуалов или бюрократических коммунистических лидеров.

В Хативе, например, преобразование частной собственности в коллективную, управляемую непосредственно рабочим классом, а не навязываемую государственными управленцами, привело к революционным изменениям в разделении труда, объединив все отрасли производства, социальные и общественные службы города, насчитывавшего в 1936 году 17000 жителей. Около 3 тыс. человек были членами НКТ. Это показывает, что образованное активное меньшинство может вдохновить большинство на революционные экономические, социальные и политические изменения.

Когда 16 января 1937 г. был создан либертарный коллектив Хативы, правила, разработанные и согласованные с земледельцами, были гораздо более социальными, нежели любая социалистическая модель, разработанная интеллигенцией. Например, в положении 10 договора труд и различные культуры были распределены по следующим разделам: статистика, удобрения, семена и новые культуры, орошение, фумигация и болезни культур, кооперативные склады, скот, птица и пчелы, инструменты и машины, консервы и консервация, заработная плата, пастбища, транспортировка продукции и сбыт, организация производства и техническое руководство распределением и организацией труда.

Все это осуществлялось через специальные секции и комиссии, в которых работники принимали непосредственное участие, не перепоручая работу другим, а выполняя ее каждый час и каждый день самостоятельно. Таким образом, осуществлялось практическое и разностороннее самоуправление.

Коллектив Хативы, согласно положению 11, на суверенном собрании избирал президента, секретаря и казначея. Кроме того, от каждой секции или комиссии избирался представитель. Все эти должности были выборными, и представители могли быть отозваны по желанию членов. Кроме того, члены комиссий не становились бюрократами; они должны были выполнять ту же работу, что и все остальные члены, за исключением тех случаев, когда они были заняты своими делами в комиссиях.

В дополнение к этому разделению на сельскохозяйственное и животноводческое производство в коллектив Хативы были вовлечены также многие местные ремесленники, интеграция которых позволила добиться большей организованности труда в районе. Самоуправление было достигнуто не только на уровне фабрики, но и всего города, что является уникальным явлением, поскольку ничего подобного не существует ни в СССР, ни на других восточных территориях.

Огромная заслуга коллектива Хативы состоит в том, что добровольно, без всякого принуждения, владелец завода по производству оливкового масла, являвшийся крупным представителем местной буржуазии, стал членом коллектива вместе со своей семьей и передал коллективу все свое состояние. Один из его сыновей, также весьма привилегированный при старой системе, передал коллективу все свои деньги вместе с деньгами своей жены. Наконец, секретарь коллектива, буржуазного происхождения, также передал коллективу все свои деньги и имущество. Это говорит о том, что либертарный коммунизм является прогрессивной системой, поскольку он воплощает в себе общественную мораль, соответствующую общим интересам, и позволяет в полной мере воплотить принципы прямой демократии, самоуправления, свободы и достоинства человека.

Коллективная модель Хативы в большей или меньшей степени была распространена в Арагоне, Валенсии, Мурсии, Кастилии и даже в Стране Басков, где правительство было скорее буржуазным, нежели революционным, и в которое анархисты отказались входить.

В Астурии, Каталонии и некоторых районах Страны Басков в промышленных районах самоуправление рабочих осуществлялось в форме совместных комитетов ВСТ (социалистический профсоюз) и НКТ.

Теперь рассмотрим, как именно проходила коллективизация, на примере. Граус, небольшой городок с населением 2600 человек в 1936 году, стал свидетелем яркого эксперимента либертарного социализма, начавшегося 16 октября 1936 года. Здесь социализация была более масштабной, чем в Хативе, поскольку затронула не только землю, но и торговлю, транспорт, полиграфию, производство обуви, пекарни, аптеки, слесарное и кузнечное дело, колесников, плотников и столяров-краснодеревщиков.

Коллектив Грауса самостоятельно управлял 90% сельскохозяйственного и ремесленного производства, а также сферой услуг. Комиссия по самоуправлению состояла из восьми членов. Шесть из них отвечали за следующие отрасли: культура и здравоохранение (театр, школы, спорт, лекарства и врачи); труд и расчеты (кадры, зарплата, кафе, трактиры, счета и поставки); торговля, уголь, удобрения, склады; сельское

хозяйство (посевы, ирригация, фермы, скот); промышленность (заводы, мастерские, электричество, вода, строительство); транспорт и связь (грузовики, телеги, такси, почта, гаражи).

Перед нами великолепный пример местного самоуправления или, точнее, самоуправления в действии. В Граусе люди жили за счет сельскохозяйственного, промышленного и ремесленного производства, а также коллективизированных услуг. В какой-то мере Граус был коммуной в понимании Бакунина, как народное самоуправление, пришедшее на смену паразитическому деспотическому государству.

Самоуправление такого общественного разделения труда на сельскохозяйственный, промышленный и обслуживающий секторы велось следующим образом: каждый цех посредством собрания назначал представителя для участия в работе Промышленного секретариата. Таким образом, счета каждого промышленного сектора появлялись в реестре коллектива. Так, появились следующие отрасли: питьевая вода, нефтепромышленность, лесопильные заводы, производство шоколада, колбас, спиртных напитков, электричество, ковка железа, трактиры и кафе, типография, производство ламп, строительных материалов, швейных машин, производство носков, добыча гипса, пекарни, мастерские портных, производство стульев, ткацкие мастерские, велосипедные мастерские, производство кожаных изделий и другие отрасли.

Самое главное здесь, вместо того чтобы описывать процесс, что уже было сделано в других работах, – оценить либертарно-социалистический эксперимент в Граусе, структура которого была в той или иной степени применена ко всему анархическому Арагону. Оценивая этот примечательный эксперимент, который на первый взгляд может показаться утопичным, мы видим, что с точки зрения объективной экономики он представляет собой наиболее близкую к действительности попытку социализма, объединяющую первичный, вторичный и третичный секторы, в отличие от капитализма, где они не интегрированы. Таким образом, создавалась интегрированная экономика с рациональным разделением труда, поскольку каждый сектор был взаимозависим от других. Таким образом, формировалась самоуправляемая система, в которой блага, продукция и услуги обменивались в соответствии с их реальным соотношением «труд – стоимость».

Впервые была выстроена экономика, обеспечивающая полную занятость. Этого удалось достичь не путем технократических или буржуазных финансовых манипуляций, а путем конкретного самоуправления и социализации средств производства и обмена. Либертарный социализм гарантировал занятость, поскольку рабочая сила свободно перемещалась во всех секторах коллектива Грауса.

На другом уровне тот факт, что производство продуктов первичного сектора (животноводство, рыболовство, добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, леса) было интегрировано в переработку, транспортировку и распределение этих продуктов, означает, что как национальному, так и международному капитализму можно эффективно противостоять. Это связано с тем, что производство может осуществляться с постоянно снижающимися издержками, чего не может сделать капитализм, разделенный на банковский, торговый и промышленный секторы. В экономической сфере *полная занятость в коллективе Грауса была возможна при снижении издержек производства и росте потребления. Таким образом, либертар-*

ный социализм не испытывает циклических экономических кризисов капитализма и кризисов перепроизводства бюрократического социализма. Это дает возможность гармоничного развития различных секторов экономики, объединенных в общий Экономический совет, образованный федерациями производства и услуг.

В 1936 году в сельском хозяйстве было занято более пятидесяти процентов активного населения Испании. Если бы в то время была проведена широкая механизация сельского хозяйства, как можно было бы обеспечить полную занятость сельского населения? Если бы каждый сельскохозяйственный рабочий, вместо того чтобы производить продукты питания для своей семьи и еще немного для национального рынка, дабы обмениваться необходимыми продуктами и услугами, мог бы с помощью механизации производить продукты питания для ста человек, то этот, казалось бы, сложный вопрос можно было бы решить в рамках анархической экономики по следующим причинам:

- в сельскохозяйственном производстве будет задействовано меньшее количество аграриев, но при этом будет производиться больше продукции. Это не приведет к безработице, так как все, кто не занят в одном секторе, перейдут в другой.
- чем выше производительность труда в сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг, тем меньше должно быть рабочее время, и по этой причине поддерживать полную занятость возможно.

При либертарном социализме, поскольку труд является правом и обязанностью каждого, всегда найдется работа для всех. Мы могли бы трудом и заботой улучшать природу, а не уничтожать ее, как это делается при капитализме, которому все равно, загрязнять ли реки, моря, землю и воздух, лишь бы одни капиталисты получали конкурентные преимущества перед другими. В самом деле, только либертарный социализм освободит людей от цепей капиталистов, от эксплуатации и господства западной буржуазии и восточных бюрократий.

Активное участие и членство

В тех районах Испании, где либертарное движение имело большинство сторонников, например в Арагоне и Каталонии, основными методами были коллективизация земли и самоуправление в промышленности и сфере услуг. Либертарный социализм сменил капитализм.

Однако все, что рабочие сделали снизу, заменив капиталистический порядок либертарным социализмом, противопоставлялось государству сверху. Государство пыталось блокировать инициативы и противостоять либертарному социализму, изолируя банковскую и кредитно-денежную системы, чтобы затруднить ввоз товаров первой необходимости в созданное анархистами самоуправляемое общество. Главная ошибка анархистов заключалась в том, что они не создали национальную структуру социальной власти, противопоставленную государственной, взамен старого эксплуататорского и деспотического государства, в котором прочно укрепились мелкобуржуазные социалисты, лояльные к СССР, и сталинисты. Либертарный социализм не был новой экономической, социальной, политической, судебной, культурной и коммуникационной системой в национальном масштабе. В результате многие либертарные коллективы были уничтожены солдатами большевистского командования Энрике Листера при вступлении в Арагон в июле 1937 года.

Если либертарный социализм не пойдет «до конца», как говорил Гарсиа Оливер, если он позволит буржуазному государству сосуществовать над ним в дополнение к надстройке капитализма, то победа никогда не будет окончательной, а всегда будет преходящей. Старый режим может вернуться в любой момент, когда государство захочет развязать буржуазную или бюрократическую контрреволюцию. Именно так поступили просоветские социалисты и коммунисты, буржуазные республиканцы и баскские демократические христиане, когда в мае 1937 года разразилась «революция внутри революции».

Либертарный социализм нельзя бросить на полпути, выстраивая с июля 1936 года самоуправление в Арагоне, Каталонии и Валенсии и позволяя государственной власти вновь утвердиться на остальной территории революционной Испании. Кроме того, если этот шаг по созданию самоуправления не сделать сразу, дабы не вызвать противоречия в Народном антифашистском фронте, то его можно сделать постепенно, создав основные повстанческие партизанские силы там, где НКТ имела большую численность, например, в Андалусии. Если бы постепенно были созданы два партизанских фронта: один – перед франкистскими войсками, другой – позади них в националистической зоне, то войну и социальную революцию можно было бы выиграть одновременно. Только такой революционный стратегический план мог позволить либертарному рабочему контролю заменить реакционное государство, либеральную буржуазию, идеологию реформистского социализма и бюрократического большевизма.

Как бы то ни было, испанские анархо-синдикалисты, не имеющие везде влияния, совершили революцию в тех регионах, где у них были многочисленные сторонники, и показали всему миру, что рабочие, освободившись от капиталистов и профессиональных политиков, могут осуществить революционное преобразование общества. Революцию не коммунистов-бюрократов или реформистов-социалистов, где все вроде бы меняется, а на самом деле все остается по-прежнему, когда на смену буржуазии приходит «коммунистическая» бюрократия, а на смену буржуазному государству – бюрократическое «коммунистическое» государство.

Несмотря на ограничения, испанские анархо-синдикалисты создали либертарные коллективы, в которых средства производства и обмена были социализированы, причем управление ими осуществлялось непосредственно трудящимися, а не навязывалось государством. Экономические излишки также распределялись самостоятельно. Кроме того, в отличие от СССР, работники коллективов вознаграждались одинаково, и это не влекло за собой падение производительности труда и отсутствие инициативы. Буржуазия и бюрократия считают, что если не будет большой разницы в оплате труда, то пропадет инициатива и интерес к росту производства. Эта идея оказалась ложной в отношении испанских либертарных коллективов, где солидарность между коллективистами обеспечила удовлетворительное функционирование самоуправления.

В рамках этой системы все продукты труда достаются производителям. Но испанские коллективисты не были нерациональными потребителями. Они вложили в экономическое и технологическое развитие больше капитала, нежели при старом режиме, и не просто усилили старую функцию капитала, а добились большей производительности труда в расчете на одного работника. Только так достигается прогресс, т. е. люди могут жить сейчас и в будущем лучше, чем в прошлом.

Равное распределение на коллективной основе

Марксизм-ленинизм с его социалистической идеологией и неокapиталистической экономикой с государственными средствами производства делает упор на национализацию производства, но не на его социалистическое распределение. Поэтому если социализм ограничивается «коллективизацией» или национализацией средств производства, но при этом сохраняет остаточный и неравноправный капитализм, то он скоро станет просто другой формой капитализма. Советский социализм был дискредитирован, поскольку генералы армии, академики, бюрократы и немногочисленные представители «номенклатуры» потребляют гораздо больше, чем неквалифицированный рабочий-промышленник или аграрий. В результате без эгалитарной экономической этики не может быть социалистического распределения общественного богатства, даже если в местах производства существует явный социалистический порядок.

Некоторые утверждают, что если бы существовало экономическое равенство, т.е. если бы все получали равную заработную плату, то это отбило бы у человека интерес производить больше. Утверждается также, что чем больше экономическое равенство, тем меньше будет общественное накопление капитала. Все это – часть экономической идеологии западной буржуазии или восточной бюрократии. Чем больше равенства между людьми, тем уже в силу одного этого факта то, что не потребляется привилегированными классами, будет сберегаться и накапливаться. Мы увидели это в испанских либертарных коллективах, где потребление было равным, а инвестиции улучшали сельскохозяйственную инфраструктуру, увеличивали площадь обрабатываемых земель, создавали общественные службы, улучшали образование и развивали другие отрасли экономики.

В Арагоне нашла свое воплощение реальная, а не утопическая форма либертарного социализма. Модель распределения материальных благ не была идентичной, но в целом она основывалась на семейном заработке, который обычно выплачивался чеками, а покупательная способность соответствовала новой экономике. Несмотря на то что местная валюта была стабильной, она не была легальной на всей территории страны, поэтому либертарные коллективы использовали национальную валюту для поездок за ее пределы. Это делалось для того, чтобы не ограничивать экономическую или физическую свободу человека, если он захочет путешествовать или жить в другом месте.

Что касается «провизионной карточки», то либертарный коллектив Алькориса создал семейную потребительскую карту, которая практически эквивалентна кредитной карте и по которой потребительские товары заказываются по балльной системе. Если мясо оценивалось в 100 баллов, а потребитель не хотел мяса, то ему давали

другой продукт, равный по стоимости. Таким образом, в рамках либертарной экономики установился закон обмена и стоимости. У потребителя было больше свободы в отношении предлагаемых на рынке товаров. И если местная продукция не могла удовлетворить потребителя, то коллектив через свой совет или соответствующую секцию получал на основе равноценного обмена необходимые товары и услуги. Таким образом, в Арагонской региональной федерации коллективов действовала система экономического федерализма.

Если бы испанская революция победила, то либертарно-социалистическая модель коллективов оказалась бы гораздо более эффективной в накоплении общественного капитала, в производственных инвестициях, в рациональном использовании ресурсов, в региональной, национальной и международной торговле, нежели советская система, которая после семи десятилетий марксизма-ленинизма не может прокормить собственное население, не импортируя зерно из стран ЕС и США в огромных количествах.

Тот факт, что либертарные коллективы накопили большой социальный капитал, объясняется позитивным управлением экономикой и использованием талонов или карточек, которые удовлетворяли потребности семей и оставляли местному коллективу или региональной федерации задачу управления производством, распределением, обменом и потреблением. Если никто не может накапливать капитал, чтобы эксплуатировать других, то все экономические излишки коллектива рационально и равномерно направляются на создание резервов на случай неурожайного года или на увеличение капитала с целью инвестиций и создания более совершенных технологий производства при использовании более совершенной техники. Таким образом, объем производства увеличится, так как сократится время, затрачиваемое на работу. Следовательно, будет обеспечена полная занятость, а ручной труд превратится в квалифицированный, технический, научный труд очень высокого уровня.

Однако для достижения такого высокого уровня экономического, культурного и научно-технического прогресса необходимо, чтобы в обществе господствовал дух свободы и существовала экономическая этика рационального и бережливого потребления. Отходы, производимые буржуазным «обществом потребления», наносят вред планете и разрушают экосистему.

Очевидно, что производство и технологии достаточно развиты для построения либертарной экономики, но мы связаны по рукам и ногам реакционными государствами Востока и Запада. Только либертарный социализм, гарантирующий свободу и равенство, плюрализм идей, без профессиональных политических партий Запада и однопартийных государств Востока, может позволить человечеству организовать себя в соответствии с собственными потребностями. Либертарный коммунизм может избавить нас от войн, тирании, голода, невежества и других зол, присущих не человеку, а анахроничной социально-экономической системе, основанной на эксплуатации одного человека другим, на господстве одной нации над другой, на капитализме, гегемонии и империализме.

Самоуправление в сферах услуг и промышленности

Чем больше город, тем сложнее интегрировать экономику. Торговля и деньги играют большую роль по той простой причине, что все не привязаны к одной единице, как это было в случае с коллективами в сельской местности. Город – это порождение буржуазии, связанное с развитием капитализма, и именно в нем торговля, деньги, зарплаты и прибыли поддерживают буржуазную экономическую деятельность. Однако испанские анархисты были способны самостоятельно управлять большей частью промышленности и сферы услуг в крупных городах, таких как Барселона, но отменить деньги и заменить их талонами или продовольственной карточкой было не так просто, как в Арагоне.

В городах с населением в несколько тысяч человек и в сельской местности сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг были объединены в единое многообразное целое со специализированными секциями, которые с помощью выборных и отзываемых делегатов входили в состав местных и окружных организаций самоуправления.

Например, в городе Вильяхойоса удалось достичь самоуправления на уровне округа, что привело к появлению нового типа прямой демократии через самоуправление, заменившего тем самым старое государство и римский муниципалитет. В Вильяхойосе была не только проведена коллективизация земли, но и расширен либертарный коллектив, в который вошла текстильная фабрика, где работало 400 человек, а также рыболовецкое хозяйство, с которого кормилось 4 тыс. человек.

В Калонде, помимо коллективизации земли, в коллектив вошли каменщики, плотники, кузнецы, швеи, портные, парикмахеры и другие. Так как естественным и важнейшим рынком сбыта для них была Калонда и прилегающие к ней районы, а также поскольку все они были коллективизированы, вышеперечисленные группы добровольно присоединились к сельскохозяйственным рабочим в коллективе. Этот орган самоуправления в форме социальной власти был создан во время революции и был более конкретным, нежели Советы рабочих или матросов, которые не могли упразднить государство. Последние принимали косвенную демократию бюрократической коммунистической партии вместо того, чтобы самим осуществлять прямую демократию, как это было принято в либертарных коллективах.

Одним из величайших достижений либертарного самоуправления стало прямое самоуправление в городе с населением 45 тыс. человек, таком как Алькой, где промышленность и сфера услуг были коллективизированы. В Алькое в 1936 г. численность рабочего населения составляла 20 тыс. человек, из которых 17 тыс. были членами НКТ. Они были активными революционерами в проводимых экономических, социальных и политических изменениях и не ждали, пока правительство все

сделает, как того хотят марксисты, полагая, что правительство должно содержать все и всех, как это было в СССР.

В Алькое до 16 июля 1936 г. в местной федерации было 16 профсоюзов НКТ. Эта профсоюзная сила, не институционализируемая, но активная и революционная, боролась не за повышение зарплаты, как это делают реформистские профсоюзы, а за построение либертарного коммунизма. Это была уникальная профсоюзная сила; марксистский профсоюз стал винтиком мелкобуржуазной социалистической партии или бюрократической машины коммунистической партии, которая использовала профсоюз как инструмент революционно настроенных политиков, на самом деле лишь поддерживающих реформизм.

Профсоюзы в Алькое, как и во всех других населенных пунктах Испании, где НКТ была ведущей силой, не стали ждать, пока правительство национализирует фабрики, а социализировали их сами, причем присвоили их не как государственную, а как общественную собственность. В качестве примера такой социализации можно привести профсоюзы города Алькой, которые сразу же приступили к самоуправлению в следующих отраслях: полиграфия; бумага и картон; строительство, включая сектор архитекторы и геодезии; гигиена и здравоохранение, включая лекарства, аптеки, парикмахеров, прачек и уборщиков; транспорт, включая автобусы, такси и грузовики; развлечения, включая театры и кинотеатры; химическая промышленность, включая мыло, лаборатории, парфюмерию; производство кожи, обуви; сектор торговли; сектор промышленной техники; учителя начальных и средних школ; художники; писатели; одежда; вся текстильная промышленность, жизненно важная в Алькое; дерево и мебель; гуманитарные профессии; сельское хозяйство и садоводство. Таким образом, Алькой представлял собой образцовый самоуправляемый город, управляемый непосредственными производителями, без профессиональных политиков, бюрократии и буржуазии.

Благодаря социализации средств производства и сферы услуг закон общественного разделения труда позволил достичь равновесия, которого никогда не было в прежней системе производства, поскольку если в одной отрасли или на одной организации было слишком много рабочих, они переходили в другую отрасль, и полная занятость сохранялась. Таким образом, либертарный социализм оказался гораздо более объективным и научным, нежели капитализм или кнута-пряничный социализм, где существует большое расхождение между работниками производственного сектора и техно-бюрократией, засевавшей в государственном аппарате.

Капитализм со всеми его противоречиями, вытекающими из того, что средства производства находятся в частных руках, сильно уступает либертарному коллективизму в промышленности, сфере услуг и сельском хозяйстве. Либертарный коммунизм без особых математических и технических выкладок нашел решение проблем безработицы, циклических экономических кризисов, забастовок, возникающих в результате конфликта между рабочими и капиталистами, преследований и невежества. Либертарный коммунизм предоставил образование и тем самым устранил необходимость эмиграции. Рабочие сами управляли всем в политической, экономической, социальной, технической и финансовой областях. В этом огромная заслуга НКТ за 33 месяца испанской революции. Это была революция, совершенная не коммунистами

и социалистами, защищавшими старый режим и государство, а анархистами, которые заменили государство в деревнях и городах коллективами и самоуправлением.

Непосредственное самоуправление экономики Алкоя представляет собой прекрасный пример самоуправления. Три отрасли текстильной промышленности выбрали делегата в комитет по производству, а также кабинетный и складской персонал. Профсоюзным комитетом был назначен Контрольный комитет. Также была создана Техническая комиссия, в состав которой вошли технические специалисты пяти различных специальностей: производства, управления, торговли и страхования. В свою очередь, секция самоуправления была разделена на три подсекции: общих производственных процессов, технической организации и обслуживания машин, производственного контроля и статистики. Все это, как федеративная форма самоуправления, обеспечивало работой более 20 тыс. человек, что соответствовало 103 фирмам различной текстильной специализации, включая другие мелкие фирмы и сельскохозяйственный сектор. Это позволило устранить противоречие эгоистического капитализма, монополизировавшего капитал и сводившего труд к рабству. Либертарный социализм в Алькое и других частях Испании освободил рабочих от наемного рабства и превратил их в коллективистов, ликвидировав тем самым пролетариат, который, согласно марксизму-ленинизму, остается на жалованье у государственных правителей, принося прибыль коммунистической бюрократии и государственным капиталистам.

Чудесный эксперимент по самоуправлению в Алькое, однако, имел один недостаток. Финансовая и политическая власть наверху не была либертарной социальной властью, и поэтому в итоге государство, существовавшее над рабочими, попыталось вернуть их в прежнее наемное рабство. Поэтому в будущем социальная революция не должна топтаться на местном или региональном уровне, а должна выходить на общенациональный уровень. Одной из главных ошибок НКТ во время испанской революции была коллективизация земли, услуг и фирм внизу, но оставление банков, кредитных систем, внешней торговли, золота и валюты в руках врагов либертарного коллективизма наверху. Была совершена та же ошибка, что и в Парижской коммуне 1871 года: нельзя совершать социальную революцию только внизу, оставляя нетронутыми многие аспекты контрреволюции наверху, такие как банки, валюта, внешняя торговля и репрессивное государство, которое со временем подавило коллективы. Государство с каждым днем становилось все сильнее в руках коммунистов. Перед либертарной социальной революцией стоит одна дилемма: либо она осуществляется немедленно и во всех направлениях, сверху и снизу, либо она гибнет перед мощью государства и его буржуазно-бюрократических сторонников.

Начиная снизу вверх, либертарная социальная власть должна заменить и уничтожить эксплуататорское и деспотическое государство. Чтобы упразднить традиционную власть государства над обществом, необходимо создать альтернативную либертарную социальную власть, основанную на самоуправлении на рабочем месте и самообороне народного ополчения.

Если промышленность, сельское хозяйство и сфера услуг будут находиться под самоуправлением и объединяться в специализированные отрасли, то они объединятся в общий экономический совет. Экономический совет вместе с федералистскими органами самоуправления и ополчением образуют три столпа социальной власти,

формируя таким образом тип федеративного самоуправления, задачей которого станет управление вещами, а не людьми.

В испанском либертарном движении большое внимание уделялось задаче построения инфраструктуры либертарного социализма снизу, но при этом игнорировалась анархическая надстройка социальной власти сверху. Правда, можно сказать, что НКТ посредством своих революционных профсоюзов построила чудесные формы самоуправления «снизу» – в коллективах, на железных дорогах, в телефонии, газовой, электрической и т.д. сетях, но при этом упускался из виду тот факт, что «сверху» по-прежнему существовало государство как верховная отчуждающая власть и что пока оно существует, либертарная революция находится под угрозой. Это ясно из майских дней 1937 г., когда дивизии большевиков вошли в Арагон не для борьбы с Франко, а для уничтожения либертарных коллективов.

Пришло время четко заявить, что частный или государственный капитализм не гарантирует права на труд для всех, повышения уровня жизни и производительности труда, экономики, свободной от свойственных ему, или циклических, кризисов, сокращения рабочего времени, рационального и экономного потребления без расточительства продуктов труда, экономического, экологического и социального равновесия, прав и свобод для всех.

Необходимо доказать преимущества либертарных идей перед бюрократическими и буржуазными идеологиями. Каждый должен быть сам себе правителем, но все должны быть вовлечены в процесс коллективного производства. «Власть» должна принадлежать всем, а не тираническому государству, классу или репрессивной, эксплуататорской элите. Самоуправление нужно внедрить как новый способ производства во всех видах экономической деятельности, а политика должна основываться на либертарном принципе, согласно которому все решают за все ответственно. Ни один лидер, такой как Гитлер или Сталин, не может быть непогрешимым; должна быть свобода для всех. Таким образом, либертарный социализм представляет собой реальную альтернативную народную социальную власть, поскольку она исходит от народа, а не извне, не от буржуазии или бюрократии, не от частных или государственных капиталистов.

Приложение 1

Неверно утверждать, что равенство противостоит свободе. В самоуправляемом обществе должно быть и то, и другое, так как без равенства нет свободы. Одни отдают приказы, другие подчиняются, одни живут лучше, другие хуже. Все это, что имеет место при частном и государственном капитализме, можно упразднить, но не везде и сразу, а в ближайшем будущем, если все люди получат равные возможности для политического, нравственного и научного образования. Именно поэтому самоуправление, преодолевая отчуждение рабочего класса со стороны капиталистов и государства, освобождает всех людей, а не только рабочего.

Кооперация и самоуправление

Либертарная экономика, как альтернатива национальным и международным монополиям всеобъемлющего государства, предлагает самоуправление и кооперацию в экономической сфере. С одной стороны, она предполагает динамичное самоуправление в крупной городской промышленности, а с другой – создание коллективных агропромышленных комплексов в сельской местности с целью кооперативной интеграции и разностороннего развития экономики различных регионов. Природные и человеческие ресурсы будут находиться в гармонии, что позволит сократить отток населения из сельской местности и сохранить полную занятость. В обоих случаях либертарная экономика способна создать социальную экономику, основанную на участии населения, в которой будет гарантирована полная занятость. Мы достигнем этого не монетарными или финансовыми механизмами, как у Кейнса, а различными типами фирм, полностью объединяющими капитал, технологии и труд тех, кто ставит во главу угла социальные интересы.

В отличие от западной и восточной моделей, либертарная экономика гуманизирует и демократизирует экономику по следующим направлениям:

- все работники имеют равные права и обязанности в кооперативной самоуправляемой организации;
- каждого трудящегося могут избрать в советы самоуправления и отозвать из них посредством собраний, которые являются независимыми;
- все работники пользуются экономическим излишком, производимым на их коллективизированных и самоуправляемых рабочих местах, в соответствии с качеством и количеством выполненной работы;
- во всех должностях в советах самоуправления или кооперации должна проходить ротация через некоторое время с невозможностью переизбрания кандидатов в течение определенного периода, чтобы не развивалась бюрократизация.

По сути, именно такой должна быть либертарная экономика. Она должна показать, что способна создать такой же или даже больший производственный потенциал, чем

режимы государственного и частного капитализма. Нет никакого смысла оставаться социально передовым и при этом экономически отсталым.

Приложение 2

Десять пунктов самоуправления:

- 1. Самоуправление:** не делегируйте полномочия другим.
- 2. Гармония:** объединение целого и частей в федералистском социализме.
- 3. Федерация:** социализм должен быть не хаотичным, а последовательным, с единством целого и частей на региональном и национальном уровнях.
- 4. Прямое действие:** антикапиталистическое, антибюрократическое, чтобы народ мог активно участвовать посредством прямой демократии.
- 5. Скоординированная самооборона:** свободу и самоуправляемый социализм нужно защитить от тоталитарной бюрократии и империалистической буржуазии.
- 6. Кооперация в деревне и самоуправление в городе:** сельское хозяйство может быть основано на самоуправляемом предприятии, моделью которого может стать агропромышленный комплекс. В городе промышленность и сфера услуг должны стать самоуправляемыми, а их административные советы должны формироваться непосредственными производителями, без правящего класса и посредников.
- 7. Производство:** профсоюзный труд необходимо преобразовать в свободно ассоциированный, без буржуазии и бюрократии.
- 8. Вся власть собранию:** никто не должен принимать решения от имени народа или узурпировать его функции с помощью профессиональной политики. Делегирование полномочий не должно быть долговременным, а предоставляться избираемым делегатам, которые могут быть отозваны собранием.
- 9. Никакого делегирования политики:** не должно быть партий, авангардов, элит, директоров, управленцев. Советская бюрократия убила спонтанность масс, уничтожила их творческий потенциал и революционную активность, превратив их в пассивную массу и послушный инструмент властных элит.
- 10. Социализация, а не рационализация богатства:** важнейшую роль должны играть: синдикаты, кооперативы, местные самоуправляемые общества, народные организации, всевозможные ассоциации, местное, региональное, окружное, национальное, континентальное и мировое федералистское самоуправление...

**Дэн Хэнкокс. Мариналеда:
образцовая коммунистическая
деревня Испании***

Сноска¹.

В 2004 году во время отпуска в Севилье я листал путеводитель по Андалусии и прочел мимолетное упоминание о маленькой отдаленной деревушке под названием Мариналеда – «коммунистической утопии» революционных рабочих-фермеров. Я сразу же был очарован, но не смог найти почти никаких подробностей, чтобы подпитать свое увлечение. Кроме этого краткого описания, о деревне было очень мало информации: ни в путеводителе, ни в Интернете, ни в устах незнакомых людей, которых я встретил в Севилье. «Ах да, странная маленькая коммунистическая деревня, утопия», – говорили некоторые из них. Но никто из них не был там, не знал никого, кто бы там побывал, и никто не мог сказать мне, действительно ли это утопия. Максимум, что удалось сделать, это добавить информацию о том, что там был харизматичный, эксцентричный мэс с бородой пророка и почти демагогическим характером, которого звали Хуан Мануэль Санчес Гордильо.

В конце концов я узнал больше. Первая часть чуда Мариналеды заключается в том, что когда в конце 1970-х годов началась ее борьба за создание утопии, она происходила в условиях крайней нищеты. Безработица в деревне составляла более 60%; это была фермерская община без земли, ее жители часто были вынуждены по несколько дней обходиться без еды, и это в период испанской истории, погрязшей в неопределенности после смерти фашистского диктатора генерала Франко. Вторая часть чуда Мариналеды заключается в том, что в течение трех необычных десятилетий она одержала победу. В 1985 г. Санчес Гордильо в интервью газете *El País* сказал: «Мы поняли, что недостаточно определить утопию, недостаточно бороться с реакционными силами. Нужно строить ее здесь и сейчас, кирпичик за кирпичиком, терпеливо, но неуклонно, пока мы не сможем воплотить в жизнь старые мечты: о хлебе для всех, о свободе граждан, о культуре, о том, чтобы не стыдно было произносить слово *мир*. Мы искренне верим, что лучшего будущего не достичь, если не строить его здесь и сейчас».

Как и подобает бунтарю, Санчес Гордильо любит цитировать Че Гевару, в частности, его высказывание о том, что только те, кто мечтает, однажды увидят, как их мечты превращаются в реальность. В одной маленькой деревушке на юге Испании это не просто лозунг на футболке.

Весной 2013 г. уровень безработицы в Андалусии составил ошеломляющие 36%, а среди людей в возрасте от 16 до 24 лет этот показатель превысил 55% – цифры даже хуже, чем вопиющий средний уровень по стране. Бум строительной индустрии 2000-х годов привел к тому, что побережье загромодили подъемные краны, и это подтолкнуло целое поколение к тому, чтобы пропустить окончание школы и устроиться на работу на стройплощадки за 40 тыс. евро в год. Этой работы больше нет, и ничто ее не заменит. Премьер-министр Мариано Рахой, за плечами которого зловеще маячит Европейский центральный банк, провел трудовую реформу, облегчающую предприятиям увольнение сотрудников, причем быстро и с меньшей компенсацией, и теперь эти новые законы выкашивают значительную часть испанской рабочей силы как в частном, так и в государственном секторе.

¹ Интересный дополнительный материал по теме: «Мариналеда: испанская деревня, где построили коммунизм»: <https://macos.livejournal.com/1742606.html> Автор, впрочем, не является анархистом.

С 1996 по 2008 год Испания переживала бурный жилищный бум. За эти 12 лет цена квадратного метра недвижимости выросла в три раза: его масштабы трагически отражаются в кризисе. В масштабах страны с 2008 г. было выселено до 400 тыс. семей. И опять же, особенно остро эта проблема стоит на юге страны: в Андалусии банки выселяют из своих домов по 40 семей в день. Еще хуже то, что, согласно испанскому жилищному законодательству, если вас выселяет ипотечный кредитор, это еще не конец: вы должны продолжать платить по ипотеке. Самоубийства домовладельцев, оказавшихся на грани лишения права собственности в качестве последнего акта беспомощности стали ужасающе распространенным явлением: не раз, пока судебные приставы поднимались по лестнице, выселяемые выбрасывались из окон верхних этажей.

Когда говорят о кризисе в Испании, имеют в виду кризис еврозоны, экономический кризис; но этот термин означает нечто большее. Речь идет о системном кризисе, о политической экологии, которая трещит по швам: о кризисе, казалось бы, повсеместной коррупции в элитах страны, включая политиков, банкиров, королевских чиновников и бюрократов, и о кризисе веры в демократическое урегулирование, установленное после смерти Франко в 1975 году. Опрос, проведенный государственным Центром социологических исследований в декабре 2012 года, показал, что 67,5% испанцев недовольны тем, как работает их демократия. Именно это презрение к испанскому государству в целом, а не только последствия экономического кризиса, вывело на улицы весной и летом 2011 г. 8 млн возмущенных, и стало основой их лозунга «Democracia Real Ya» («Настоящая демократия сейчас»).

Но в одной деревне в диком сердце Андалусии царят стабильность и порядок. Подобно деревне Астерикса, неспособной противостоять римлянам, в этом крошечном поселке великая империя встретила свой отпор в лице разношерстной армии буйных бунтарей, жаждущих свободы. Поединок кажется почти смехотворно несправедливым: население Мариналеды составляет 2700 человек, а Испании – 47 миллионов, и все же империя раз за разом проигрывает.

В 1979 г., в возрасте 30 лет, Санчес Гордильо стал первым избранным мэром Мариналеды, и с тех пор занимает этот пост, раз за разом переизбираясь подавляющим большинством голосов. Однако занятие официальных, санкционированных государством властных постов было лишь отвлечением от серьезного дела *la lucha* – борьбы. В сильную жару лета 1980 года в деревне началась «голодовка против голода», которая принесла им национальное и даже мировое признание. Все, что они сделали с того лета, повысило известность Санчеса Гордильо и его деревни, добавило им поклонников и врагов по всей Испании.

Философия Санчеса Гордильо, изложенная в его книге «Andaluces, Levantaos» («Андалузцы, левантийцы»), вышедшей в 1980 г., а также в многочисленных выступлениях и интервью с тех пор, является уникальной для него, хотя и основана на исторической борьбе и восстаниях крестьянских пуэбло² Андалусии, глубоко склонных к анархизму. Эти общины поражают тем, что выступают против любой власти. «Я никогда не принадлежал к коммунистической партии серпа и молота,

² Поселок в Испании и Латинской Америке, административный и культовый центр общины, окружен примыкающими к нему деревнями-альдеями и хуторами-ранчериями – прим. переводчика.

но я коммунист или коммунитарист», – заявил Санчес Гордильо в интервью 2011 г., добавив, что его политические убеждения основаны на взглядах Иисуса Христа, Ганди, Маркса, Ленина и Че.

В августе 2012 г. он достиг нового уровня известности благодаря серии акций, начавшихся в 40-градусную жару с захвата военных земель, дворца аристократов и трехнедельного марша по югу страны, в ходе которого он призывал своих коллег-мэров не возвращать долги. На пике своей активности Санчес Гордильо вместе с членами левокоммунистического профсоюза SOC-SAT возглавил серию экспроприаций супермаркетов. Они маршировали по супермаркетам, забирали хлеб, рис, оливковое масло и другие продукты первой необходимости и передавали их в продовольственные банки для жителей Андалусии, которые не могли прокормить себя сами. За это он стал суперзвездой, появляясь не только на обложках испанских газет, но и в мировых СМИ, как «мэр Робин Гуд», «Дон Кихот испанского кризиса» или «испанский Уильям Уоллес» – в зависимости от того, какую газету вы читаете.

В темноте зимнего утра, между 6 и 7 часами, работники Мариналеды сгрудились вокруг прилавка кондитерской *Horno el Cedazo*, выкрашенного в оранжевый цвет. Здесь они пьют крепкий темный кофе, запивая его апельсиновым соком, пирожными и *pan con tomate* – поистине завтракают одним из лучших в мире завтраков. Большой кусок тоста подается вместе с бутылкой оливкового масла и графином сладко-соленой розовой томатной мякоти. Налейте одно, затем другое, посыпьте солью и перцем, и вы готовы к трудовому дню. Те, у кого желудок покрепче, выпивают рюмку одного из ликеров яркого цвета, выставленных на высокой полке за стойкой; сиропообразный, резкий анис – самый популярный из этих кофейных коктейлей. Все работают в кооперативе «Мариналеда» посменно, в зависимости от того, что и сколько нужно собрать. Если для вашей группы найдется достаточно работы, то вам сообщат об этом заранее, через громкоговоритель на фургоне, который по вечерам объезжает деревню. Это странное, квазисоветское ощущение: сидишь дома и слышишь, как мимо проезжает фургон и объявляет: «Завтра работа в поле для группы Б». Приглушенные помехами объявления становятся то громче, то тише, когда фургон проносится по узким улочкам деревни, словно заблудившийся в лабиринте человек с транзисторным радиоприемником.

Когда в 1991 г. ферма *El Humoso* площадью 1200 гектаров была окончательно отвоевана, передана деревне региональным правительством после десятилетия непрекращающихся оккупаций, забастовок и апелляций, началось возделывание земли. Новый кооператив «Мариналеда» выбирал культуры, требующие наибольшего количества человеческого труда, чтобы создать как можно больше рабочих мест. Помимо вездесущих оливок и маслоперерабатывающего завода, они сажали перец разных сортов, артишоки, фасоль фава, стручковую фасоль, брокколи: культуры, которые можно было перерабатывать, консервировать, заготавливать в банки, чтобы оправдать создание перерабатывающего завода, который обеспечил бы вторичную промышленность в деревне, а значит, и дополнительную занятость. «Нашей целью было не получение прибыли, а создание рабочих мест», – пояснил мне Санчес Гордильо. Эта философия прямо противоречит позднекапиталистическому акценту на «эффективности» – слову, которое в неолиберальном лексиконе возведено в ранг

почти святого, но в действительности стало позорным эвфемизмом для принесения человеческого достоинства в жертву алтарю цен на акции.

Однажды Санчес Гордильо высказал мне мысль о том, что аристократическая семья дома Альба могла бы инвестировать свои огромные богатства (от акций банков и энергетических компаний до многомиллионных сельскохозяйственных субсидий для своих обширных земельных участков) в создание рабочих мест, но никогда не проявляла к этому интереса. «Мы считаем, что земля должна принадлежать обществу, которое ее обрабатывает, а не находиться в мертвых руках дворянства». Именно поэтому крупные землевладельцы сажают пшеницу, объяснил он, – ее можно убирать с помощью машины под присмотром нескольких рабочих; в Мариналеде же такие культуры, как артишоки и помидоры, были выбраны именно потому, что они требуют много труда. Почему, по логике, «эффективность» должна быть главной ценностью в обществе в ущерб человеческой жизни?

Городской кооператив не распределяет прибыль: все излишки реинвестируются в создание новых рабочих мест. Все члены кооператива получают одинаковую зарплату – 47 евро (40 фунтов стерлингов) в день за шесть с половиной часов работы: может быть, это и не очень много, но это более чем вдвое выше минимальной зарплаты в Испании. Участие в принятии решений о том, какие культуры и когда выращивать, поощряется и часто становится главной темой общих собраний деревни – в этом смысле быть кооперативистом означает быть важной частью функционирования всего пуэбло. Если раньше поденщики в Андалусии были политически и социально маргинализированы из-за отсутствия экономической доли в своем пуэбло, то теперь – по крайней мере, в Мариналеде – они призваны играть ведущую роль. Кооператоры, не являющиеся членами кооператива, ни в коем случае не лишены возможности участвовать в политической, социальной и культурной жизни города: скорее, если вы являетесь членом кооператива, вы не можете не участвовать в местных мероприятиях вне рамок рабочего дня.

Частное предпринимательство в поселке разрешено, и, что еще важнее, оно по-прежнему является частью жизни. Как и в случае с семьей частными барами и кафе в поселке (бар «Синдикато» принадлежит профсоюзу), если вы захотите открыть пиццерию или небольшой семейный бизнес любого рода, никто не станет вам препятствовать. Но если гипотетический руководитель отдела регионального развития и франчайзинга, скажем, Carrefour или Starbucks, обладающий злобным чувством юмора и мазохистскими наклонностями, решит, что эта маленькая деревня – идеальное место для расширения деятельности, что ж, далеко он не уйдет. «Мы просто не допустим этого», – прямо сказал мне Санчес Гордильо.

Альтернатива Мариналады создавалась десятилетиями, но в трещинах испанского кризиса прорастают и другие антикапиталистические альтернативы в виде многочисленных повседневных актов сопротивления, не только забастовок и протестов, но и повседневного поведения: захвата пустующих новостроек теми, кого банки сделали бездомными, отказа пожарных выселять семьи без гроша в кармане, отказа врачей не обслуживать нелегальных иммигрантов. В Сомонте также появился новый фермерский кооператив в стиле Мариналеды – коллективное хозяйство, созданное на захваченных государственных землях в 2012 году, всего в часе езды от деревни. Когда я посетил Сомонте в начале этого года, я познакомился с жителя-

ми Мариналеды, которые покинули свои дома, чтобы принести послание Санчеса Гордильо: «Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает», – на новую территорию.

Когда я посетил это место в феврале этого года, молодой человек по имени Роман с обнаженной грудью шел по бескрайним полям и приветствовал нас, выходя сильным, но усталым: они работают с рассвета до заката, останавливаясь только для того, чтобы засыпать в котелки столь необходимые макароны, рис и тушеные бобы; излишки овощей продаются на рынке в ближайших городах. Во время моего визита они выращивали фасоль, пименто³, картофель и капусту, сажали деревья и пытались реанимировать 400 га пустующей земли – как могли, имея всего две дюжины пар рук. Парадоксально, но в свете поразительных цифр безработицы в Испании им по-прежнему требуется больше людей для вступления в кооператив, а сельскохозяйственных угодий у них больше, чем они могут обрабатывать в настоящее время. На одной из фресок, нарисованных на стене амбара в Сомонте, наряду с портретами Малкольма Икса, Джеронимо и Сапаты, был начертан красноречивый лозунг: «Андалузцы, не эмигрируйте, боритесь! Земля ваша: верните ее себе!». Это призыв, обращенный несколько в пустоту, поскольку тысячи молодых испанцев устремляются по программе «утечки мозгов» в Великобританию, Германию, Францию и другие страны.

Но Сомонте не остался без поддержки. Сотни людей приезжают сюда на выходные или на короткий срок из Мадрида, Севильи и многих других стран, привозя свою рабочую силу и другие ресурсы, чтобы помочь с землей, построить инфраструктуру или нарисовать фрески, пожертвовать подержанное сельскохозяйственное оборудование, мебель и кухонную утварь. Когда мы проходили мимо небольшого поголовья кур и коз, Флоранс, француженка, жившая в Мариналеде до того, как присоединиться к «новой борьбе» в Сомонте, рассказала, что эта земля – одна из самых плодородных в Испании, но на протяжении десятилетий правительство использовало ее для выращивания кукурузы, чтобы получать европейские субсидии – это не давало практически никакой работы и никакого продукта; кукуруза оставалась гнить. В марте 2012 г. эти 400 гектаров должны были быть проданы правительством с частного аукциона, когда туда заявился профсоюз рабочих Андалусии; они заняли участок, были выдворены 200 бойцами спецназа и, в истинно маринеледском стиле, вернулись на следующий день, чтобы начать все сначала. Аукцион так и не состоялся. Сейчас Сомонте 18 месяцев, он медленно, но верно растет и является тем самым «эффектом домино», который кризис еще может принести.

Никто никогда не забывает «этот странный и трогательный опыт» веры в революцию, как размышлял Джордж Оруэлл, оказался в Барселоне на пороге гражданской войны в обществе, кипевшему энергией, когда оно мимолетно ощутило живой коммунизм. Мариналеда не является ни полностью коммунистической, ни полностью утопической: но если выйти за пределы «пуэбло» и глянуть на современную Испанию, то можно увидеть общество, измученное, обнищавшее и атомизированное, втянутое в смерть и разрушение экономической системой и политическим классом, которому, похоже, все равно, живут бедные или умирают. Достижения Санчеса Гордильо – это не просто конкретные достижения в виде земли, жилья, средств к су-

³ Разновидность большого красного перца чили – прим. переводчика.

ществованию и культуры, хотя они и феноменальны: пребывание там – это странный и трогательный опыт, и, как говорил Оруэлл, незабываемый.

За те восемь с лишним лет, что я знаю о Мариналеде, мне иногда приходилось напоминать себе о разрыве между грандиозными заявлениями о деревне, сделанными как левыми, так и правыми, и скромными размерами и интимностью самого места. Это деревня, которая так много значит для многих людей во всем мире, но в ней проживает всего 2700 человек, и могут проходить целые часы, в течение которых единственным звуком является шум мотоцикла, мчащегося по Авенида-де-ла-Либертад, или вокальные упражнения особенно измученного петуха.

Санчес Гордильо не видит ни напыщенности, ни несоответствия в том, что он уделяет столько же внимания и страсти местной специфике – необходимости в этом месяце начать сажать артишоки, а не пименто – сколько и общей картине, убеждая мир в том, что только конец капитализма вернет достойную жизнь миллиардам людей.

Движение «возмущенных» сообщило не только Испании, но и всему миру, что миллионы испанцев не желают мириться с кризисом. Они отчаянно искали альтернативу существующей системе – и, тем не менее, в их среде она уже воплощалась. Перед массовыми рядами протестующих на площади Пуэрта-дель-Соль в Мадриде, на Уолл-стрит в Нью-Йорке и у собора Святого Павла в Лондоне консерваторы и либералы задавали уничтожающие вопросы: «Какова ваша альтернатива? Какова ваша программа? Как она будет работать на практике?»

Раньше они могли игнорировать деревню или с усмешкой отвергать ее как сельскую диковинку, управляемую эксцентричным бородачом, но теперь они не могут так поступать. «Какова ваша альтернатива?» – лают псы капиталистического реализма. Все чаще возмущенные могут ответить: «Ну, как насчет Мариналеды?»

**Явор Тарински. Введение в
экономику солидарности**

Экономика солидарности – это альтернативная экономическая и социальная форма, не связанная с государственными и корпоративными структурами, которая основывается на гуманистических принципах, такие как взаимопомощь и солидарность, вместо конкуренции и алчности. Подобная экономическая модель преследует цель удовлетворить потребности всех, исключая эксплуатацию и расширяя возможности участия для тех, у кого нет средств участвовать в стандартных рыночных отношениях. Экономика солидарности не зависит от принципа «выживает сильнейший», а способствует устойчивому развитию человека и природы. Она состоит из коллективных процессов, в которых участвуют все, вовлеченные в такой тип экономических взаимоотношений и затронутые им.

Основная характеристика экономики солидарности – ее горизонтальность и сознательное упразднение иерархии. На этом основан гармоничный и гуманный облик данной экономической модели. Основные ценности экономики солидарности, такие как уважение, сотрудничество, автономия и прямая демократия, заложены в каждый этап экономической цепочки: производство, обмен и потребление.

Экономика солидарности основана на локальности и горизонтальности. Она функционирует посредством сетей, коллективов и кооперативов, которые берут за основу экологически чистое растениеводство, свободные технологии, равноправие и демократические практики. В некоторых местах участники экономики солидарности чтят традиции предков, связанные с отношениями солидарности в обществе; для других участие в ней обусловлено исключительно потребностями, а в некоторых случаях люди выступают с подобными экономическими инициативами, потому что хотят изменить существующую систему. Иногда причины осознанны, но бывают и случаи, когда люди просто пытаются выжить.

Хотя экономика солидарности существует и практикуется с незапамятных времен, сегодня она набирает все большую популярность из-за все более углубляющихся кризисов, не оставляющих людям больших возможностей, и поиск альтернатив становится все более актуальным. Вот лишь некоторые из бесчисленных примеров в городах и селах по всему миру:

– Производственные кооперативы, находящиеся во владении и управляемые на принципах прямой демократии всеми, кто там работает. Примером такого кооператива служит фабрика Vio.Me в соседней Греции. Еще имеется много аграрных производственных кооперативов по всему миру, которые основаны на экологических и демократических практиках.

– Потребительские кооперативы, в которых участники приобретают напрямую, минуя посредников, продукты от производителя по оптовым ценам. В Болгарии такие инициативы уже действуют, и они очень успешны. Один из них – это «Объединение за глобальные перемены» в Велико-Тырново.

– Социальные валюты, цель которых – приносить пользу не банкам и международным финансовым институтам, а сообществам, которые их используют. Они наиболее распространены в Испании и соседней Греции.

Другим примером практики солидарности, широко распространенной в мире, являются фонды местных сообществ. В отличие от микрокредитных организаций, которые почти неизбежно включают проценты (и часто вгоняют бедных людей в ужасный круговорот задолженности), такие фонды – беспроцентные, и они вы-

ступают за предоставление средств бедным кварталам и районам. Они работают следующим образом: каждый участник вносит ежемесячно фиксированную сумму в соответствии с социально-экономическим положением своей группы, и величина этой суммы обговаривается на общей ассамблее всех участников посредством демократических процедур. Каждый месяц собранная сумма предоставляется, опять же, после созыва общих собраний, одному из участников, что позволяет ему, например, отремонтировать крышу, или купить кухонную утварь, или покрыть расходы на больничного родственника. Фонды местных общин могут сыграть ключевую роль в выправлении финансового положения матерей-одиночек и людей с очень низкими доходами, которым в противном случае было бы трудно получить крупную сумму денег.

Еще одним примером экономики солидарности служат банки, основанные на времени, которые набирают все большую популярность в Греции, Испании, США и т.д. В подобных банках люди предлагают услуги, которые могут предоставить взамен на те, в коих сами нуждаются. Например, если один участник чинит туалет или присматривает за детьми другого, он получает чек времени, который может израсходовать в этой же сети, чтобы починить забор или калитку. В банках «времени» нет процентной ставки, и у всякого «часа» равная стоимость, что позволяет, например, людям с очень низкими доходами получить доступ к услугам, которые в противном случае они не могли бы себе позволить. Такой процесс меняет отношения между участниками и создает сообщество. Один из наиболее старинных банков «времени» находится в Пасадене, США. Он существует с 16 века и помогает пожилым людям и малообеспеченным людям вести независимую и достойную жизнь. В рамках такой экономики молодой сосед может потратить время на установку пандуса для инвалидной коляски, а взамен получить уроки португальского от какого-нибудь пенсионера, который знает этот язык. **Банки «времени» есть в 20 странах, а в самих Соединенных Штатах такие банки есть в более чем 80 городах.**

Но инициативы, практикующие солидарные экономические практики, не изолированы и не находятся в неведении друг относительно друга. Они выстраивают между собой сети с целью координации и большей независимости от государства и капитала. Помимо сетей на местном и национальном уровне, такие сети действуют и в международном масштабе. Международный социальный форум предоставляет постоянную платформу и пространство для Сети солидарной экономики. Около 700 делегатов из 26 стран участвуют в Азиатском форуме, посвященном экономике солидарности.

Даже если вы никогда и не слышали термина «экономика солидарности», вероятно, вы уже распознали подобные практики во всем, что вас окружает. Все больше людей удовлетворяет все большее число своих нужд таким способом. Эландрия Уильямс из центра Highlander Center of Tennessee говорит: «Мы уже давно участвуем в экономике солидарности. Просто мы никогда не называли ее так». Практическое существование и разрастание экономики солидарности наглядно показывает, что существует работающая и устойчивая альтернатива, что есть и третья дорога, помимо «официально признанных» государственных и буржуазных экономических моделей.

**Явор Тарински. Экономика
солидарности, творческое
сопротивление и прямая
демократия**

Долгое время политические движения закрывали глаза на разнообразные некапиталистические экономические реалии, действующие в трещинах капитализма. Причина? Возможно, потому, что эти реальности были слишком заняты собой и недостаточно пропагандировали свое существование, а возможно, из-за того, что воображение активистов застряло в статичном/догматичном представлении об утопии, которое вместо действия порождает и поощряет радикальную критику всего, что с ней не совпадает.

Для обозначения этих альтернативных реалий сегодня используется термин «экономика солидарности», который применяется для разработки «экономических» структур, конкурирующих с капиталистическими, создающих и поддерживающих автономию в нашей экономической жизни. Они представляют собой посткапиталистический горизонт автономных сообществ, «в которых экономика возвращается на свое место, то есть служит человеческой жизни, а не является самоцелью» [пр. 1]. Аналогичным образом, процесс экспериментирования в реальном времени, которому способствует экономика солидарности, позволяет нам выработать более четкое представление об институтах и их функциях в обществе, основанном на участии, и тем самым сформулировать условия для перехода от активного противостояния к оспариванию гегемонии доминирующей политической модели.

Одной из основных причин отказа многих радикальных активистов от взаимодействия с солидарной экономикой или ее поддержки является боязнь кооптации этих альтернативных статус-кво реалий. И хотя такие попытки кооптации существуют [пр. 2], опасность того, что это действительно произойдет, не очень велика. Она, конечно, не больше, чем опасность участия в политических движениях, связанных с субкультурным стилем жизни. Самое главное, чтобы участники солидарной экономики сами обнаружили ее ограничения и ошибки и, участвуя в ней, исправили их.

Но зачем вообще нужно говорить об экономике солидарности? Чтобы понять ее значение сегодня, необходимо знать ее масштабы. Если в некоторых регионах мира подобные инициативы не документируются в достаточной степени или вообще не документируются, то в других ведется статистика, которая может помочь нам в этом деле. Сегодня экономика солидарности в Европе насчитывает 2 млн альтернативных экономических структур (10% европейского бизнеса), которыми управляют около 11 млн работников-собственников (около 6% трудоспособного населения ЕС) (Yorgos Lieros, 2012). В США их число составляет около 47 тыс. кооперативов, коллективов и т. п. с примерно 10 млн работников-совладельцев и общим годовым оборотом около 300–400 млрд долларов (Robin Hanel, 2006). Они входят практически во все отрасли экономики, такие как сельское хозяйство, здравоохранение, социальные и коммерческие услуги и т. д. Кооперативы (один из основных компонентов солидарной экономики) контролируют 95% производства риса в Японии и 75% производства пшеницы и масличных культур на западе Канады. В Новой Зеландии на долю альтернативных структур этого типа приходится 3% ВВП страны [пр. 3]. В Бразилии, где менее 3% населения владеют двумя третями земли, находится движение безземельных рабочих (MST). Оно насчитывает около 2 млн человек, которые в течение 30 лет живут в самоуправляемых общинах на площади 17 млн акров земли, что эквивалентно территории Уругвая. В основе экономики MST лежат структуры соли-

дарной экономики: 3 народных банка и 47 кооперативов, среди которых джинсовая фабрика, мясные лавки, завод по упаковке молока, компания по обжарке кофе, сельскохозяйственные кооперативы по производству сахара, издательство и собственная транспортная сеть.

Но экономику солидарности нужно рассматривать не только как альтернативную экономическую форму, но и как часть более общей структуры творческого сопротивления. Логика творческого сопротивления состоит в том, чтобы служить базой для альтернативных структур, прорастающих в трещины существующей системы и не позволяющих ей превратиться в изолированные островки свободы. Вместо того чтобы просто разрушать существующую систему, она стремится создать ячейки и строительные блоки будущего общества солидарности и автономии, показывая, что это возможно на практике. Однако не стоит ждать быстрых результатов, ведь есть разница между желанием и действием. Как сказал Шекспир: «Желание безгранично, но наши действия – нет». Творческое сопротивление действует подобно капле воды, которая своим упорством точит камень.

Творческие элементы, составляющие это сопротивление, не ограничиваются рамками протеста или экономики солидарности. Они относятся к определенному социально-политическому действию, которое, с одной стороны, направлено на более полное понимание сегодняшних властных структур и сложившейся ситуации, а с другой – на создание возможностей для людей вести более независимую и автономную жизнь. Творческое сопротивление – это не сиюминутное требование или программа, а практические примеры, которые пытаются проложить мост между критикой существующего положения вещей и строительством структур под девизом «строительство разрушит стены».

Творческое сопротивление может принимать различные формы, такие как рабочие кооперативы, социальные центры, подлинно свободные рынки, художественные коллективы и т. д. Но никто и ничто не может гарантировать их бесперебойное функционирование. Все зависит от их участников (в силу самоорганизованного характера творческого сопротивления) и от их социального окружения – насколько высоко поднять планку своих инициатив и на какие риски пойти, чтобы не ограничить преобразовательный потенциал своих проектов. Если преобразовательный потенциал утрачивается, то о творческом сопротивлении речь просто не идет. Однако существует множество возможностей, способных обеспечить долгосрочную устойчивость этих проектов и их поддержку, таких как онлайн-медиаплатформы, сетевая координация и обмен опытом, критическая рефлексия, доработка деталей, выход за рамки идеологических догм, сотрудничество с общественными движениями.

Важно не попасть в ловушку детерминистского мышления типа «если что-то не получилось один раз, то не получится всегда». Каждый раз, когда предприятие терпит неудачу, люди могут сделать очень полезные выводы, которые помогут им в будущем. В этом также заключается логика творческого сопротивления и, в частности, экономики солидарности – экспериментировать сегодня с теми институтами, которые мы хотели бы иметь завтра, видеть их недостатки и исправлять их.

Компонентом, делающим творческое сопротивление столь универсальным, является прямая демократия, которая служит основой для перечисленных выше проектов и реалий. В последние годы интерес к ней возрос, особенно в связи с усилением кри-

тики авторитаризма (государства) и любого рода бюрократии (профсоюзов, партий, корпораций) [пр. 4], действующей в отрыве от социальной базы.

Если речь идет не о капиталистической демократии (представительной демократии), а о прямой демократии как радикальной перспективе (т. е. как перспективе, направленной против господства и эксплуатации), то речь, безусловно, идет о горизонтальности – как политической (кто что решает), так и функционально-экономической.

Следовательно, прямая демократия невозможна без изменения как политической структуры, так и экономического функционирования общества, в частности, без установления коллективной собственности на средства производства и общие блага. Демократия не может быть прямой, если народ непосредственно участвует только в одной из общественных сфер (политической или экономической). Поэтому создание прямого демократического общества проходит не через создание нового государственного аппарата, а через формирование гражданского самосознания и федераций самоуправляющихся сообществ, в которых нет разделения на политическую и экономическую сферы.

Но мы не говорим здесь о конкретной системной модели. Экономика солидарности, творческое сопротивление и прямая демократия представляют собой нечто иное: реалии, практики и принципы, которые мы должны воссоздать через призму нашей местной действительности и культуры. Как говорят сапатисты: «Ни одна модель не идеальна. Каждый должен смоделировать свою собственную систему, соответствующую его реальности, району, городу, стране. Это будет лучшей формой солидарности для нас». Но хотя ни одна модель не может быть перенесена из одного места в другое, опыт тех, кто сопротивляется коллективно, как сапатисты, является знанием и опытом для всех нас. Мы можем учиться у них, и первое, что мы обнаруживаем, – это то, что все может быть иначе.

Современные радикальные движения обладают широким спектром идей и опыта, из которых можно сделать полезные выводы и инструменты для текущей борьбы. Во втором десятилетии XXI века критика власти означает уже не хаос, а борьбу «снизу» за прямую демократию, которая функционирует только при участии угнетенных. Современные формы сопротивления ориентированы на создание условий для наиболее полного проявления человеческой индивидуальности и коллективного удовлетворения общественных потребностей в рамках самодостаточных сообществ, сосуществующих в гармонии с природой. Нам предстоит избавиться от догматического мышления и освоить открывшиеся горизонты.

Примечания

[пр. 1] Cornelius Castoriadis: The rising tide of insignificance (1996)

[пр. 2] Беглика, НПО-та и менте-активизъм: когато новите карнавални маски паднаха URL: <http://www.lifeaftercapitalism.info/analyses/398-beglika-npo-mente-aktivizum>

[пр. 3] Защо кооперативи? URL: <http://agronovinite.com/zashto-kooperativi-kontekstat-na-nova-zelandiya/>

[пр. 4] Автономия – идея, чието време е дошло URL: [http://www.lifeaftercapitalism.info/politicalvisions/36-direct-democracy/352-avtonomiq-ideq-chieto-vreme-e-doshlo-chast-](http://www.lifeaftercapitalism.info/politicalvisions/36-direct-democracy/352-avtonomiq-ideq-chieto-vreme-e-doshlo-chast-1)

1

**Тодор Марков. Экономика
будущего должна быть
человечной**

Еще год назад этот вопрос прозвучал бы странно. Это навеивает воспоминания об эпохе «зрелого социализма», когда фраза о «загнивании» капитализма повторялась как заклинание. По этому поводу мы, выпускники философского факультета Софийского университета, в шутку говорили, что чем больше мушмула гниет, тем вкуснее ее есть...

Однако сегодня вопрос о будущем капитализма снова ставится весьма серьезно.

Летом 2008 года кризисные проблемы капиталистической экономической системы неожиданно для многих встали на повестку дня. Кризис зародился в американском финансовом секторе, связанном с ипотечным и долговым рынками, но очень скоро он перерос в настоящий глобальный финансово-экономический кризис. При его рассмотрении и оценке важно иметь в виду всякие последствия, порожденные этим кризисом в политическом, социальном, культурном, ценностном и прочих планах. Даже в бастионе неолиберальной модели капитализма политики начали предпринимать необычайные меры, которые еще вчера считались еретическими, такие как национализация банков и крупных предприятий, государственные субсидии, радикальное вмешательство государства в экономическую регуляцию на рынке. Изменения в конъюнктуре и доминирующие настроения были настолько резкими, что они застали врасплох не только политиков и экономистов, но и активистов левого толка. Какая ирония, несомненно! Именно те, кто сейчас должен прыгать от радости, кричать, как capitoлийские гуси – видите, мы вас предупреждали? Разве не мы только что предсказывали смерть капитализма? И вместо того, чтобы радоваться, «официальные» левые, похоже, волнуются не меньше. И тому есть причина. Они любят говорить о «социализме», но уже давно примирились с капиталистической системой и приспособились к ней. «Социализм» для них – это лишь «надстройка» над экономическим базисом рыночной экономики. На самом деле «социализм» в социал-демократическом понимании не является социально-экономической альтернативой капитализму, а скорее типом государственной политики, направленной на перераспределение доходов и создание общества социальной защищенности, стабильности и относительной справедливости. В этом, впрочем, нет ничего плохого. По крайней мере, до того момента, пока не «заработает» механизм базового дохода, необходимого для существования и поддержания этого общества. Я подразумеваю бесперебойную и эффективную работу механизмов рыночной экономики. Но... наступает момент, когда эта экономика начинает давать сбой. И мы начинаем себя спрашивать, естественные ли это проблемы рыночной экономики или это проблемы, вызванные из-за «человеческого фактора»?

Мы знаем, что цикличность заложена в самом потаенном механизме рыночной экономики – у нас есть и «короткие» циклы, и «нормальные» циклы, и «долгие» циклы, открытые и изученные Николаем Кондратьевым. Какой наблюдаем сегодня? Нормальный циклический кризисный процесс, который, бесспорно, является болезненным, но он пройдет, и после него последует восстановление и новый процесс экономического роста, или у нас есть нечто другое, более основательное и опасное для системы?

Сразу хочу предупредить, что я не испытываю щенячьего восторга к проявлению кризисных процессов в современной рыночной экономике. Это все равно, что радоваться заработанной сердечной аритмии, астме или расстройству желудка. Эко-

номика – жизненно важный государственный сектор. Буквально сказано, она кормит, одевает и поддерживает жизнь общества в целом и отдельных людей в частности. Все, что мы потребляем, – это продукт экономики. Всякий овеществленный элемент людского мира сконструирован и произведен, и он достигает нас посредством структур и механизмов экономики. Экономика обеспечивает ресурсы для поддержания нашей жизни, товары, которые мы потребляем, и в этом ее смысл и назначение. Все остальное, что определяется как рыночное, нерыночное и т. д., относится лишь к механизму ее внутреннего функционирования, воспроизводства и развития. Это не должно нас сильно волновать. Как сказал Конфуций: «Неважно, белая кошка или черная, важно, чтоб мышей ловила». Мы хотим хорошую экономику, как хотим хороший автомобиль – удобный, выполняющий свою работу, который не глохнет посреди дороги, а главное – такой, который вовремя доставляет нас к месту назначения. И, в то время как без автомобиля мы все еще можем, без экономики мы не можем никак. В ее «услугах» мы постоянно нуждаемся. Остановить ее – все равно что остановить сердце или процессы в пищеварительном тракте.

О чем мы тогда говорим? Падение экономики в кризис несколько грубо можно сравнить с машиной, «попавшей в аварию», или «сломанной» машиной. Такая экономика создает проблемы и не выполняет качественно свое предназначение. Но в отличие от сгоревшего фена, мы не можем просто выбросить ее в мусорку и заменить новой. У экономического кризиса могут быть вредные и опасные последствия для жизни и здоровья. Он определяет дневной ритм и влияет сам по себе на различные иные сферы жизни общества и отдельного человека – разрушает нашу повседневную жизнь и планы на будущее, даже может уничтожить нас в буквальном смысле слова. В два слова: экономический кризис – плохая работа. Мы знаем, что когда машина сломана, нужно починить ее механизм или, коль не можем, поменять на новую, которая работает исправно. Так как мы непрофессионалы, и не понимаем, в чем именно поломка, мы обращаемся к соответствующему специалисту. В этом случае специалисты – финансовые и экономические консультанты и аналитики, которые разбираются в конструкции и основах функционирования хозяйственной системы и которые поставят точный диагноз и порекомендуют, что нужно исправить. А после очередь дойдет до «техников» – политиков, которые, засучив рукава, будут исправлять ситуацию, следуя этим советам и предписаниям. Конечно, это механические аналогии, экономика как часть общества – это скорее организм, и ее «поправку» можно сравнить с лечением больного пациента.

В поисках ответов на вопросы о состоянии экономики мы наблюдаем сегодня глубокие противоречия среди экономистов по поводу причин нынешнего кризиса, его перспектив и путей выхода из него.

Недостатки рыночной капиталистической экономики заложены в самой экономике, в устройстве ее «механизма». Ее недостатки сочетаются с достоинствами, поэтому, по крайней мере пока, мы предпочитаем ее нерыночным экономическим моделям.

Какие у нее сильные стороны? Рыночная экономика, по крайней мере, в теории, должна быть саморегулируемой, достигая внутреннего баланса и гомеостаза системы «экономика – общество». Она должна функционировать беспрепятственно и удовлетворять существующие и возникающие общественные потребности нужными продуктами, независимо от их характера. Это достигается, проще говоря, за счет

действия механизма спроса и предложения. Посредством него формируется адекватная цена на продукты, на базовые, т. н. «общественно необходимые расходы», которые являются гибким параметром и определяются фактическими расходами, соотношенными напрямую с потребностями на данный продукт. Все это действует с помощью посреднических функций на рынке. Деньги как универсальное средство обмена и количественное измерение стоимости, а также как носитель информации для агентов рынка об уровне расходов в сравнении с потребностями, действуя совместно с механизмами спроса и предложения, обеспечивают систему, основанную на принципе «сообщающихся сосудов», которая должна функционировать бесперебойно. А если добавить к этому встроенный механизм мотивации участников рынка, эксплуатирующий психологические слабости человеческой природы – жадность и стремление к все большей прибыли и, параллельно, страх потерять доступ к предметам первой необходимости, то все это, казалось бы, превращает рыночную капиталистическую экономику в «вечный двигатель» с неограниченным горизонтом роста и расширения, способный удовлетворить в количественном и качественном отношении все человеческие потребности. В фантазиях многих экономистов это своего рода «рог изобилия», который при правильном подходе может залить людей реками потребительских товаров и обеспечить высокий уровень жизни для всех.

На самом деле рыночная экономика имеет свои внутренние ограничения, которые тормозят ее развитие. Самое главное ограничение заключается в том, что все, о чем мы говорили выше, зависит от одного очень важного фактора – платежеспособного спроса. Приведу простой пример. У страны могут быть очень хорошие и плодородные земли, способные ее прокормить. На международных рынках могут быть излишки сельскохозяйственной продукции, даже если эти излишки периодически уничтожаются. Но в этой стране люди умирают от голода. Потому что потребность в пище, звериная потребность, есть, а платежеспособного спроса нет. Почему так? Ответ прост: люди там не работают в рыночном смысле. Они не бездельничают, не лежат на спине. Напротив, они даже ежедневно трудятся, чтобы обеспечить свое физическое выживание, но это не наемный труд, им не платят за то, что они делают, они не производят для рынка, а значит, они не являются частью рыночной экономики, не являются покупателями. Поэтому для капиталистической экономики они лишние и неизбежно умрут с голоду, если только кто-то, у кого есть деньги, не купит для них еду и не даст ее им, просто из чувства альтруизма. Поэтому только в рыночной экономике может существовать такое явление, как наличие огромных мощностей по производству какого-либо продукта и в то же время смерть людей от его нехватки. Потому что, даже если он нужен, никто не будет его производить для этих людей, если они не смогут его купить. А если и произведут, то скорее уничтожат, чем дадут. Вот такая ситуация. Из этого примера видно, что рыночная экономика, даже если теоретически она таковой не является, даже если она является лишь средством для блага людей, общества, на самом деле спокойно произвела подмену: как будто «рыночная экономика» видит в людях не своих хозяев, а своих слуг – рабочую силу, потребителей. Но почему только рабочую силу и потребителей? Можно с уверенностью сказать, что не в меньшей степени манипулируют поведенчески предпринимателями, управляют ими и используют их анонимные механизмы «рыночной

экономики», так что «рынок» зачастую диктует им решения, противоречащие их личным ценностным установкам.

Как же все-таки возник сегодняшний кризис? Глупо, что и микроэкономисты, и макроэкономисты, пытаясь ответить на этот вопрос, в первую очередь цепляются за различные причудливо выглядящие, лежащие на поверхности причины. Но эти причины, как бы ни были они важны, являются лишь частью причинно-следственных связей. Взятые сами по себе, они теряют свое «обоснование». Нельзя видеть причину кризиса только в так называемых «финансовых пузырях» в хедж-фондах, на рынке недвижимости и т. д. Это вещи, которые существуют уже давно, но такого кризиса, как сегодня, не было. Нужно искать ключевой фактор, системный механизм, который породил кризис и который, если его не понять, не устранить или хотя бы сдержать, будет порождать его снова и снова, пока не разрушит социальную систему, построенную на экономической основе либерального капитализма.

На мой взгляд, ключевая проблема заключается в том, что для стимулирования непрерывного восходящего развития рыночной экономики необходимо искать новые и новые рынки и расширять существующие. Но не будем забывать, что Земля все-таки не резиновая. Население в развитых странах не увеличивается, а уменьшается. А там, где высокая рождаемость, уровень жизни очень низкий и платежеспособный спрос слабый. Европа и Болгария находятся в демографическом кризисе. Мы не можем «произвести» достаточное количество детей, будущих новых «производителей», которые затем выйдут на рынок и станут платежеспособными покупателями. Ключевая проблема – необходимость постоянного стимулирования потребительского спроса. Целенаправленное создание и поддержание искусственной занятости, повышение пенсионного возраста в развитых странах не могут решить эту проблему в долгосрочной перспективе. А поскольку люди не могут массово разбогатеть достаточно быстро, это можно сделать только стимулируя их жить в кредит, они берут все больше и больше долгосрочных кредитов. Болгария не осталась в стороне от этого процесса. В течение последних 20 лет в нашей стране целенаправленно ведется такая кампания по преодолению традиционной для болгар установки: не иметь долгов, брать кредит только в крайнем случае, быть беднее, но никому не задолжать.

Сейчас мы видим вокруг себя результаты экспансии потребительского кредитования. В глобальном масштабе это была политика открытия рынков, дерегулирования, в результате которой в мировую экономику включались все новые и новые рынки – Восточной Европы, Азии, Латинской Америки, Африки... Таким образом, параллельно происходило несколько процессов, одни из которых были связаны с развитием внутренних рынков, другие – региональных и глобальных, но в совокупности они делали общество и человека более «рыночными», т.е. направленными на включение их в качестве рыночных субъектов (производителей и потребителей, рабочей силы и предпринимателей) в национальную, региональную и глобальную экономику. Это пока обеспечивает расширенное воспроизводство глобальной экономики в экстенсивном плане. В интенсивном плане расширение рынка в самих экономически развитых странах грубо и манипулятивно навязывает потребителям установку на потребление все более новых товаров и выкидывание старых задолго до их физического износа только потому, что они уже «устарели», «немодные», непрестижные... Параллельно идет процесс создания товаров, физическая долговечность которых

близка к моральной. Это очень выгодно производителям, поскольку заставляет покупать новые изделия даже тех потребителей, которые не поддаются внушаемой «модой» потребности постоянно «обновляться».

Однако можно экстраполировать и логически заключить, что возможности расширения рынка ограничены. Как в экстенсивном, так и в интенсивном аспекте. Если это так, то это смертный приговор для рыночной экономики, по крайней мере, в ее нынешнем виде. Почему возможности расширения рынка ограничены?

Во-первых, существует демографическое ограничение. Население планеты не может постоянно расти, да и нежелательно, чтоб это происходило, учитывая ограниченность ресурсов, необходимых для его поддержания. Более того, стареет именно население наиболее экономически развитых стран, где наблюдается отрицательный рост, а это наиболее платежеспособные покупатели на рынке.

Во-вторых, существует ограничение на рост доходов и, следовательно, платежеспособного спроса. Если доходы стимулируются быстрее, чем растет производительность труда, то это неизбежно вызовет инфляцию и снизит их реальную покупательную способность. То есть саморегулирующиеся механизмы рынка будут корректировать диспропорцию между доходами и производительностью.

В-третьих, существует ограниченность ресурсов. Невозобновляемые сырьевые и энергетические ресурсы Земли не бесконечны. В какой-то момент они закончатся, это вопрос времени.

Упомянутые мной ограничители являются базовыми. Наверняка можно назвать и другие. Но что дает нам смелость искать альтернативы существующей рыночно-капиталистической экономической системе?

Во-первых, это ее недостатки. Она создает проблемы, и они в принципе нерешаемы в ее рамках. Конечно, у рыночной экономики еще есть много адаптируемых резервов и возможностей для развития, но это не отменяет необходимости уже сегодня думать и готовиться к времени «после рыночного капитализма». Лучше быть готовым психологически и иметь альтернативные экономические модели, чем ждать, пока стихия событий затянет нас.

Во-вторых, уже сейчас наше технологическое развитие таково, что существующее население Земли можно прокормить и поддерживать небольшим количеством работающих людей. На самом деле реально используется очень малая часть потенциала автоматизации и механизации труда. Производительность труда, которую можно достичь на нынешней технологической базе, гораздо выше, чем существует сейчас. Я считаю, что сегодня в экономически развитых странах поддерживается огромная искусственная занятость, поскольку это диктуется рыночной логикой. Во-первых, необходимостью поддерживать платежеспособный спрос, а во-вторых, социальными рисками высокой безработицы. Безработица – это проблема общества, основанного на рыночной экономике. Поскольку безработный не имеет доступа к рынку, его существование находится под угрозой, но и рынок страдает от того, что он не может покупать.

Чтобы найти ответ на вопрос об альтернативах, давайте сначала ответим на вопрос, какого будущего мы хотим для себя и своих детей?

Если мы придерживаемся минималистских представлений о своей жизни, то можно смело рекомендовать возврат к естественному экологическому натураль-

ному хозяйству, и тогда существование человечества будет обеспечено на многие тысячелетия вперед, но на примитивном уровне, основанном на земледелии, животноводстве и ремеслах. Таким образом, человек органично впишется в естественный биологический цикл и не будет его нарушать.

Другой вариант – так называемый «нулевой рост». Лично мне его достижение и поддержание не представляется привлекательной перспективой. Например, потому, что это неизбежно сильно ограничит свободу человека и возможности прогрессивного развития общества. «Нулевой рост» нельзя достичь и поддерживать без жесткой ограничительной демографической политики, без регулирования личного потребления.

Я считаю, что нам нужна новая, гораздо более рациональная и бескризисная экономическая система. Она должна быть способна удовлетворять человеческие потребности, т. е. делать людей богатыми, не вынуждая их сводить концы с концами. Она должна обеспечивать перспективы прогрессивного развития и расширения человеческого общества и цивилизации. В то же время она должна побуждать людей к участию в процессе производства и воспроизводства. В ней должен быть заложен механизм поиска и внедрения экономически рациональных инноваций. В ней должен быть заложен механизм поощрения предприимчивости людей, чтобы не затухала их инициатива, не деградировали и не угасали их технические, творческие и созидательные способности. Кроме того, нужно создать механизм, стимулирующий рациональное использование и переработку ресурсов.

Здесь я более четко обозначу несколько моментов, которые очерчивают контуры моего понимания будущего экономической системы.

1. Рыночная капиталистическая экономика еще не исчерпала себя, и списывать ее со счетов преждевременно. У нее еще есть адаптационные резервы и потенциал для развития в направлении глобализации. В результате будет построен мир, в котором придется синхронизировать механизмы и институты глобальных рынков – товарных, финансовых, трудовых и т. д. – и политических институтов. Без создания глобальных политических институтов регулирования этот процесс не будет завершен, но он, пусть и болезненно, в итоге приведет к выравниванию условий и стандартов жизни, работы и ведения бизнеса во всем мире. Национальные границы действительно станут чем-то условным.

2. Фундаментальные ограничения, о которых я говорил выше, остановят развитие рыночной экономики – сначала экстенсивным, затем интенсивным путем. Выравнивание условий по мере развития процессов глобализации в полном объеме приведет к тому, что по аналогии с термодинамикой я назову «тепловой смертью» закрытой экономической системы. Мировая экономика будет расширяться до тех пор, пока экономики всех стран не сольются в одну «глобальную экономику». Когда это произойдет, мировая экономика окажется замкнутой и обреченной на автаркию, поскольку не будет другой «внешней» экономики, которой она могла бы «открыться» и с которой она могла бы «обмениваться». Вполне вероятно, что национальные валюты постепенно будут заменены неким вариантом «мировых денег», подобно тому, как национальные валюты заменяются евро в странах ЕС. Я не буду говорить здесь о политических, социальных и культурных последствиях глобализации, доведенной до логического завершения. С экономической точки зрения глобализация мировой

экономики, доведенная до предела, сделает очевидным для всех, что она в конечном счете построена на принципах самодостаточности, что у нее ограниченные ресурсы и ограниченный, хотя и огромный в масштабах всего мира, рынок. Это поставит не менее очевидную необходимость планирования и регулирования производства и потребления, чего нельзя избежать в условиях закрытого рынка и вообще закрытой экономической системы. Повторяю, этого еще не произошло, но это вопрос времени, и здесь я лишь экстраполирую возможные последствия, следуя в направлении, намеченном логикой глобализационных процессов.

3. Необходимо будет сконструировать и построить новый механизм функционирования экономики. Один из вариантов – сделать ее нерыночной. Нерыночная экономика не означает возврата к механизмам и практике централизованной плановой («командно-административной») экономики государственного социализма. Прежде всего потому, что она рациональна только на словах, но иррациональна и волюнтаристична на деле. Волюнтаризм субъективного фактора присущ ей, потому что когда ты не знаешь механизмов чего-то, а если и знаешь, то не имеешь возможности получать реальную и полную информацию и принимать правильные решения в режиме реального времени, то о какой рационально управляемой плановой экономике может идти речь?

4. Глобализация создает основу для нового типа плановой экономики. Средства и механизмы ее функционирования также уже создаются. Это будут не экономическая номенклатура и государственные плановые комиссии, а математико-статистические алгоритмы прогнозирования и управления экономической деятельностью. Их «органы чувств» и «нервная система» будут построены на базе развивающихся информационных технологий и Всемирной паутины. Если информация о состоянии и поведении каждого хозяйствующего субъекта будет полностью открыта, если каждая покупка и продажа, каждая сделка будет отслеживаться и фиксироваться в Интернете, то динамика спроса и предложения, индивидуальные мотивы рыночных агентов будут прозрачны и понятны в каждый момент времени. Тогда действительно можно будет создать систему, включающую как автоматическое (алгоритмическое) управление экономикой как системой – от макро- до микроуровня, так и «ручное» управление, когда можно будет, например, задавать норму накопления, направлять инвестиционный процесс, тонко направлять и регулировать динамику производства, отслеживая динамику потребительского спроса в режиме онлайн. Это уже не будет рынок в прежнем понимании, как нечто стихийное и подчиняющееся законам хаоса. Но и не будет прежнего планирования и администрирования в экономической сфере. Это будет новая экономическая система, управляемая на микро- и макроуровне в режиме онлайн, в которую будут встроены математические модели и алгоритмы оптимизации и саморегулирования в реальном времени. Такая система будет максимально исключать риск краха и спада, расточительства, дефицита и перепроизводства. Она просто будет производить в каждый момент времени ровно столько и столько, сколько нужно. Ни больше, ни меньше. Все это позволит достичь полной сбалансированности, прозрачности и управляемости в функционировании экономического организма, она сможет реагировать и адаптироваться к изменениям внешней среды, как это делает живой организм.

В заключение я хотел бы сказать несколько слов. Мой анализ не претендует на то, чтобы быть единственным мнением по данному вопросу. Я привожу его лишь в качестве заправки и катализатора размышлений и дискуссий о будущем рыночной экономической системы, господствующей сегодня в мире. Какие бы варианты ни предлагались, мы всегда должны помнить, что смысл и цель экономической системы – удовлетворение человеческих потребностей. Она существует ради людей, а не люди ради нее. Хорошо функционирующая экономическая система должна позволять нам быть более довольными, более защищенными, более свободными. Она должна помогать нам решать наши проблемы, а не нагружать нас дополнительными. В итоге нам нужна высокоэффективная и гуманная экономика без кризисов. Экономика, рассматривающая человека не просто как рабочую силу и покупателя, т. е. как средство, ресурс, а как высший смысл и цель своего функционирования. Экономика будущего должна быть, прежде всего, человеческой.

**Явор Тарински. Размышления об
отрицательном росте**

«Экономический рост» – фраза, которую сегодня повторяют как мантру, которую можно услышать в почти каждом высказывании политических и финансовых элит. Экономический рост представляет собой серьезное бремя, как в повестке дня правых, так и левых. Джордж Буш в своей речи, произнесенной в 2002 году, в период, когда он был президентом США, заявил, что экономический рост является ключом к экологическому прогрессу, поскольку именно рост предоставляет ресурсы, нужные для создания возобновляемых и экологически чистых технологий.

Во многих источниках указывается, что несмотря на постоянный рост экономики с тех пор и по сей день, уничтожение экосистемы становится все необратимее: мир уже потерял примерно 80% тропических лесов, а виды животных исчезают в 1000 раз быстрее, чем когда-либо прежде [пр. 1]. Даже секретарь ООН Бан Ки-Мун (бесспорно, являющийся частью нынешней неолиберальной олигархической системы), в 2011 году не мог отрицать очевидного и шокировал аудиторию банкиров и корпоративных представителей в Давосе (Швейцария), признав, что нынешняя экономическая система – «рецепт бедствия» и «глобальный акт самоубийства» [пр. 2].

Но существует и другой аргумент в защиту роста, который на первый взгляд кажется весьма основательным. Многие ожидают, что экономический рост приведет к более справедливому распределению богатства и сокращению разрыва между богатыми и бедными.

Но насколько на самом деле этот аргумент релевантный? Данные экономического роста на мировом уровне указывают, что с 1980 г. ежегодный экономический рост колеблется между 3 и 4%. Но несмотря на это, в соответствии с докладом Save The Children [пр. 3], мировое экономическое неравенство достигло наивысшего значения за последние 20 лет, с тенденцией к усугублению проблемы. Профессор Джексон Хикел, лектор Лондонского экономического университета, утверждает, что самый богатый 1% – это основной бенефициар экономического роста, они увеличили свои доходы на 60% за последние 20 лет. Эту тенденцию отметил еще в 1897 г. Эррико Малатеста в книге «В кафе» («At the Cafe»), где он заметил, что «бедность, безработица и все остальные социальные бедствия существуют также и в других странах, там, где буржуазия и предприимчива, и развита; скажу более того: с развитием промышленности, эти бедствия усиливаются и если в самых передовых странах рабочие не дошли до крайней нищеты и рабства, то этим они обязаны исключительно тому отпору, который они проявляют в форме союзов, забастовок, восстаний и угроз революцией»¹.

Общество экономического роста способствует росту неравенства и несправедливости, а порождаемое им благосостояние часто оказывается иллюзорным; даже для богатых людей общество не является ни комфортным, ни приятным, а скорее болезненным, пропитанным цинизмом и насилием. Высокий уровень жизни, который, по мнению жителей Севера, они имеют, все чаще оказывается иллюзорным. Они могут больше тратить на материальные блага и услуги, но забывают, что за это выставлен

¹ Содержится в «Краткой системе анархизма в десяти беседах», URL: <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/erriko-malatesta-kratкая-sistema-anarhizma-v-desyati-besedah> – прим. переводчика.

ценник: приходится платить снижением качества воздуха и воды, уничтожением природы и приватизацией общего достояния. Это делает современную жизнь более дорогой (например, стоимость лекарств и постоянно растущие налоги). Более того, это даже угрожает ей, поскольку наше выживание зависит от ресурсов, которые мы истощаем и загрязняем во имя доктрины, которая по итогу даже не приносит нам счастья.

Что если сама идея роста – накопления богатства, разрушения природы и усугубления социального неравенства – капкан? Возможно, вместо этого нам следует стремиться к созданию общества, основанного на качестве, а не на количестве, на сотрудничестве, а не на конкуренции.

Чтобы представить и воплотить общество отрицательного роста, нужно отойти от экономизма. Мы должны теоретически и практически противостоять его господству во всех сферах современной жизни, а также в нашем сознании. Основой частью этого противостояния станет борьба за серьезное сокращение рабочего дня, чтобы каждый мог позволить себе работу, которая его устраивает, и свободное время. В 1981 году в своей книге «Changer de Revolution» («Изменение революции») Жак Эллюль заявил, что никто не должен работать более двух часов в день.

Но сокращения рабочего дня самого по себе недостаточно, чтоб построить общество, целями которого является устранение неравенства между всеми людьми. Это построение должно сопровождаться радикальным изменением принципа оплаты труда. Майкл Альберт и Роберт Ханел, авторы альтернативной экономической модели – партисипативной экономики (экономики участия) – предлагают по этому поводу позволить самим людям напрямую контролировать, сколько они получают за свой труд. По их мнению, оплата труда может определяться вложенными усилиями и вкладом в работу [пр. 4], а не физическими преимуществами, лучшими инструментами или накопленным богатством. Люди имеют прямой контроль, помимо всего вышеперечисленного, только над теми усилиями, которые они вкладывают в работу в процессе ее выполнения.

В этом направлении еще одним элементом, необходимым для создания общества, основанного на удовлетворении реальных человеческих потребностей, а не на создании искусственных ради прибыли меньшинства, является прямое участие граждан в политических и экономических процессах. Только сам народ может определить и удовлетворить реальные потребности, и поэтому этот процесс требует системы, основанной на прямой демократии. Любые другие попытки достичь этого через представителей и «экспертов» можно рассматривать как спекулятивные и, по меньшей мере, нежизнеспособные.

Примечания

[пр. 1] <http://www.worldcentric.org/conscious-living/environmental-destruction>

[пр. 2] <http://www.un.org/News/Press/docs/2011/sgsm13372.doc.htm>

[пр. 3] http://www.savethechildren.org.uk/sites/default/files/images/Born_Equal.pdf

[пр. 4] <http://www.lifeaftercapitalism.info/economicvisions/51-parecon/123-parecon-institutions>

**Серж Латущ. Экономика
отрицательного роста**

Логика рекламы, доминирующая в средствах массовой информации, считает все новое – материальное, культурное или иное – запуском продукта. И в каждой запущенной линейке продуктов ключевым словом является концепция. Поэтому с распространением обсуждения идеи *décroissance* (буквально: «отрицательный рост», т. е. экономический спад или сокращение экономической активности), медиа естественно начинают задавать вопрос, какая у нее концепция. Жаль разочаровывать, но отрицательный рост – это не концепция. Не существует экономической теории дероста, эквивалентной теории экономического роста. Отрицательный рост – это просто термин, произошедший от радикальной критики теории роста с целью освободить нас от экономической от экономической корректности, которая не позволяет нам предлагать альтернативные модели политики постэкономического роста.

Отрицательный рост – это не конкретная модель, а ключевое слово. В общественной мысли доминировала прогрессистская экономика роста; ее тирания сделала невозможной творческое мышление. Идея общества, основанного на снижении экономической активности, – способ поднять бурю обсуждений об альтернативах. Обвинения сторонников отрицательного роста, словно они хотят видеть сокращение экономики только в рамках нынешней системы, а не предлагают ей альтернативу, и подозрения в их адрес (как это делают некоторые экономисты-антиглобалисты), будто они хотят помешать отсталому миру решать свои проблемы, в лучшем случае является порождением невежества, в худшем случае – злонамеренности.

Поборники отрицательного роста хотят создать интегрированные, самодостаточные общества, ответственно расходующие ресурсы, и на севере, и на юге. Мы могли бы быть более точными и высказывать меньше алармизма, если бы заменили термин «отрицательный рост» на «дерост». Затем можем начать говорить «арост», подобно «атеизму». В конце концов, отход от современной экономической ортодоксии означает отказ от системы верований, религии. Чтобы достигнуть цели, нужно упорно и жестко деконструировать ткань развития. Термин «развитие» столько раз переопределен, что стал бессмысленным. Несмотря на неудачи, подобная магическая концепция продолжает вызывать тотальную преданность во всем политическом спектре. Доктрина «экономизма» [пр. 1], в которой рост рассматривается как что-то очень хорошее, угасает с трудом. Даже антиглобалистские экономисты находятся в парадоксальной позиции: они осознают вред, наносимый экономическим ростом, но продолжают призывать южные страны извлекать из него пользу. А их предложение для Севера не идет дальше замедления роста. Все большее число активистов-антиглобалистов считают рост в том виде, в котором мы его знаем, неустойчивым и вредным как с социальной, так и с экологической точки зрения. Но несмотря на это, у них низкое доверие к отрицательному росту как руководящему принципу: малоразвитому Югу нельзя отказать хотя бы в одном периоде роста несмотря на то, что этот рост может породить проблемы.

Результатом этого становится патовое положение, в которое не вписывается ни рост, ни дерост. Предлагаемый компромисс по замедлению темпов роста соответствует традиции подобных дискуссий, когда все сходится на недоразумении. Заставляя нашу экономику расти медленнее, мы никогда не добьемся преимуществ общества, свободного от вечного роста (т. е. такого, которое ответственно расходует ресурсы, полностью интегрировано и самодостаточно), но наносим ущерб заня-

тости, которая является неоспоримым преимуществом быстрой, неравномерной и экологически катастрофической экспансии.

С целью объяснить, почему построение общества дероста необходимо и желательно для Севера и Юга, необходимо исследовать историю этой идеи. Отстаивание самодостаточного общества, ответственно расходующего ресурсы, не ново, это часть критики девелопментализма. Более 40 лет международная группа комментаторов анализировала экономическое развитие Юга и выявляла ущерб, который оно нанесло [пр. 2]. Эти комментаторы не ограничиваются рассмотрением позднекапиталистического или ультралиберального развития: например, они рассматривают Алжир при Хуари Бумедене и Танзанию при Джулиусе Найерере, которые официально являются социалистическими, и основаны на участии, самодостаточности и социальной солидарности. Они также обратили внимание на то, что развитие часто осуществляется или поддерживается благотворительными, гуманистическими НКО. И несмотря на некоторые отдельные успешные примеры, это колоссальный провал. То, от чего ожидалось удовлетворение каждого человека во всех аспектах жизни, привело лишь к коррупции, неразберихе и планам структурной перестройки, превративших бедность в нищету.

У отрицательного роста должно быть толковое приложение в той же мере как к Югу, так и к Северу, если есть хоть какой-то шанс остановить южные общества, слепо устремившиеся в тупик экономики роста. Пока еще есть время, надо стремиться не к развитию, а к освобождению: устранять препятствия, которые мешают развиваться иначе. Это не означает возвращение к идеализированной версии неформальной экономики: невозможно ждать изменений на Юге, если Север не примет какую-либо форму экономического замедления. Пока голодные жители Эфиопии и Сомали должны экспортировать продовольствие, предназначенное для животных на Западе, а мясо, которое мы едим, выращено с использованием сои, культивированной на месте вырубленных тропических лесов Амазонки, наше избыточное потребление задушит всякую возможность для Юга обрести реальную самодостаточность [пр. 3].

Если Юг еще попытается создать общество, основанное на отрицательном росте, то ему нужны переосмысление и переориентация. Южные страны должны отринуть свою культурную и экономическую зависимость от Севера и заново открыть для себя собственную историю – омраченную колониализмом, развитием и глобализацией – чтобы создать различные местные культурные идентичности. История культуры многих обществ обнаруживает присущие им ценности, чуждые экономизму. Их необходимо возрождать, как и отброшенный или забытый промысел, а также традиционные ремесла и навыки. Настаивание на росте в регионе глобального Юга, как будто это единственный выход из беды, порожденной ростом, может привести только к дальнейшему упадку. Предложения по развитию – часто продукт доброй воли: мы хотим построить школы и поликлиники, сделать системы водоснабжения, восстановить продовольственную самодостаточность, – но все они характеризуются этноцентризмом, связанным с идеей развития. Спросите у правительств этих стран, чего они хотят, или изучите опросы СМИ о желаниях населения, и вы увидите, что им не нужны школы и поликлиники, которые западный патернализм считает принципиально необходимыми. Им нужны кондиционеры, мобильные телефоны, холодильники и, прежде всего, автомобили (Volkswagen и General Motors планируют

начать производство в Китае 3 млн. автомобилей в год, а Peugeot также инвестирует туда значительные средства). К списку желаний следует добавить прибыльные для правящих элит атомные электростанции, военные самолеты и танки.

Или мы можем прислушаться к словам гневного гватемальского лидера, процитированного Аланом Грассом [пр. 4]: «Оставьте бедных и перестаньте говорить о развитии!». Все представители общественных движений, от Ванданы Шивы в Индии до Эммануэля Ндиона в Сенегале, говорят то же самое. Сторонники экономического роста могут говорить о необходимости восстановления продовольственной самодостаточности, но используемые ими термины доказывают, что такая самодостаточность существовала и была утрачена. Африка была продовольственно самодостаточной до 1960-х годов, когда началась великая волна развития. Империализм, экономический рост и глобализация уничтожили самодостаточность и с каждым днем делают африканские общества все более зависимыми. Может быть, вода и не текла из кранов, но большая ее часть была пригодна для питья, пока не появились промышленные отходы и не загрязнили ее.

Являются ли школы и поликлиники верным способом достижения и поддержания высоких стандартов в образовании и здравоохранении? Великий полемист и социальный мыслитель Иван Иллич (1926–2002) выражал серьезные сомнения в их эффективности даже на Западе [пр. 5]. Как утверждает иранский экономист Маджид Рахнема, «то, что мы называем финансовой помощью, служит лишь укреплению структур, порождающих бедность. Финансовая помощь никогда доходит до тех жертв, потерявших имущество, ищущих альтернативные способы выжить вне глобализованной системы производства, что в большей степени отвечали бы их нуждам» [пр. 6].

Перспектив переосмысления старых путей не существует так же, как и универсальной модели для сокращающегося прогресса или нерастущих рамок. Эти миллионы людей, для которых развитие означает лишь нищету и отчуждение, остались со слабой примесью утраченных традиций и недостижимой современности – парадокс, объединяющий два вызова, с которыми они сталкиваются. Однако не стоит недооценивать силу наших социальных и культурных достижений: творческий потенциал и находчивость человека были однажды освобождены от оков экономизма и мании роста, и есть основания полагать, что они способны справиться с этой задачей.

В разных обществах существуют различные взгляды на общую основную идею хорошей жизни. Если мы должны дать ей название, то это может быть *беумран* (процветание или успех), как говорит арабский историк и философ Ибн Калдун; или *свадеш-сарводая* (самодостаточность и благополучие) Ганди; *батмааре* (совместное процветание) на языке народа тукулер, живущего в Западной Африке; или *фиднаа/габина* (сияние того, кто сыт и свободен от всех забот) в лексиконе эфиопского племени боран [пр. 7]. Главное – отказаться от постоянного разрушения во имя роста. Появляющиеся свежие и оригинальные альтернативы указывают путь к успешному обществу пост-роста.

Несмотря на это, ни на Севере, ни на Юге не преодолеют зависимость от роста без коллективной и комплексной программы детоксикации. Доктрина роста похожа на заболевание и наркотик. Как сказал Рахнема, у *homo economicus* есть две стратегии покорения необжитых территорий: одна из них – борьба со СПИДом, а другая – с нар-

котиками [пр. 8]. Экономический рост, подобно СПИДу, уничтожает общественную иммунную систему и замещает социальным заболеванием. Рост нуждается в непрекращающемся притоке на новые рынки, чтобы выжить, как наркодилер, сознательно создающий потребности и зависимости, которых раньше не существовало. Тот факт, что дилеры этой схемы, в основном транснациональные корпорации, извлекают огромные прибыли из нашей зависимости, еще больше затруднит ее преодоление. Но наше постоянно растущее потребление не может быть устойчивым, рано или поздно нам придется от него отказаться.

Примечания

[пр. 1] Любая система, отдающая предпочтение (капиталистической) экономике как способу организации общества.

[пр. 2] Эта группа издает *The Development Dictionary*, Zed Books, London, 1992.

[пр. 3] Не говоря уже об экологической катастрофе, к которой приводят такие вырубки, или о спекулятивной культивации, совершаемой крупными землевладельцами, которая лишает малоимущих бразильцев зерна, или о риске биогенетических катастроф типа коровьего бешенства.

[пр. 4] Alain Gras, *Fragilité; de la puissance*, Fayard, Paris, 2003.

[пр. 5] *Medical nemesis: The expropriation of health*, Calder and Boyars, London, 1976 and *Deschooling Society*, Penguin, London, 1971.

[пр. 6] Majid Rahnema et Victoria Bawtree, *Quand la misère chasse la pauvreté*, Actes Sud, Paris, 2003.

[пр. 7] Gudrun Dahl and Gemtchu Megerssa, *The spiral of the Ram's Horn: Boran concepts of development*, in Majid Rahnema and Victoria Bawtree, *The Post-development Reader*, Zed books, London, 1997.

[пр. 8] Majid Rahnema and Victoria Bawtree, *Quand la misère chasse la pauvreté*.

**Явор Тарински. Против доктрины
роста**

«В общественной мысли доминировала прогрессистская экономика роста; ее тирания сделала невозможной творческое мышление [...] Но наше постоянно растущее потребление не может быть устойчивым, рано или поздно нам придется от него отказаться».

Серж Латуш [пр. 1]

«Экономический рост» – фраза, которую сегодня повторяют как мантру. Его отставляет большая часть современной политической и экономической элиты. Правые, как и многие левые [пр. 2], грезят о росте, хотя у него содержится множество недостатков, которыми они решительно пренебрегают.

Уничтожение социальной структуры

Мы видим, как потребление доминирует в каждом капиталистическом обществе, основанном на экономическом росте, разделяя его на атомизированных аполитичных индивидов, которые заботятся лишь о себе. Как точно заметил Эрик Олин Райт [пр. 3], динамика капиталистической рыночной конкуренции, мотивированной прибылью, оказывает сильное давление на капиталистические экономики, заставляя ее расти в целом, а не только в производственном отношении. Прибыль образуется за счет продажи товаров и услуг. Чем больше продает капиталистическая фирма, тем выше ее прибыль. Следовательно, капиталистические фирмы постоянно стремятся увеличить свою производительность и продажи. В эту конкретную задачу вкладываются огромные ресурсы, в основном в виде рекламных и маркетинговых стратегий, а также в виде государственной политики, планомерно способствующей экономическому росту. В итоге это создает устойчивую траекторию роста производительности. В таком уравнении досуг умножается на ноль, поскольку он не продается на рынке.

Это приводит к постоянно растущему потреблению, подкрепленному культурными формами, которые создают отчужденный и механистический антропологический тип, оторванный от социальной коллективности. Или, иными словами: людей, способных к автономному мышлению, превращают в безмозглые машины, вращающие гетерономный гигантский винтик экономического роста во имя самого роста.

Углубление неравенства

Другим социальным аспектом негативного влияния непрерывного экономического роста на общество является нарастание социального неравенства.

По мнению доктора Джейсона Хикеля [пр. 4], преподавателя Лондонской школы экономики (LSE), за последние 20 лет 1% самых богатых увеличил свои доходы на 60%, в то время как экономическое неравенство за тот же период достигло максимума [пр. 5], а мировая экономика тем временем неуклонно растет [пр. 6]. Негативные последствия доктрины роста ощутил еще в 1897 году Эррико Малатеста, отметивший в своей книге «В кафе» [пр. 7]:

«...бедность, безработица и все остальные социальные бедствия существуют также и в других странах, там, где буржуазия и предприимчива, и развита; скажу более того: с развитием промышленности, эти бедствия усиливаются и если в самых передовых странах рабочие не дошли до крайней нищеты и рабства, то этим они обязаны исключительно тому отпору, который они проявляют в форме союзов, забастовок, восстаний и угроз революцией».

Здесь я полностью согласен с Джорджем Монбайо [пр. 8]:

«...старая отговорка о том, что для помощи бедным мы должны разворошить всю планету, просто не работает. Спустя десятилетия, за которое сколачивали капиталы те, у кого и так было больше денег, чем они могли потратить, перспективы для всех остальных выглядят все хуже».

Доктрина постоянного экономического роста способствует усилению неравенства и несправедливости, а производимое богатство зачастую оказывается иллюзорным: даже для богатых такое общество не является ни комфортным, ни приятным, это больное общество, полное цинизма и насилия.

Возможно, настало время выйти за рамки доктрины роста. Возможно, знаменитый тэтчеровский лозунг «альтернативы капитализму нет» нуждается в серьезном переосмыслении. Возможно, нам следует стремиться к качеству, а не к количеству; к сотрудничеству, а не к конкуренции.

Общество против экономизма

Чтобы мы могли представить себе и создать общество без стремления к постоянному экономическому росту, нужно отойти от экономизма, то есть от мышления в узко механистическом/потребительском ключе. Это означает теоретическое и практическое сопротивление господству экономики во всех сферах современной жизни, а также в нашем сознании, и подчинение ее политическому, дабы она отражала реальные потребности и желания человека. Одним из возможных политических обществ является автономное общество, состоящее из независимых индивидов, которое придет на смену капитализму и национальному государству.

По мнению Корнелиуса Касториадиса [пр. 9], автономное общество невозможно осуществить иначе, чем посредством автономного действия коллективности. Такая самостоятельность предполагает, что люди ценят нечто иное, чем возможность купить новый блестящий гаджет. На более глубоком уровне она предполагает, что страсть к прямой демократии, свободе и общественным делам заменит отвлеченность, цинизм, конформизм и потребительство. Она также требует замены национальных и глобальных централизованных институтов управления автономными самоуправляемыми политиями¹ [пр. 10], взаимодействующими друг с другом на основе солидарности, равенства, самоопределения и прямой демократии, которые будут сами определять свои потребности, а не делать это с помощью искусственных рыночных механизмов и догм. На смену крупным загрязняющим и истощающим источникам энергии придут малые возобновляемые, нацеленные на автаркию и устойчивость. Одним словом, это означает, помимо всего прочего, что «экономика» перестает быть доминирующей и верховной ценностью. Такова цена, которую мы должны заплатить за трансформацию общества. Свобода требует уничтожения экономики как центральной/исключительной ценности и замены ее страстью к политическому участию.

В противном случае цена, которую человечеству придется заплатить за расточительный потребительский образ жизни, пропагандируемый доктриной роста, будет гораздо выше. По мнению многих ученых и исследователей [пр. 11], Земля не сможет долго поддерживать условия, делающие возможной жизнь в том виде, в котором мы ее знаем, если экономика будет продолжать функционировать в том же духе. Но мы видим, как растет число людей, недовольных потребительским образом жизни, поскольку, как выясняется, постоянное потребление не является достаточным основанием для жизни.

¹ Понятие, используемое для обозначения политической единицы любого уровня, то есть оно используется в качестве родового для таких понятий как «община», «вождество», «племя», «государство» и других – прим. переводчика.

Вопрос самоограничения

В знаменитом лозунге «если это можно сделать, то это будет сделано, невзирая на последствия» мы видим чистую современную технонауку, логику, тесно связанную с доктриной роста. В ее основе лежит следующий образ мышления: не важно, нужно нам что-то или нет, важно лишь то, можно ли это сделать. И если это можно сделать, то это будет сделано, мы найдем причину создать это и способ продажи на рынке.

Касториadis поднимает [пр. 12] вопрос о самоограничении технологии и знания, но не по религиозным или политическим причинам в тоталитарном смысле (он указывает на то, что Сталин объявил теорию относительности антипролетарской [пр. 13]), а по причинам политического выбора, т. е. мышления. Или, другими словами, порвать с гетерономией технонауки, доминирующей сегодня в общественном воображении, и заменить ее автономным мышлением, открывающим множество горизонтов. Появление такого антропологического типа, способного к индивидуальному и социальному самоограничению, – ключ к выходу общества за пределы доктрины роста. Его создание может стать делом рук обычных людей, открывающих пространства участия и освобождения, привносящих ответственность и автономию во все сферы человеческой жизни.

Примечания

- [пр. 1] <https://mondediplo.com/2004/11/14latouche>
[пр. 2] <http://mondediplo.com/2004/11/14latouche>
[пр. 3] Erik Olin Wright, *Envisioning Real Utopias*. 2010. Verso Books. p66
[пр. 4] <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2013/04/201349124135226392.html>
[пр. 5] <http://www.bbc.com/news/world-20156365>
[пр. 6] https://en.m.wikipedia.org/wiki/World_economy
[пр. 7] Errico Malatesta, *At the Cafe: Conversations on Anarchism*. 2005. Freedom Press.
p30
[пр. 8] <http://www.monbiot.com/2012/12/10/the-gift-of-death/>
[пр. 9] Cornelius Castoriadis, *Democracy and Relativism*. 2013. p59 (доступно на <http://www.notbored.org/DR.pdf>)
[пр. 10] <https://en.wikipedia.org/wiki/Politeia>
[пр. 11] <http://www.extremetech.com/extreme/166986-earth-will-not-remain-habitable-for-long-time-to-find-another-planet-says-new-research>
[пр. 12] Cornelius Castoriadis, *Democracy and Relativism*. 2013. p62 (доступно на <http://www.notbored.org/DR.pdf>)
[пр. 13] Ibid.

Мариус Е. Degrowth как обратный билет в будущее

«Дух вновь обретенной критики роста возвращается».

(Paech 2011: 1)

Для наблюдателей крах Lehman Brothers и международного Парижского соглашения по климату в начале XXI века – это сигнал о том, что **экономика больше не может так идти дальше**. Поскольку мы вошли в новый век. Однако при мысли об этом открывается мрачное предзнаменование, так как и только что описанный экономический кризис, и биокризис (глобальное потепление, утрата биоразнообразия, вырубка лесов и т. д.) имеют отношение к будущему планеты (Markantonatou 2015: 98–99). Последствия кризисного капиталистического способа производства отчетливо ощущаются обществом, зависимым от неконтролируемых крупномасштабных технологий и разрушительных форм энергетики, обеспечивающих постоянный экономический рост. Наступление разрушительного для благосостояния роста инициирует растущую потребность в энергии, которую можно обеспечить такими технологиями, как атомная энергетика и даже электростанции, работающие на ископаемом топливе, и, как следствие, ценой тысяч смертей (пример: Чернобыль, Фукусима). Эти социально-экологические катастрофы связаны с динамикой и последствиями экономического роста (Schmelzer / Passadakis 2011: 8–9).

Для разрешения этих кризисных ситуаций формирующийся мейнстрим экономической науки сегодня обращается к **«зеленому новому курсу»**. Этот одноименный подход был разработан в США в 1930-х годах. Он охватывает два основных требования: с одной стороны, необходима реформа налогов и финансового сектора, а с другой – революция в энергетике (*ключевое слово: Индустрия 4.0*) (Bauhardt 2013: 13). Стратегической целью «зеленого нового курса» стала «экологическая и социальная трансформация экономики» (Giegold / Mack 2012: 40). Эта трансформация должна была основываться на поставках энергии исключительно из возобновляемых источников за счет расширения ветровых, гидро- и солнечных электростанций, использования геотермальной энергии и биомассы, а также на изменении транспортной политики (*ключевое слово: переход на электромобили*). В рамках данного подхода делается вывод о том, что в современных условиях электроэнергетика и транспорт в значительной степени зависят от импорта ископаемого топлива. По этой причине группа Green New Deal также говорит о «революции в энергетике и транспорте» (Green New Deal Group 2008: 3). В основе «зеленого нового курса» лежит реструктуризация, сочетающая экологические и социальные требования («зеленая экономика»), например: для достижения этой трансформации новые экономисты мейнстрима считают необходимым регулировать финансовые рынки таким образом, чтобы значительная часть финансового капитала шла на охрану климата (Giegold / Mack 2012: 40).

Однако эта форма **«зеленого капитализма»** не является альтернативой для достижения социально-экологических преобразований. Зеленая экономика (Green New Deal) преследует цель устойчивого развития, однако меры ее экономической политики ведут к постоянной эксплуатации природных ресурсов. Ведь если предложить переориентировать энергию от ископаемого топлива к возобновляемым источникам, не учитывается, что для ее производства необходимы новые технологии, которые также эксплуатируют природные ресурсы (например, кремний в фотоэлектрических системах) (Paech 2011: 7). Это означает, что с точки зрения энергетики

существует только один переход: какие ресурсы Земли эксплуатировать. Кроме того, хотя этот подход направлен на социально-экологическую трансформацию, он не решает социальных проблем, поскольку простое введение, например, налога на финансовые транзакции не изменит неравенства доходов в ЕС (Schmelzer / Passadikis 2011: 81). В дополнение, подобные экономические меры не приведут к социальным преобразованиям, так как они не противодействуют, например, тому факту, что женщины выполняют больше неоплачиваемой и тяжелой работы в отличие от мужчин (Bauhardt 2012: 3). Это означает, что социально-экологической трансформации, которая может быть достигнута с помощью «зеленой экономики», не произойдет и что застоявшаяся машина инновационного роста капиталистического способа производства будет просто вновь запущена (Schmelzer / Passadikis 2011: 70). Таким образом, можно медийно и политически заявлять о том, что производство является устойчивым, хотя эмпирические данные свидетельствуют о том, что это не так, поскольку «зеленый» экономический рост по-прежнему подчиняется импульсу компульсивного роста (Paech 2011: 11).

Из этих неверных суждений «зеленой» экономики можно сделать вывод, что экологическое управление может привести к социально-экологическим преобразованиям **только путем преодоления навязчивого стремления к постоянному росту** (Paech 2011: 17). Эту точку зрения разделяют сторонники движения за отрицательный рост (**degrowth**) во всей Европе. Социально-экологическая трансформация в рамках движения за отрицательный рост требует преобразования энергетического и транспортного секторов с особым акцентом на промышленное производство (Bauhardt 2013: 13-14). Подход экономического учения «дероста» основан на конечности естественных результатов и возможностей роста. Эта точка зрения нашла отражение в немецкоязычных публикациях Ирми Зайдль и Ангелики Зарнт «Общество отрицательного роста» (The Degrowth Society). На английском языке ее можно найти в книге «Prosperity without Growth» (Jackson 2009), а на французском – под термином «décroissance» (Latouche 2006, Ariès 2009, Duverger 2011). Подход противников роста основан, в частности, на результатах исследований счастья, которые ставят под сомнение утверждение о том, что больший материальный достаток ведет к большей удовлетворенности. В этом контексте тезис данной экономической теории гласит, что экономический рост приводит не к росту благосостояния всех людей в обществе, а к усилению социального неравенства и, как следствие, к росту личной неудовлетворенности, проблем с психическим здоровьем, социальной напряженности и структурного насилия (Bauhardt 2013: 13).

В дебатах, критикующих концепцию роста, обсуждается также капиталистическая экономическая система с ее колоссальным потреблением природных ресурсов и производством вредных выбросов, которые приводят к экологическим кризисам с негативными социальными последствиями (*ключевое слово: климатическая миграция*). В этом контексте движение за отрицательный экономический рост понимает, что «экономический рост не является императивом и самоцелью, и его нельзя использовать в качестве еще одной доминирующей парадигмы в экономике, политике и обществе» (Seidl / Zahrnt 2010: 34). Идеи теории отрицательного роста можно воплотить путем прекращения всех политических мер, которые должны вести к экономическому росту, и реорганизации всех секторов и отраслей, зависящих и дви-

жимых ростом. Прекращение роста также останавливает потребление природных ресурсов (Seidl / Zahrnt 2010: 34). Высокозатратные сектора до сих пор зависели от экономического роста и налоговых льгот или страховых взносов, связанных с прибылью, а если ситуация изменится, то им потребуется рост в других организационных и финансовых формах.

Основная критика движения за негативный рост по отношению к «зеленой экономике» заключается в том, что потребление является «сердцем машины роста» в экономике, находящейся в экологических рамках (Rørke 2010). Потребление как двигатель роста определяет, какие товары будут производиться, и, с другой стороны, порождает потребность в более высоких доходах для создания спроса на товары. Осознанное потребление приводит к другим жизненным выборам на индивидуальном и социальном уровне, а не к увеличению спроса на избыточные товары (Raech 2011: 2). Согласно экономической школе отрицательного роста, инвестиции в социально-экологическую реструктуризацию особенно важны в области повышения эффективности. Проекты движения за отрицательный рост способствуют адаптации к изменению климата и разрушению экосистем, а также смягчению их последствий, например, за счет отказа от инфраструктуры, основанной на использовании ископаемого топлива (Schmelzer/Passadakis 2011: 74). Это потребует увеличения государственных, полезных для всего общества инвестиций. Потребуется инвестиции в те отрасли экономики, которые обеспечивают социально справедливую жизнь для всех (например, децентрализованное снабжение возобновляемыми источниками энергии и развитие коллективного транспорта). В этом контексте базовые, начальные проекты были разработаны движением за отрицательный рост: местная экологическая демократия; общественные услуги, направленные на снижение энергозависимости от ископаемого топлива; бесплатный городской транспорт вместо личных автомобилей; финансируемые за счет налогов и контролируемые демократическим путем инвестиции в некоммерческие, но общественно необходимые экологические товары (Schmelzer/Passadakis 2011: 90).

Бесплатный городской транспорт – особенно важный аспект в рамках теории отрицательного роста. Такая организация транспорта приводит к сокращению вредных выбросов в городе. Даже простое анонсирование такой меры и последующее обсуждение этой темы оказывают важный сигнальный эффект на людей (не только на тех, кто пользуется автомобилями). Например, жители населенного пункта могут сами принять меры при изменении общей структуры внутригородского транспорта и сделать выводы о своем поведении в отношении передвижения (Raech 2005: 108). Более того, в исследованиях, посвященных этой теме, считается, что возникнут дополнительные синергетические эффекты. Например, в муниципалитете существуют и другие проекты, направленные на улучшение и достижение устойчивости общественного транспорта. В этом контексте, например, ограничение парковочных мест становится частью согласованных мер, которые могут иметь системные характеристики. Таким образом, общий эффект от всех подобных мер по повышению устойчивости превышает сумму индивидуальных эффектов. Установление порядка пользования общественным транспортом может способствовать формированию определенных моделей поведения не только при поездках в центр города за покупками, но и в целом. Умение пересаживаться на **рельсовый транспорт** и

пользоваться им, а также передвигаться без автомобиля на более дальние расстояния первоначально приобретает в процессе передвижения по городу. Люди говорят об этом, это становится «житейским примером» (Raech 2005: 109). Информация передается другим людям. Дальнейший импульс в пользу устойчивой мобильности сохраняется благодаря тому, что замещение автомобиля позволяет использовать общественное достояние. С точки зрения семей, которые уже не пользуются или редко пользуются личным автомобилем в городе, целесообразно избавиться от него или, если он им еще нужен, заменить его на общий. В результате уменьшения числа владельцев автомобилей снизится нагрузка на город, пространство, планирование дорожного движения и продолжится совершенствование инфраструктур, которые необходимо снести и/или изменить в интересах устойчивого развития. Такое разнообразие, обусловленное спросом, предполагает умеренные решения, которые выступают в качестве связующего звена между потребностями (культурные измерения) и физическим производством (энергетические и инженерные измерения). Это часто называют особым способом или системой использования, которая описывает конкретную практику удовлетворения потребностей (Raech 2005: 114).

Описанная до сих пор идея в экономической школе отрицательного роста применительно к городскому транспорту связана с концепцией **регионализации экономики** (Schmelzer / Passadakis 2011: 85). Это приведет к снижению ограничений мобильности и созданию замкнутых экономических контуров (т. е. уменьшению количества транспорта) – меньшее количество транспорта означает также эффективность с точки зрения времени. Это также выгодно компаниям, специализирующимся на локальном и региональном уровне и, следовательно, способствующим снижению стресса в повседневной жизни. В Германии, например, ежедневно потребляется около 2,6 млн баррелей сырой нефти (один баррель равен 159 литрам), из которых значительную долю составляет растущий спрос, связанный с транспортом (Raech 2005: 297). Эти запасы нефти можно сохранить, если заново представить себе регион как центр жизни в качественном смысле. Если ценность местной среды, городов и регионов отдыха, в частности, будет восприниматься и использоваться по-другому, это решительно изменит предпринимательские возможности. В конечном счете, за транспортными схемами стоят потребности, которые можно сформулировать как более доброкачественный спрос на транспортную инфраструктуру. Тот факт, что привлекательность регионов должна повышаться, не только имеет последствия с точки зрения устойчивости, но и связывает покупательную способность с местной экономикой. Эти меры направлены на выявление региональной экономики – от комплементарных валют, таких как «Chiemgauer», проектов, подобных «Дню регионов», до корпоративных сетей, таких как «ONNO» в Восточной Фризии¹. Культурно обусловленные модели потребления, которых можно достичь без стресса из-за небольших расстояний, **повышают качество жизни и поддерживают малые экономические структуры в период глобальной неопределенности**. Региональные сетевые стратегии могут стимулировать предприятия к локализации и регионализации своей деятельности (Raech 2005: 298).

¹ Фризия – историческая область на побережье Северного моря, занимающая его участок от нидерландского озера Эйсселмер примерно до побережья Дании. Место проживания фризов.

Обобщая, это означает, что движение за отрицательный рост разработало варианты и подходы, которые делают возможной социально-экологическую трансформацию (Schmelzer / Passadakis 2011: 81). В этом смысле меры движения за отрицательный рост приведут к отказу от ограничений роста. Этот отказ сделает возможным устойчивое управление климатом. Такие меры, как расширение бесплатного городского транспорта, позволят сохранить мобильность общества и снизить вредное воздействие на окружающую среду. Сочетание концепций переосмысления регионального и бесплатного общественного транспорта позволяет получить эффект экономической политики, влияющий на децентрализованную экономику и обеспечивающий ее развитие. Кроме того, децентрализованные экономики обеспечивают это за счет децентрализованного энергоснабжения (местной энергетической демократии) (Schmelzer / Passadakis 2011: 90). Таким образом, экономическая концепция отрицательного роста, degrowth, может преодолеть капиталистический способ производства, разрушающий окружающую среду, и в то же время обеспечить децентрализацию социальных претензий на власть.

Библиография

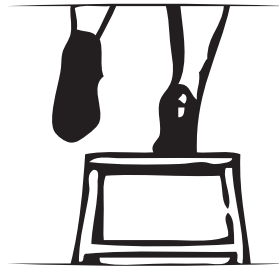
1. Bauhardt, Christine (Hrsg.) (2013). Wege aus der Krise? Green New Deal - Postwachstumsgesellschaft – Solidarische Ökonomie: Alternativen zur Wachstumsökonomie aus feministischer Sicht, http://www.postwachstumsoekonomie.de/wp-content/uploads/Bauhardt_Postwachstum.pdf, letzter Zugriff am 23.11.2018. (S. 9-26).
2. Giegold, Sven & Mack, Sebastian M. (2012). Eurorettung nur mit Green New Deal. Abhängigkeit von fossilen Energieträgern und nicht-erneuerbaren Rohstoffen mitverantwortlich für die ökonomische Instabilität vieler Euroländer. Strategiepapier der Grünen/Europäische Freie Allianz im Europäischen Parlament, <https://sven-giegold.de/neues-arbeitspapier-eurorettung-nur-mit-green-new-deal>, letzter Zugriff am 21.11.2018.
3. Green New Deal Group. (2008). A Green New Deal. Joined-up policies to solve the triple crunch of the credit crisis, climate change and high oil prices, <https://neweconomics.org/publications/green-new-deal>, letzter Zugriff am 18.11.2018.
4. Kallis, Giorgos & Demaria, Federico & D’Alisa, Giacomo. DEGROWTH. Die Drehungen und Wendungen des Begriffs. In Kallis, Giorgos & Demaria, Federico & D’Alisa, Giacomo (Hrsg.). Degrowth.
5. Markantonatou, Maria (2015): Der Fall Griechenland. Wenn Wachstumsgesellschaften nicht mehr wachsen und die Sparpolitik die Probleme nur verschlimmert, in: Atlas der Globalisierung, S. 98 – 102.
6. Paech, Nico (Hrsg.) (2005). Nachhaltiges Wirtschaften jenseits von Innovationsorientierung und Wachstum. Eine unternehmensbezogene Transformationstheorie. Oldenburg. (S. 61 – 300).
7. Paech, Nico (Hrsg.) (2011). Grünes Wachstum? Vom Fehlschlagen jeglicher Entkopplungsbemühungen: Ein Trauerspiel in mehreren Akten. Oldenburg. (S. 1- 19).
8. Röpke, Inge. (2010). Konsum: Der Kern des Wachstumsmotors. In Irmi Seidl & Angelika Zahrnt (Hrsg.), Postwachstumsgesellschaft. Konzepte für die Zukunft (S. 103–115). Marburg: Metropolis.
9. Schmelzer, Matthias & Passadakis, Alexis (Hrsg.) (2011). Postwachstum. Krise, ökologische Grenzen und soziale Rechte. https://www.researchgate.net/publication/294087368_Postwachstum_Krise_okologische_Grenzen_soziale_Rechte, letzter Zugriff am 18.11.2018, S. 8-90.
10. Seidl, Irmi & Zahrnt, Angelika. (Hrsg.). (2010a). Postwachstumsgesellschaft. Konzepte für die Zukunft. Marburg: Metropolis.
11. Seidl, Irmi & Zahrnt, Angelika. (2010b). Argumente für einen Abschied vom Paradigma des Wirtschaftswachstums. In Irmi Seidl & Angelika Zahrnt (Hrsg.), Postwachstumsgesellschaft. Konzepte für die Zukunft (S. 23–36). Marburg: Metropolis.
12. Wilkinson, Richard & Pickett, Kate. (2009). Gleichheit ist Glück. Warum gerechte Gesellschaften für alle besser sind. Hamburg: Tolkemitt bei Zweitausendeins. (Engl. Orig.:

The Spirit Level. Why More Equal Societies Almost Always Do Better. London u. a.: Lane
2009

Ссылки на оригиналы текстов

- [пр. 1] <https://theanarchistlibrary.org/library/anarcho-anarchist-economics>
- [пр. 2] <https://theanarchistlibrary.org/library/sam-dolhoff-anarchist-communism>
- [пр. 3] Оригинальное эссе, впервые опубликовано.
- [пр. 4] <https://theanarchistlibrary.org/library/iain-mckay-the-economics-of-anarchism>
- [пр. 5] <https://theanarchistlibrary.org/library/wayne-price-what-is-anarchist-communism>
- [пр. 6] <https://theanarchistlibrary.org/library/warren-mcgregor-anarchist-economics-a-brief-introduction>
- [пр. 7] <https://theanarchistlibrary.org/library/wayne-price-the-anarchist-method>
- [пр. 8] <https://theanarchistlibrary.org/library/economics-of-freedom>
- [пр. 9] <https://theanarchistlibrary.org/library/francesco-dalessandro-the-forgotten-anarchist-commune-in-manchuria>
- [пр. 10] <https://files.libcom.org/files/ANARCHIST%20ECONOMICS.pdf>
- [пр. 11] <https://theanarchistlibrary.org/library/dan-hancox-marinaleda-spain-s-communist-model-village>
- [пр. 12] <https://www.lifeaftercapitalism.info/economicvisions/34-solidarity-economy/275-intro-solidarity-economy-qvor-tarinski>
- [пр. 13] <https://www.lifeaftercapitalism.info/analyses/400-solidarna-ikonomika-kreativna-suprotiva-prqka-demokraciq>
- [пр. 14] <https://www.lifeaftercapitalism.info/economicvisions/34-solidarity-economy/176-dead-capitalism-todor-markov>
- [пр. 15] <https://www.lifeaftercapitalism.info/economicvisions/102-degrowth/390-razmisli-otricatelen-rastej>
- [пр. 16] <https://www.lifeaftercapitalism.info/economicvisions/102-degrowth/369-ikonomika-na-otricatelniq-rastej>
- [пр. 17] <https://www.lifeaftercapitalism.info/economicvisions/102-degrowth/446-otvud-doktrinata-na-rasteja>
- [пр. 18] <https://www.lifeaftercapitalism.info/economicvisions/102-degrowth/499-degrowth-zavrushtane-v-budeshteto>

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Йэн Маккей, Сэм Долгофф, Денис Хромый, Уэйн Прайс, Уоррен Макгрегор, Solidarity Federation, Франческо Далессандро, Авраам Гильен, Дэн Хэнкокс, Явор Тарински, Тодор Марков, Серж Латуш, Мариус Е.
Свобода и солидарность. Анархический взгляд на экономику

<https://t.me/at1facreative/1745>

ru.anarchistlibraries.net